

ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В лаборатории растений Института генетики Академии наук СССР (Москва). Лаборанты Н. П. Полякова и А. Ф. Тимошенкова производят анализ томатов, полученных путем вегетативной гибридизации.

Цветное фото С. Фридлянда

На первой странице обложки: пионер Игорь Мишин, приветствовавший в числе делегации московских пионеров Иосифа Виссарионовича Сталина в день его 70-летия, рассказывает ребятам детского сада, в котором он воспитывался, о том, как пионеры преподнесли цветы товарищу Сталину.

На последней странице обложки: на лыжной прогулке.

Цветное фото Н. Петрова

ОГОНЁК № 10 (1187) 5 МАРТА 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Мать-героиня Анастасия Исаевна Федотова в кругу своих детей. Слева направо (сидят): Иван Николаевич, Павел Николаевич, Анастасия Николаевна, Борис Николаевич; стоят: Наталья Николаевна, Николай Николаевич, Валерьян Николаевич, Константин Николаевич, Вячеслав Николаевич и Леонид Николаевич (см. в номере очерк М. Смелянской «Бабушка люблинская»).

Фото М. Савина

ДОЧЕРИ ВЕЛИКОГО НАРОДА

История человечества пошла бы в десять раз быстрее, если бы общество не подавляло, не обрекало на бездействие, не убивало сильный и проницательный ум, которым одарена женщина от природы, писал около ста лет назад Н. Г. Чернышевский.

То, чего на протяжении веков не было сделано ни в одной другой стране — раскрепощение женщины, обеспечение ее равноправия, облегчение труженицам тягот материнства,— осуществилось в нашей стране в первые же годы советской власти. Уже в 1919 году Владимир Ильич Ленин с гордостью заявил: «Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне».

Но Ленин и Сталин считали сделанное только первым шагом. Надо было вовлечь миллионы работниц и крестьянок в социалистическое строительство.

В первых же актах советского законодательства было записано, что материнство, перестав быть частным делом, становится общественным долгом матери-гражданки. Строительство широкой сети яслей и детских садов, охрана интересов матери и ребенка создали прочную основу для фактического осуществления равноправия женщин, для вовлечения их в производительный труд. Волею большевистской партии и советского государства были не только уничтожены какие бы то ни было ограничения прав женщины, но и обеспечены условия для ее творческого развития и духовного роста.

Говоря об огромном, еще непочатом роднике народной инициативы, В. И. Ленин указывал: «...среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих уменьем наладить практическое дело...» И партия, проникая в самую гущу женских масс, организовывала их, просвещала, вела за собой. Неустанная забота партии и советского государства о политическом воспитании и культурном росте женщины год за годом давала все более ощутительные результаты, приносила все более богатые плоды.

Советская власть высоко подняла достоинство женщины, воспитала в ней чувство гордости человека, строящего свою счастливую жизнь. Под руководством партии Ленина — Сталина, усилиями советских людей — мужчин и женщин — создана страна без угнетателей и угнетенных, без эксплоататоров и эксплоатируемых, без национальной вражды. Создано новое, социалистическое общество, где действиями людей руководит не жажда наживы, а стремление к общему благу, где основой жизни стала разбуженная партией невиданная энергия и инициатива народных масс. Женщины нашей страны законно гордятся сознанием того, что в строительство первого в мире социалистического государства они внесли свой большой вклад. «Везде сказывается наша воля, везде есть частица нашего труда, всему этому невиданному хозяйству — мы хозяева»,— писали в своем обращении к трудящимся женщинам в день 8 марта участницы женского общегородского митинга в Ленинграде.

Советские женщины знают, кому они обязаны своей свободной, счастливой жизнью, радостью творческого труда, уверенностью в будущем своих детей.

«Кем стала бы я в прежней России,— писала одна из славных зачинательниц стахановского движения в колхозах, Мария Демченко,— если бы не произошла революция и не было бы у нас Ленина и Сталина? Я, конечно, разделила бы участь многих односельчан, которые всю жизнь батрачили на помещиков-тунеядцев... Великий Сталин указал нам, колхозникам, путь к счастливой, зажиточной жизни!»

Как страшный сон, вспоминается теперь безрадостная жизнь крестьянки, не имевшей в старой, дореволюционной России даже права на земельный надел. Задавленная непосильным трудом, политически бесправная и неграмотная, крестьянка была, по словам И. В. Сталина, «последней из трудящихся». Об этой тяжкой доле рассказывала на совещании передовиков сельского хозяйства Украины старая колхозница Герой Социалистического Труда Е. С. Хобта: «...Помню, привяжешь ребенка, забьешь гвоздиком дверь и уходишь на работу. Руки у тебя трясутся, все тело дрожит: как можно работать, когда знаешь, что твой ребенок остался в хате привязанный! А работать надо было... Так мы работали, и старые и малые, при царе. Наша молодежь понятия об этом не имеет, я им про все это, как сказку, рассказываю».

Все это — и семейная кабала, и беспросветные тяготы материнства, и рабский труд — осталось далеко позади.

Советская крестьянка обрела новую жизнь в колхозах. «Без колхозов — неравенство, в колхозах — равенство прав»,— говорил товарищ Сталин участникам Первого Всесоюзного съезда колхозников-ударников.

Колхозный строй превратил женщину в великую силу советского общества. За годы советской власти выросли из рядов колхозниц замечательные мастера, организаторы социалистического земледелия и животноводства. Передовые женщины руководят бригадами и фермами, стоят во главе колхозов. Крестьянские девушки, матери которых знали только соху, сели за руль трактора, комбайна.

Взявшись по зову большевистской партии за подъем сельского хозяйства, колхозницы приносят в дар Родине мировые рекорды урожая яровой пшеницы, сахарной свеклы, хлопка, льна, овощей, выращивания молодняка. Сотни женщин-передовиков в колхозах завоевали звание Героя Социалистического Труда.

В промышленности до Октябрьской революции женщина была занята главным образом подсобной работой. В советские годы она показала, что ей по плечу любая профессия.

Нельзя не вспомнить, что до Великой Октябрьской социалистической революции в России было всего 600 женщин — инженеров и техников. А теперь сотни тысяч женщин занимают в промышленности командные посты — техников, инженеров, начальников цехов, директоров предприятий. С каждым годом множится среди производственниц число работниц-стахановок. Советские патриотки — и в лабораториях и в исследовательских институтах, они и ученые и академики.

Все возможности, которыми располагает наш народ, предоставлены его дочерям. Благодаря заботе советского государства женщины стали большой культурной силой. А ведь в царской России едва тринадцать процентов женщин были грамотными, а высшего образования добивались совсем немногие...

Растет и политическая активность тружениц нашего многонационального государства: 277 женщин — депутаты Верховного Совета СССР, свыше 1700 — депутаты Верховных Советов союзных и автономных республик, 456 тысяч — в составе местных советов.

Вместе со всем народом нашей великой страны идут советские женщины навстречу выборам в Верховный Совет СССР с новыми успехами во всех областях хозяйственного и культурного строительства. В списках кандидатов в депутаты мы снова видим имена колхозниц, работниц, инженеров и техников, учительниц и врачей, артисток, общественных деятельниц — женщин, которыми гордится Отчизна.

Партия Ленина — Сталина вырастила миллионы женщин нового типа, обладающих широким политическим и культурным кругозором, страстных патриоток. Им дороги судьбы и интересы социалистического государства — это с особенной силой сказалось в дни суровых испытаний Великой Отечественной войны. Бессмертными трудовыми подвигами и героизмом, каких до того не знала история, прославили себя советские женщины в годы войны.

И в послевоенный период в первых рядах борцов за построение коммунизма идут наши матери и сестры. С гордостью называют советские люди имена Прасковьи Фроловой, Нины Назаровой, Марии Рожневой, Лидии Кононенко, Валентины Хрисановой и других замечательных новаторов производства.

Наши женщины с честью выполняют великий долг воспитания нового поколения. Советская власть высоко подняла значение материнства в нашей стране, окружила его почетом и уважением. Два миллиона 770 тысяч матерей награждены орденом «Материнская слава» и «Медалью материнства»; 30 750 женщин удостоены звания «Мать героиня».

Великий пример Советской страны показывает, что, только сбросив цепи капитализма, только став на путь социализма, можно покончить с угнетенным положением женщины. Этому учит и опыт стран народной демократии, где женщинам ныне даны права, равные с правами мужчин, предоставлена возможность свободного развития, участия в строительстве новой жизни.

Капитализм — вот причина социальных бедствий и социального неравенства, говорит трудящимся женщинам партия Ленина — Сталина. Пророчески звучат сегодня слова Владимира Ильича Ленина, указавшего несколько десятилетий назад порабощенной женщине капиталистических стран путь борьбы: «Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира... Что же будут делать против этого пролетарские женщины?.. Они будут говорить своим сыновьям: «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу... для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам...»

Опыт тяжелых военных лет многому научил простых людей всего мира. Фашизм оставил множество семей без крова, без очага, сделал сиротами миллионы детей. Фашисты глумились над женщиной, попирали ее достоинство, пытались превратить ее в рабыню.

Кончилась война, но матери и жены, испытавшие горечь утрат, увидели, что добытый ценою пролитой крови мир снова под угрозой. Снова империалистические разбойники посягают на свободу и независимость народов.

Когда передовые женщины мира по окончании войны собрались на первый Международный конгресс и создали Международную демократическую федерацию женщин, участницы Конгресса с горечью писали: «Мир еще не таков, каким его хотелось бы видеть — после стольких тяжелых лет борьбы, после стольких жертв».

Но как бы ни тщились силы реакции повернуть колесо истории назад, век капитализма подходит к концу. Партия большевиков, великий Сталин уверенно и неустрашимо ведут нашу страну к коммунизму, указывая путь другим народам. Сталинская Конституция воодушевляет народы земного шара на борьбу за мир, за демократию, за лучшее будущее.

Мир еще не таков, каким хотели бы его видеть и мы и наши сестры за рубежом. Но миллионы и десятки миллионов людей подымаются на защиту своей национальной независимости, против поджигателей войны. Силы демократии побеждают. И для трудящихся женщин стран капитализма пробьет час освобождения!

БОЛЬШОЙ ПУТЬ

Татьяна ТЭСС

Директор фабрики Мария Андреевна Иванова.

Ровно в одиннадцать часов начинается совещание.

В кабинете директора начальники цехов и отделов, несколько старших мастеров. За столом сидит директор табачной фабрики «Ява» Мария Андреевна Иванова. Русые волосы ее чуть тронуты сединой, лицо доброе, мягкое. На ней вязаная кофточка уютного голубого цвета. Положив на стол небольшие руки, она начинает совещание.

Напротив нее сидит главный инженер. По всей видимости, это человек «взрывчатый», каждое выступление вызывает у него бурную реплику. Если даже и смолчит он, то выразит свое отношение энергичным жестом, взглядом или так повернется в кресле, что затрещат, загудят все пружины. В противовес ему Мария Андреевна очень спокойна. Не перебивая, выслушивает она всех выступающих и, давая каждому высказаться, неторопливо и внимательно переводит взгляд с одного оратора на другого.

Случайно я ловлю этот взгляд.

Голубые глаза смотрят прямо, зорко; в углах доброго рта прочерчена твердая складка. Директор ведет совещание целеустремленно, требует от выступающих ясности и точности; вопросы не расплываются, а концентрируются в главных, узловых точках. В тех случаях, когда скрещиваются интересы двух цехов, Мария Андреевна «сталкивает» выступающих, чтобы в совместном обсуждении сразу выявить причину неполадок.

— Что же происходит с клеем? — спрашивает Мария Андреевна и переводит взгляд на невысокого худощавого человека.

Главный инженер так решительно поворачивается в кресле, что пружины издают глухой стон. Худощавый человек встает и начинает докладывать.

Это инженер-химик фабрики. Фабрика осваивает сейчас новый сорт сигарет, и стахановцы, работающие над этим сортом, нашли, что принятый ранее состав клея в применении к данной марке показал ряд недостатков. Инженер-химик начал изыскивать рецептуру нового состава клея. Экспериментальная работа несколько затянулась и тормозила выпуск новых сигарет. На совещании инженер говорит об этом кратко, но явственно ощущается, сколько труда, творческого беспокойства лежит за каждым словом его сообщения.

Сейчас рецептура нового состава найдена, принята. Эксперимент увенчался успехом.

— Правильно сделали, что прислушались к голосу стахановцев! — говорит Мария Андреевна. — Надо быть чутким к этому голосу, он многое может подсказать... — Она переводит взгляд на круглолицего, краснощекого человека, сидящего в углу. — А что с коробами? — спрашивает она. — Сегодня посмотрела планку для ящиков, потрогала ее, чувствую, сыровата! Влажность ощущается рукой. Это, брат, никуда не годится!

— Сегодня опять была плохая подача пара,— сердито говорит главный инженер. — Пора прекратить это безобразие!

Подача пара, дополнительный фонд на гвозди, планка для ящиков, освоение нового сорта сигарет, учеба, новые машины... Сколько вопросов, больших и малых, разнообразных, разносторонних! Многие вопросы решаются здесь же, на месте. Совещание длится не более пятнадцати минут. В конце его встает один из начальников цеха.

— Сегодня вечером собрание,— говорит он. — Наш оркестр возьмем или будем пластинки пускать через усилитель? Оркестр, может, не справится.

— Как это так не справится? — обидчиво говорит женский голос. — Почему это вдруг наш оркестр не справится? Вчера на морозе играли, у трубачей губы от холода сводило, а до чего душевно, до чего хорошо музыку исполняли... И как это так: торжественное заседание — и вдруг без фабричного оркестра! И с чего это вы вдруг придумали? — продолжает возмущаться женский голос, но начальник цеха уже машет рукой.

— Сдаюсь! — говорит он. — Сдаюсь, товарищ Денисова, а то ты затерзаешь меня со своим оркестром.

Совещание кончается, и в несколько секунд кабинет директора пустеет.

Мария Андреевна встает. Шаг у нее легкий и быстрый. Она надевает поверх своей голубой вязанки белый халат, повязывает голову белым шерстяным платком. Так, без пальто, она идет по заснеженному двору, поглядывая по сторонам хозяйским оком. И мы входим в цех...

Начальник коробочного цеха Анна Ивановна Синицына (справа) и стахановка Нина Горшкова просматривают образцы коробок.

В нашей стране можно встретить немало женщин-директоров, руководителей больших предприятий. Облик их многообразен. В Марии Андреевне сразу приметилась мне ее прямая, открытая душевность. Она не старалась спрятать ее, как делают подчас, за внешней суровостью. Она была вся тут, простая, сердечная. Но вместе с тем есть в ней строгость и твердость. Хозяйская рука ее наделена крепостью и силой.

Уже двенадцать лет она директор большого московского предприятия. О своей жизни она сама говорит так:

— Моя жизнь, я прямо скажу, примечательно интересная! Посмотришь иногда на себя со стороны — и даже поразишься: экую лестницу отмахала! А где она, нижняя-то ступенька? В туманной мгле, как говорится... Стоит на этой нижней ступеньке девчонка с косичками, четырнадцати лет отроду, нанялась девчонка работницей на табачную фабрику к капиталисту. Смотришь на эту девчонку, худую, замурзанную, в драной кофте, и думаешь: неужто это я, неужто я такой была?

Ровесница века, она встретила октябрьские дни, когда ей было семнадцать лет. В 1918 году она вступила в комсомол и в 1919 году принята в партию. Ее выбрали на табачной фабрике женделегаткой,— прямодушная, боевая, в красном платочке на русых волосах, она была в самой гуще общественной жизни. В числе порученных ей дел в первые годы революции было такое сложное по тем временам задание: обеспечить работниц дровами. Она доставала дрова, добывала подводы, помогала грузить и потом победно усаживалась на гору сырых, мокрых поленьев, уложенных на дроги ломовика. И долгое время спустя, когда она уже была начальником цеха, однажды на улице ее окликнул зычный голос:

— Мань, а Мань! Здравствуй, дочка...

Она обернулась: из грузовика махал огромной рукавицей здоровенный дядька в кудлатой ушанке, бывший ломовой извозчик, старый друг-приятель, который помогал ей в первой общественной работе...

В двадцатом году у нее родилась девочка, ее назвали Тамарой. Надо было воспитывать дочку, работать на фабрике, выполнять с честью общественные поручения. Большая, кипучая жизнь! Молоденькой Маше Ивановой доверяли дела, требующие партийной зоркости, уменья быстро разобраться в новых для нее вопросах. Она контролировала торговую сеть, была председателем ревизионной комиссии кооператива, ей поручали сложные обследования. Ей доводилось встречать притаившихся врагов и честных людей, опороченных клеветниками, разбираться в светлых и темных

сторонах человеческой души. Большевистская совесть, принципиальность, большая душевная чистота помогали ей найти верное решение.

Ее тяготило и мучило чувство недостаточности собственных знаний. Она кончила только четыре класса городского училища — и все. А жизнь шла, захлестывала, и как-то не было времени остановиться, заняться собой...

У нее уже было двое детей, старшей девочке пошел десятый год, ее отдали в школу. И мать твердо решила пойти учиться. Она поступила в техникум. В ту пору ей было двадцать девять лет, но она искренне считала себя пожилой женщиной и стеснялась своего возраста, стеснялась того, что будет сидеть на одной скамье с молодыми, только вступающими в жизнь...

Она получила звание техника табачного производства и продолжала учиться дальше. С ней занимался преподаватель: она изучала высшую математику. Ее назначили начальником цеха на фабрике «Дукат». И потом наступил день, когда Мария Андреевна Иванова стала директором табачной фабрики «Ява».

Она принесла сюда свой производственный опыт и знание жизни. Ей исполнилось в ту пору тридцать восемь лет, это был зрелый человек, прошедший серьезную жизненную школу. Иванова пришла в коллектив, где было много работниц с долголетним стажем, коллектив сложившийся, с установившимися традициями.

Надолго запомнила она свое первое выступление на большом собрании.

Она выступала горячо, страстно, слова шли от самого сердца, и она чувствовала, что эти слова находят отзвук в душах людей. Но после собрания она прочла стенограмму своей речи и пришла в полное смятенье.

Ее совершенно сразило то, что в ее речи не было обязательной, как ей казалось, ораторской гладкости, когда каждая фраза закруглена, очищена от пауз и повторений.

Все слова собственного выступления показались Марии Андреевне ершистыми, угловатыми. Они шли одно за другим, прямодушно и стойко, как солдаты.

С горестью, чуть не плача, глядела она на стенограмму. В ту минуту она не поняла, что прямота и безыскусственность ее слов были сильней любой ораторской цветистости и что главным ее оружием была ясность мыслей, облеченных в простую форму. Она смело и спокойно вскрыла недостатки, наметила программу действий, сумела зажечь людей, заставить их поверить в себя...

Двенадцать лет прошло с той поры. Фабрика выросла за эти годы, стала одним из передовых предприятий.

Вырос и директор. Прибавилось опыта, знаний, прибавилось седины в русых пушистых волосах. Выросли у директора внуки, но — вот чудеса! — не чувствует Мария Андреевна тяжести лет на своих плечах! Двадцать с лишним лет назад, начав учиться в техникуме, она всерьез считала себя пожилой женщиной, а сейчас так легок и быстр шаг, такая молодая пытливость, неутомимость, жажда роста, словно в годы юности...

И когда мы входим в гильзовый цех и директор, остановившись у машины, показывает, как формируется гильза, как срастается «замочком» шов, вдруг явственно проступает в чертах полной седеющей женщины шустрая молоденькая работница, которая когда-то стояла у такой же машины. И красный платочек видишь на ее голове, почти символический красный платочек, что так тесно связан с гордой, воинственной молодостью первых лет революции.

На фабрике немало пожилых работниц, старых производственниц. Войдешь в сигарный цех и увидишь стол, за которым сидят пожилые женщины в белых халатах, чистенькие, как медицинские сестры. Женщины работают истово и торжественно. Они сортируют дорогие сорта табака, идущие для изготовления сигар. Тишина, только слышен шелковый шелест листов.

В соседнем помещении среди молодых работниц сидит старушка, которую все называют «тетя Саша». Смуглые, перетянутые бумажными кольцами сигары лежат перед нею; она проворно берет их, укладывает в коробку, и вот уже сквозь целлофановое окошечко виднеются в коробке заостренные, как у пуль, сигарные кончики...

Старушка маленькая, сама сухая, как лист. Губы ее строго поджаты. Увидев вошедшего к ней директора, она сердито поводит круглым, как булочка, подбородком и вдруг кричит тонким, пронзительным голоском:

— Мария Андреевна, почему, скажи на милость, готовую продукцию от нас не забирают? Весь угол коробками заложили, глаза б мои на них не смотрели! Вы мне больше работы дайте, я на работу завистливая...

— Неугомонная твоя душа! — говорит Мария Андреевна и качает головой. — Столько лет на фабрике и все покоя не хочешь, все тебе работы мало...

— Пусть другие идут на покой,— ворчит тетя Саша. — Мне этот покой ни к чему! Уйдешь домой, а вся душа тут, на фабрике, и каково это жить человеку, когда душа не с ним?

Тетя Саша смеется и поправляет косынку, съезжающую с седой головы.

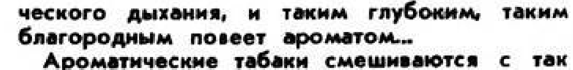
За другими столами в сигарном цехе работают девушки. Многие из них окончили девять — десять классов средней школы. Это молодежь, обладающая широкими знаниями, техническим кругозором,— молодое фабричное поколение. В небольшом цехе тесно сплочены общностью интересов и устремлений люди различных поколений, различных биографий и судеб.

Вот лежит на столе большой продолговатый лист. Он покрыт сетью жилок, напоминающих линии человеческой ладони. Цвет его удивителен: густой, теплый, — он напоминает червонное золото. Положите этот лист на руку, и вас поразит упругость и крепость его ткани, словно вы держите кусок парашютного шелка. Вдоль листа, вздувшись, как вена, проходит жесткий стебель. Оторвите стебель, он отделится легко, чуть потрескивая, и лист, лишившись жесткой своей основы, станет еще мягче и шелковистей.

Чем пахнет этот лист? Он желт, как бывает желта осенняя листва, но напрасно, вдыхая его аромат, вы стараетесь припомнить милый запах осенней прели, все то нежное и легкое, что веет из леса, тронутого увяданьем. Лист пахнет пряной терпкостью, горечью. Из этих листьев делают дорогие сорта сигар.

Знатоки ценят знаменитые на всю страну папиросы «Казбек», «Ява», любительский «Беломор»... Можно увидеть в цехах, как машины набивают табаком сигареты «Москва» и «Друг», увидеть тяжелые, спрессовавшиеся табачные кипы...

Вот «Кавказский самсун» — великолепный табак, получивший мировую известность. Попробуйте подышать на его лист, почти приложив губы к нежной, шуршащей поверхности. Эфирные масла, душистые смолы, заключенные в «Самсуне», разогреются от человеческого дыхания, и таким глубоким, таким благородным повеет ароматом...

Ароматические табаки смешиваются с так называемым скелетным табачным сырьем, необходимым для придания папиросам крепости. В отличие от американских сигарет с их искусственной, навязчивой отдушкой наши табаки славятся естественностью запахов, тонких, сильных и ароматных.

На фабрике «Ява», как на всяком советском предприятии, есть подлинные художники своего дела. Это главный табачный мастер Чистов, знаток и «дегустатор» табаков, это опытные сортировщицы.

Когда последовательно переходишь из одного цеха в другой, всегда ощущаешь ритм, в котором работает все предприятие. Даже не слишком наблюдательный глаз, и тот подметит суетливость в одном цехе, унылые паузы простоя или отставания в другом... Но когда все предприятие работает в едином, ровном ритме, то в любом цехе почувствуешь мерный ход этого ритма, подобно тому, как, положив руку на запястье человека или нащупав тонкую, пульсирующую жилку на его виске, ощутишь ровное биение хорошо работающего сердца.

Обходя вместе с директором предприятие, можно составить некоторое представление о методике руководства, о степени осведомленности. В беглых разговорах проступает порою утомительная мелочность, когда человек не умеет отсеять от себя третьестепенное и пустяки расхищают его время, засоряют память, отвлекают от основных проблем. Но можно подметить, как было в данном случае, приметы спокойного, серьезного руководства, подметить не мелочную памятливость, а знание и понимание основных, решающих процессов. Это — руководство без подчеркиванья, без нажима, полное дружелюбия и сердечного внимания к людям.

Люди здесь растут, не останавливаются на достигнутом. Размах той жизненной «лестницы», которую прошагала Мария Андреевна, можно подметить и в других биографиях. Я познакомилась с начальником гильзового цеха В. С. Юрчевой. В прошлом Юрчева — машинист папиросно-набивных машин. Сейчас она заканчивает институт, это хороший, знающий специалист.

Не так давно была на фабрике простой работницей Анна Синицына, ныне начальник коробочного цеха. Из простой работницы стала помощником директора Мария Денисова... Люди, выросшие здесь, стремятся остаться на фабрике, связанные с нею неразрывной, душевной нитью...

Когда мы вернулись в кабинет директора, там стояла тишина. Сквозь открытую форточку летели редкие легкие снежинки. Скоро придут сюда, к директору, работницы, а потом начнется прием в доме напротив, куда к Марии Андреевне, как к депутату Московского совета, приходят ее избиратели.

Директор садится за стол, снимает телефонную трубку.

— Евгения Ивановна? — говорит она. — Надо, чтобы кто-нибудь поехал от нас на «Дукат». — Глаза директора лукаво щурятся. — Как зачем? Знамя забирать, голубушка! Чудесное поручение, знаете я бы сама взялась, да неудобно как-то... Подберите подходящего человека, оформите все, дайте доверенность, честь по чести! А то они придираться будут. Что? Ну, конечно, каждому неприятно знамя отдавать другому предприятию...

Она кладет трубку, глаза ее веселы, лукавы, она проводит по лицу маленькими крепкими руками, словно умывается.

И опять на секунду проступают в ее лице черты молоденькой работницы, что тридцать лет назад стояла у машины в гильзовом цехе фабрики «Дукат». И веселая гордость блестит в ее глазах.

Начальник гильзового цеха Вера Сергеевна Юрчева.

ЖЕНЩИНА ИЗ СЕЛА ОРАУШИ

Е. АНУЧИНА

Жарко натоплена печь, в широкие окна смотрят голубые снега; шорники сидят на низких табуретках и чинят сбрую. Новые шлеи развешаны по стенам. Казалось бы, еще не кончился день, но вот под потолком загорелась большая электрическая лампа, и поля за окнами потемнели. По соседству начала работать электростанция. Сквозь ровный, ритмичный стук двигателя хорошо слышно, как старший конюх говорит у двери с председателем колхоза по телефону: «Что? Пока не запрягать? Может, «победу» из гаража выводить будете? А как же?..»

Вдруг разговор обрывается. Старший конюх бережно кладет на рычаг трубку. По его лицу можно понять, что он узнал хорошую новость. Улыбаясь, выходит он на улицу. Новость, должно быть, знает уже вся деревня Чубаево. Проходят девушки в белых чесанках и калошах, в ярких шерстяных платках и пестрых кружевных фартуках, которые выглядывают из-под коротких полушубков. Девушки очень торопятся.

Степенно идут женщины; около правления колхоза они задерживаются, поднимаются на крыльцо и веником отряхивают снег с валенок. Потом, взглянув друг на друга, рассаживаются на скамье около печки и на дубовых стульях, с большим уменьем сделанных чубаевскими мастерами. Приходит колхозник Кирилл Николаев, скромный, застенчивый человек, получивший в прошлом году невиданный урожай озимой ржи: с участка в 13 гектаров он собрал по 403 центнера.

Но вот и сам председатель правления колхоза «Дружба» — Иван Григорьевич.

— Очень хорошо,— говорит он, расстегивая пальто и поправляя ворот гимнастерки,— вот и собрались, хорошо!

— А как же! — отвечают женщины. — Зоя Ананьевна приехала. Повидаться надо.

А Зоя Ананьевна Андреева, председатель Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, уже входит в дом. Обив веником снег с валенок, она переступает порог.

— Здравствуйте, Зоя Ананьевна, здравствуйте, салам! — несется отовсюду.

Высокая женщина окидывает ясным, спокойным взглядом присутствующих и здоровается с колхозниками:

— Салам!..

И сразу же возникает тот простой, полный большого значения разговор, который возможен только между друзьями. Говорят о детях: о маленьких и о тех, что недавно были на каникулах в Чубаеве, а теперь снова уехали в Москву, в Казань, в Чебоксары и уже опять ходят там на лекции, занимаются в техникумах, институтах, готовятся к зачетам.

Председателю колхоза Ивану Григорьевичу очень хочется высказать свои просьбы. И, наконец решившись, он говорит:

— Зоя Ананьевна, буду строить лечебницу и детский сад. Вот такие планы... Нужен будет шлакобетон... Поможете?

— Что шлак... — отвечает Зоя Ананьевна,— у вас глина есть. Кирпичный завод надо строить, свой кирпич иметь.

— Э, чанах та, чанах та. верно, верно!.. — слышатся голоса женщин. — Глины много.

— Условились,— говорит Зоя Ананьевна,— будет в колхозе «Дружба» кирпичный завод. Совсем по-другому жить начнем, Иван Григорьевич. Ты и району поможешь.

Зоя Ананьевна достает заветный блокнот и четоропливо пишет. Всем в Чувашии знаком этот блокнот. Что туда записано,— будет исполнено.

Это знают и ученые, и колхозники, и рабочие, и министры Чувашии. Год назад была сделана запись:

«Министру лесной промышленности и министру народного просвещения: в поселках при лесных пунктах должны быть свои школы». И теперь отовсюду идут вести — школы строятся. Председатель Ибресинского райисполкома даже прислал фотографию новой школы в Чернореченском поселке.

В этом блокноте были намечены тезисы выступления Зои Ананьевны в Москве на конференции сторонников мира, делались записи о народном искусстве Чувашии, о песенниках, о художниках, о вышивальщицах. И совсем недавняя пометка: «Указать министру финансов на то, что надо строже следить за правильной выдачей пособий многодетным матерям».

Колхозницы Петрова и Казакова прислали письма Зое Ананьевне. Они жаловались, что им задерживают пособия. Обе получили деньги через несколько дней после того, как отправили письма. Эта быстрота не удивила женщин. Ничего другого они и не ожидали.

— Такой человек Зоя Ананьевна — обидеть не даст. Она и родилась тут недалеко, в селе Ораушн, ее все там помнят. Поговори с кем хочешь — скажут.

Но не все знают, что еще много лет назад когда Зоя Ананьевна была совсем юной девушкой, она вступилась за женщин.

В селе Янгорчино в чувашской школе работала молоденькая учительница, дочь фельдшера Анания Андреевича. Она учила ребятишек грамоте, каталась с ними на лыжах и возвращалась домой вся в снегу, когда над селом уже горели крупные звезды. Переодевшись, она отправлялась на посиделки — улах. Девушки собирались в чисто прибранной бане. Все приходили с куделью, с вышиванием, а учительница приносила книги. Но не сразу девушки научились ее слушать. Однажды Зоя Ананьевна начала читать своим подругам поэму чувашского поэта Константина Иванова «Нарспи».

Она прочитала поэму до самой интересной страницы, где Нарспи убежала в лес от свадьбы с нелюбимым.

— Хватит? — лукаво спросила молоденькая учительница у подруг.

— Ой нет, читай еще!— закричали девушки.

— Сегодня уже поздно, — сказала Зоя Ананьевна, — а завтра опять соберемся. И пусть парни придут послушать.

Посиделки переместились в школу. Начали читать и газеты и журналы. Приходили не только девушки и парни, но и бородачи, садившиеся на последних партах. Стали заглядывать и женщины. И как-то раз одна из них спросила:

— Зоя Ананьевна, женщинам-то землю дадут?

В первую минуту молоденькая учительница растерялась.

В стране уже свершилась социалистическая революция. Но многие большие дела еще только предстояло начать. В селе Янгорчино землей наделяли, как в старое время, только мужчин.

— Забыли об этом, просто забыли!.. — сказала Зоя Ананьевна. — Я завтра же пойду в волисполком.

Председатель волисполкома встретил молодую учительницу приветливо:

— Что ж, Зоя Ананьевна, ты у нас девушка умная, много книг прочитала, народ тебя любит. Собирай сходку, решайте сами, как землю переделить, чтобы женщин не обидеть.

Сходку собрали возле школы. Услышав, что разговор идет о переделе земли, пришли янгорчинские богатеи в дубленых расшитых шубах, явились старики с дубовыми палками, по многу лет не слезавшие с печи. Женщины улыбались и не отходили от учительницы.

Поднявшись на бугорок, слово взяла Зоя Ананьевна.

— У нас советская власть, — сказала она, — у женщины равные права с мужчиной, и надо, чтобы у всех земли было поровну. Передел нужен. Ставим вопрос на голосование.

А собралось почти полтысячи человек. И сколько ни голосовали, сколько ни поднимали

Председатель Президиума Верховного Совета Чувашской АССР Зоя Ананьевна Андреева.

руки, янгорчинские богатеи в дубленых шубах кричали:

— Неправильно, неправильно! Не так считаете. Расходись по домам! Зачем женщине земля?

Казалось, сходка уже сорвана. Но люди еще не знали по-настоящему Зою Ананьевну.

— Никто не уйдет, пока землю не переделим! — крикнула она. — Неправильно считаем? Давайте по-другому тогда... Кто за то, чтоб женщинам дать землю, оставайтесь тут, со мной. А кто против,— переходите за ручей. Ну... Мы долго ждать не будем!

Разговоры смолкли.

Подняв плечи, нахмурившись, не глядя друг на друга, через ручей перебралось человек тридцать. Тогда послышались шутки, смех.

— Шубы-то не замочите. Сапоги скиньте...

Дело было решено. Женщины в селе Янгорчино получили землю.

Вскоре после этого Зою Ананьевну выбрали в волисполком. Она стала заместителем председателя.

Восьмого марта на собрании женщин Зоя Ананьевна сказала о своем решении вступить в коммунистическую партию большевиков и подала заявление.

Когда рассматривали ее заявление на бюро райкома, был задан вопрос:

— Какое дело вы считаете самым большим и важным в своей жизни?

— Я хочу помогать своему народу стать культурным и сильным, чтобы вместе со всей нашей страной мы построили коммунизм.

Вырастая, сбываясь, эта мечта идет через всю жизнь Зои Ананьевны. И когда она стала председателем ЦИК Чувашской АССР, была избрана депутатом Верховного Совета СССР, эта мечта наполняла делами каждый ее день. Так же, как и теперь, когда она опять выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Вот Зоя Ананьевна сидит в правлении колхоза «Дружба». Рядом с нею две подружки — Валя Григорьева и Маруся Павлова. У девушек ярко блестят глаза, обе поминутно поправляют платки и вспыхивают от волнения. Они рассказывают о лекциях по агрономии, о спектаклях в клубе, о том, какие красивые платья они себе купили.

А с улицы доносятся звонкие голоса. Поют по-чувашски:

Я на берег Волги забреду,
Подхвачу я песню на лету.
Льются песни Родины моей,
Нету этих песен веселей!

Город у океана

Реконструируется главная магистраль Мурманска — Сталинский проспект. Вдоль тротуаров оставлены широкие полосы для зеленых насаждений.

С. МОРОЗОВ

Фото Галины Санько

Увидев над Мурманском безоблачное небо, приезжий человек может воскликнуть: «Какая сегодня хорошая погода!» Но коренной мурманчанин обязательно поправит: «Не сегодня, а сейчас». И он окажется прав. Налетит с моря шквалистый ветер — и мгновенно ясный небосвод закроется тяжелыми, низкими облаками, и польется холодный, частый дождь. А через какой-нибудь час снова ярко засияет солнце.

В декабре — январе, когда от одиннадцати до трех часов дня над городом едва брезжит свет, а остальное время суток — сплошная ночь, мороз может неожиданно смениться бурной оттепелью. В мае — июне, когда солнце не заходит, случается, что несколько дней подряд бушует пурга.

Город находится под 69-й параллелью, далеко за Полярным кругом. Но никогда не замерзает согретое струями Гольфштрема Баренцово море.

Мурманск стоит на безлесной, каменистой земле. Его окружают пустынные сопки и тундра. Однако никакой другой из городов мира, расположенных так далеко за Полярным кругом, не может сравниться с Мурманском по численности населения, благоустройству и, что самое главное, по темпам развития.

Прежде чем остановиться у мурманского вокзала, московский скорый поезд, ведомый мощным электровозом, проносится мимо небольшого городка на берегу Кольского залива. Над приземистыми бревенчатыми домами одиноко возвышается церковная колокольня. Это Кола, впервые упоминаемая в Новгородской летописи в 1264 году. Позднее, при Иване Грозном, здесь был учрежден острог для отражения набегов шведов и датчан. Нападали на Колу с моря и англичане — в 1809 году и во время Крымской войны 1854—1855 годов. Но в обоих случаях их попытки высадиться на берег оканчивались провалом, и «просвещенные мореплаватели» мстили мирным жителям, сжигая дома Колы огнем своей корабельной артиллерии. Так погиб от варварских обстрелов англичан деревянный Воскресенский собор — замечательный памятник древнего русского зодчества, простоявший около двух веков.

Кольский полуостров, издревле обживаемый русскими людьми, был для царского правительства «холодной Сахарой». Предельно выразительна резолюция архангельского губернатора маркиза де-Траверсе, наложенная в 1842 году на ходатайстве местных жителей об организации на Мурмане рыбных и китобойных промыслов: «Мурман — земля необитаемая. Там могут жить два петуха и три курицы».

Только первая мировая война заставила хозяев Российской империи заняться заполярным краем. В 1916 году, когда была, наконец, закончена построенная на костях трудового люда Мурманская железная дорога, на берегу незамерзающего залива появилась ее конечная станция.

Тяжелым было детство русского города у океана. Уже весной 1918 года он стал жертвой интервенции англичан, которым немало содействовали троцкисты, пробравшиеся в руководство Мурманского совета.

Годы хозяйничанья интервентов и белогвардейцев на Мурмане, как и на всем европейском Севере нашей страны, ознаменовались безудержным террором. Арестовывая сотни рабочих и сотрудников советских учреждений, оккупационные власти морили их голодом, подвергали пыткам и издевательствам. Тюрьмы Архангельска, Мурманска, Печенги, Александровска, Кеми были переполнены. В тюрьму был превращен старый военный корабль «Чесма», который охранялся английским отрядом морской пехоты. В памяти советского народа вечно сохранятся имена наших соотечественников-северян: товарищей Борисова, Подвойского, Батюшкова, Попеля, Комлева и других, замученных интервентами. На пустынном побережье Кольского полуострова интервенты и их подручные — белогвардейцы — создали Иоканьгскую каторжную тюрьму, которая получила печальную известность своим чудовищно зверским режимом. За пять месяцев существования этой тюрьмы там погибло от голода, холода, истязаний, а также было расстреляно без суда и следствия 250 человек.

Патриоты Советского Заполярья — мужественные сыны русского народа — все годы оккупации не прекращали борьбы с иноземными поработителями. Когда закованного в кандалы мурманского рабочего Веселова английские солдаты вели на казнь, он гордо бросил своим палачам: «Смерть наемникам капитала! Да здравствует советская власть во всем мире!»

В марте 1920 года наступающая Красная Армия выбросила интервентов за пределы советского Заполярья.

Поселком временных деревянных бараков начал свое существование советский город Мурманск. О тех, уже далеких теперь вре-

В районах, разрушенных варварскими налетами гитлеровцев, выстроены и продолжают строиться все новые и новые дома.

Неисчерпаемы рыбные богатства Баренцова моря. Трюмы возвратившегося с промысла траулера полны свежей трески. Ее выгружают у Мурманского рыбного комбината.

Витаминизированный рыбий жир разлит в бидоны, запломбирован, готов к отправке.

менах хранит память простой камень на могиле жертв интервенции в центральном сквере города. Рядом со сквером — трехэтажный дом, построенный уже при советской власти. Он был единственным большим зданием в городе до 1933 года, когда Мурманск посетил И. В. Сталин. С той поры город начал быстро расти и благоустраиваться. При ближайшем участии и под непосредственным руководством С. М. Кирова и А. И. Микояна развился в Мурманске рыбный промысел, были созданы траловый флот и предприятия по переработке рыбы. На берегу, террасами поднимающемся над заливом, пролегли новые улицы. Из бараков и бревенчатых изб многие жители переселились в благоустроенные дома.

В бредовых планах Гитлера захват Мурманска, стоявшего недалеко от границы, рассматривался как дело нескольких дней. Но три с лишним года просидели в безлюдных сопках тирольские горные егеря, «завоеватели Нарвика и Крита». А потом Советская Армия, осуществляя десятый сталинский удар 1944 года, выгнала их за пределы области Печенги и из Северной Норвегии.

Эти три с лишним года были полны суровых испытаний для Мурманска. Изо дня в день гитлеровцы варварски громили его с воздуха. В сплошные пожарища были превращены жилые кварталы. Фашистские бомбы разрушили школы, больницы, Дом культуры, универмаги, гостиницу «Арктика». Но все эти годы патриоты советского Заполярья жили напряженной трудовой жизнью. В порту выгружали суда. По железной дороге к фронтам Отечественной войны шли составы. Невзирая на угрозу со стороны фашистских подводных лодок, рыбаки промышляли в море.

Когда на полях Европы советские войска еще добивали фашистские полчища, здесь, на северной русской земле, снова застучали топоры плотников, загрохотали экскаваторы. На пустырях, вокруг развалин начали вырастать строительные леса. Благодаря огромной помощи партии и правительства, благодаря отеческой заботе товарища Сталина Мурманск возрождается.

Десятки траулеров выходят сейчас из Мурманска на промысел. В соревновании за выполнение пятилетки в четыре года команды отдельных передовых судов достигли уже рекордных довоенных уловов — 60 тысяч центнеров рыбы в год.

Полвека назад русский ихтиолог и океанограф профессор Н. М. Книпович, впоследствии почетный член Академии наук СССР, первый начал исследовать Баренцово море. Накануне империалистической войны 1914—1918 годов ученый-патриот с горечью отмечал, что отечественные предприниматели не в силах освоить открытые им запасы рыбы и что в наших водах промышляют иностранные хищники. Ныне рыбаки Заполярья, опираясь на последние достижения советской науки, все более расширяют район промысла. Полярный «залом», добываемый в северной части Баренцова моря, исландская сельдь пополняют сейчас и без того разнообразный ассортимент рыбной продукции Заполярья. Около трех десятков лет работает в Мурманске Полярный институт рыбного хозяйства и океанографии — один из филиалов Всесоюзного института, созданного в 1921 году по декрету В. И. Ленина.

Соленая и свеже-мороженая треска, первоклассная семга, копченый морской окунь, по вкусовым качествам не уступающий лучшим балыкам, высокопитательные консервы из тресковой печени, витаминизированный медицинский рыбий жир идут из Мурманска в города и села нашей страны.

Тот, кто помнит Мурманск 1945 года, тот не узнает его теперь. Сверкают белизной дома Сталинского проспекта. Мостовая покрыта асфальтом. Пусть над городом два зимних месяца не восходит солнце — электрические фонари заливают улицы ярким светом. Снова принимает приезжих гостиница «Арктика». Центральный сквер, некогда изрытый воронками, теперь усажен густым кустарником. Неподалеку от восстановленного универмага железнодорожников выстроен новый кинотеатр «Победа».

Дом культуры имени С. М. Кирова снаружи еще не отделан, но зрительный зал уже поражает своим великолепием. Отделанный карельской березой, освещенный хрустальной люстрой, он стал много просторней, наряднее прежнего. Фойе обставлено мягкой мебелью, устлано коврами. Нет, прежде, до войны, тут не было так уютно!

В Доме культуры дает спектакли городской драматический театр. Недавно в Мурманске открыт учительский институт — первый вуз в Заполярье.

Еще более радостны перспективы города. У «пяти углов» — оживленнейшего перекрестка в центре города — будет создана площадь Героев Арктики, украшенная монументальной скульптурой. Огибающая центральную часть города улица лейтенанта Шмидта превратится в транзитную магистраль грузового движения. Близ проспекта Ленина, там, где сейчас глубокий овраг, будет сооружен стадион, а на окраине, в долине Варничного ручья, возникнет парк культуры и отдыха.

Сталинская забота о людях, о росте их культуры и благосостояния быстро преображает славный русский город.

Председатель Мурманского городского Совета депутатов трудящихся А. Е. Шалашов и главный архитектор города Г. Б. Мухин обсуждают проект нового здания.

К. Л. Бурков, один из лучших капитанов тралового флота, помнит времена, когда на месте, где сейчас проложен Сталинский проспект, росла морошка. Ныне Константин Лаврентьевич занимает благоустроенную квартиру на шестом этаже дома № 38 по Сталинскому проспекту. На снимке: семья Бурковых за завтраком.

Вечером в зрительном зале Дома культуры. Мурманчане смотрят спектакль городского драматического театра.

Быль о жизни Лидии Сандерс

Евгений РАТНЕР

Все окончено. С непостижимой скоростью промчалось время. Это были месяцы напряженного труда. Все, не связанное с работой, отошло куда-то в сторону. Даже в короткие часы отдыха дома Лидия продолжала жить захватившим ее делом. Заняться чем-то другим она не могла, да и не хотела.

И вот все готово. Большая междугородняя телефонная станция новейшей и совершенной конструкции погружена в товарные вагоны и отправлена с завода ВЭФ в Москву. Ей были устроены проводы. На собрании все с гордостью говорили о замечательном произведении советской техники. Да, так и называли — произведение, как будто речь шла о романе писателя или о полотне художника.

Когда говорили о творцах станции, в числе первых, вслед за главным конструктором Борисом Костанянцем, называли его заместителя — начальника отдела междугородних телефонных станций инженера Лидию Сандерс. И каждый раз, услыхав свое имя, Лидия вспыхивала, и лицо, уши и даже шея ее густо краснели. Конечно, она радовалась вместе со всеми, но одновременно ей было и грустно при мысли, что она расстается с этим, так полюбившимся ей сооружением, которое еще несколько месяцев тому назад она видела только в схемах и чертежах.

Несколько дней ходила потом Лидия Сандерс, объятая этим смешанным чувством — радостью и тихой грустью.

И вот сегодня выходной день, она дома. На письменном столе лежат книги, давно уже ожидающие ее. Теперь пришел их черед. Лидия берет недочитанный роман. Страница за страницей раскрывается перед ней страшный американский мир, джунгли капитализма. О, ей хорошо знакомы эти джунгли! Она родилась в Нью-Йорке и до юных лет прожила в Соединенных Штатах Америки. Она видела многих людей, подобных персонажам этого романа.

За участие в революции 1905 года латышский крестьянин Эрнест Сандерс подвергался жестоким преследованиям. Царские каратели сожгли его дом, и он с женой вынужден был эмигрировать в Америку.

Жизнь в Нью-Йорке началась с голода. Потом Сандерс устраивался на разные временные работы, перебираясь из города в город. Попав на удочку рекламы, он поехал в канадские леса, чтобы стать фермером, а стал батраком. Вернулся снова в Соединенные Штаты, поселился в Балтиморе. Здесь и протекало детство Лидии.

В тринадцать лет Лидия была вынуждена идти работать. Сколько фабрик и заводов Балтиморы обошла она! Когда, наконец, удалось устроиться на консервную фабрику, она была счастлива. Ее послали в сосисочный цех. В помещении стоял жуткий запах испорченного мяса. У нее сразу закружилась голова.

— Почему не выбрасывают отсюда эту гниль? — спросила Лидия у одной работницы.

— Наивная девочка! — горько улыбнулась женщина. — Ее специально привозят сюда для сосисок.

— Кто же будет есть сосиски, от которых так пахнет?

— А на что существуют химики? Они придумали разные специи, которые убивают запах.

Лидия с ужасом подумала: «Сколько же можно выдержать в этом страшном дурмане?» Она крепилась почти два часа. Потом силы оставили девочку, и она упала без сознания. Придя в себя, Лидия почувствовала, что ее чем-то поят.

— Не бойся, — говорила ей женщина, — здесь это со многими бывает...

Сандерсы жили в пригороде Балтиморы — Мореллпарке (парка, собственно, там никакого не было). Каждый день в пять часов утра Лидия отправлялась на фабрику пешком, вдоль железной дороги. Шла целый час. И все время мучительно думала: упадет сегодня в обморок или выдержит?

Потом снова была безработица. Мучительно долгие и мучительно трудные поиски нового места. Наконец она в цехе мужского платья на швейной фабрике. Шьет пиджаки. Понятие «шьет пиджаки» весьма условное. Работа расчленена на 101 операцию. Лидия выполняет одну из них — пришивает карман. До одурения однообразный труд. Тупой, жестокий, беспросветный...

Лидия откладывает книгу и задумывается. Картины прошлого проходят перед ней одна мрачнее другой.

«Что было бы со мной, если бы на всю жизнь я осталась в США?» — задает вдруг себе вопрос Лидия. Нет, нет, об этом даже страшно подумать! Выросла бы недоучкой. Вечно искала бы работу, а найдя ее, стала бы придатком к какому-нибудь конвейеру. Проклинала бы дьявольский труд и со страхом думала о неизбежной безработице.

Какое счастье, что отец решил уехать из этого американского «рая»! Эрнест Сандерс никогда не забывал, что вместе с русскими рабочими и крестьянами боролся за счастье простых людей. Однажды он сказал жене и дочери:

Инженер Лидия Сандерс.

— Есть только одна страна, где мы вздохнем легко, где Лидия сможет стать настоящим человеком.

Они сразу поняли, о какой стране идет речь.

Сандерсы поехали в Советский Союз не одни. К ним присоединилось более двадцати семейств латышей-реэмигрантов.

Когда пароход отчалил от американского берега, старый Сандерс воскликнул:

— Прощай, страна рабства и лжи! Сколько людей ты обманула и растоптала!..

Новая жизнь для Лидии началась в Ленинграде. Ей тогда было 17 лет. На второй день после приезда бабушка спросила ее:

— Кем хочет быть новая советская гражданка?

— Я смогла бы стать неплохой швеей...

— Это и все, о чем ты мечтаешь? — удивилась бабушка.

— Мечтать я могу о многом,— улыбнулась Лидия,— но я привыкла смотреть на все реально. Что с того, если я, допустим, мечтаю стать инженером? В Штатах говорят: «Мечтай о миллионе, а старайся заработать цент».

— Душа моя, выкинь из головы американские бредни, — твердо произнесла бабка. — У нас тут человек может достичь всего, понимаешь, всего, чего хочет. И если ты всерьез желаешь получить высшее образование, перед тобой все двери открыты.

Лидия поступила на рабочий факультет при Ленинградском университете. Тут она сразу же убедилась, до чего мало знаний дала ей американская школа.

Как благодарна была она своим новым друзьям! Что скрывать — любой из них был культурней и грамотней ее. Но никто, ни один из них не подчеркивал этого. С большим вниманием и тактом помогали ей все.

Окончив рабфак, Лидия поступила в Электротехнический институт имени Ленина, на факультет проводной связи. Все годы она училась бесплатно и получала государственную стипендию.

И вот Лидия Сандерс — инженер.

Она работает в исследовательской лаборатории ленинградского завода «Красная заря». Потом переезжает в Москву — в проектную организацию наркомата черной металлургии.

Война застала Лидию в Нижнем Тагиле. Муж ее, Юлий Аузинь, добровольно ушел на фронт. Лидия пишет ему: «Я хотела бы сражаться рядом с тобой. Но у нас здесь тоже фронт, трудовой фронт. И я тоже защищаю Родину...»

Два года провела она на Урале. После освобождения Донбасса и Днепропетровской области министерство командировало Сандерс на южные металлургические заводы, и здесь она разрабатывает планы восстановления и развития связи. Огромную работу она завершила в два месяца. Министерство ей вынесло благодарность, премировало. Она говорила, словно оправдываясь:

— Вы посмотрели бы, как работают на заводах! Какие там люди! Разве можно отставать от них!

А какие люди окружают ее сейчас в Риге, на заводе ВЭФ!

Вот рабочий Николай Сотинов. Из конторы он ушел в цех учеником токаря, чтобы стать настоящим токарем. Совершил бы подобный поступок самый мелкий американский клерк? Ни в коем случае! Это было бы для него унижением. Это значило бы «опуститься» из круга людей, связанных с трудом умственным, к физическому, «черному» труду. Николаю Сотинову и в голову не приходили подобные мысли. В цехе он совместил и умственный и физический труд. Он дает за смену одиннадцать, пятнадцать, семнадцать норм.

Или вот Александр Калныңь — недавний рабочий, теперь начальник цеха. Еще юношей примкнул он к революционерам-подпольщикам и боролся за свободу. В войну был гвардейцем. После войны он встал за станок и за один год выполнил свой пятилетний план. Ему поручили организовать новый цех шахтных телефонов. За 34 месяца цех завершил свою пятилетку.

Образы многих друзей и товарищей встают перед Лидией. Вместе с ними с 1945 года Лидия участвовала в восстановлении крупнейшего на Прибалтике завода ВЭФ, вместе с ними создавала и выпускала первые телефонные коммутаторы.

После изготовления первых десяти городских телефонных коммутаторов на заводской доске почета появилась фотография Лидии. Лаконичная надпись была для нее наилучшей аттестацией: «Инженер Л. Сандерс самоотверженным трудом способствовала успешному выполнению важного заказа».

Снова труд, труд упорный, вдохновенный. Новая конструкция, новые схемы, неисчислимое количество чертежей... Создавалась новая междугородняя телефонная станция.

«Сандерс всю душу вкладывает в работу»,— говорят о ней. А она видит, как во всех сменах комсомольские посты неутомимо следят за своевременной доставкой деталей. Стахановка Ирина Скабард из слесарно-штамповочного цеха приходит в релейный и создает стахановскую бригаду на намоточном участке. Рабочий Хлуденев критикует в заводской газете механика цеха за его неорганизованность и нерасторопность. Лидия видит весь коллектив, его неутомимый творческий труд.

Лидия вспоминает американский конвейер и рабочих — придатков конвейера. Механические движения сотен рук. Сотни окаменелых лиц, опустошенных изнуряющим трудом людей...

...Нет, видно, не дочитать сейчас Лидии взятой со стола книги! Слишком уж много нахлынуло на нее воспоминаний. Она закрывает роман. Она думает о тех, кто живет в современных джунглях Америки. Как хотелось бы ей, чтобы все, все они узнали о ее судьбе, ее теперешней жизни! О всей ее хорошей, трудовой, насыщенной большими интересами жизни...

Заслуженный мастер спорта, трехкратный чемпион мира по скоростному бегу на коньках Мария Григорьевна ИСАКОВА.

Фото О. Кнорринга

Аллочка в гостях у бабушки люблинской.

Фото М. Савина

БАБУШКА ЛЮБЛИНСКАЯ

М. СМЕЛЯНСКАЯ

Перед этой маленькой проказницей невозможно было устоять. Как только Леонид Николаевич снял с вешалки пальто, Аллочка заявила тоном, не допускающим возражений:

— И я поеду к бабушке люблинской!

И как ни пытались уговорить Аллочку, что на сей раз папа едет к бабушке не в гости, а по делу, она продолжала твердить:

— Хочу к бабушке люблинской! Хочу к бабушке-любушке!

Леонид Николаевич, конечно, не устоял и, захватив дочку, отправился на Курский вокзал. Как только они сели в поезд, Аллочка тут же сообщила соседям по скамье, что она с папой едет в Люблино к бабушке, что у нее есть дядя Борис, дядя Ваня, дядя Павлуша, дядя Коля, дядя Костя, дядя Валерьян, дядя Слава, тетя Настя и тетя Наташа.

— Да это же семья Федотовых! — раздался чей-то голос, и к скамейке, где сидел Леонид Николаевич с Аллочкой, подошел старый железнодорожник:

— Батьку твоего, Николая Ивановича, знал. Правильный был человек. И мамашу твою знаю. Золотая женщина, ге-ро-иня!..

— Моя бабушка — героиня! — закричала на весь вагон Аллочка и захлопала в ладоши.

Все засмеялись.

— Ну, болтушка, нам пора к выходу,— обратился к Аллочке немного сконфуженный отец. — Заходите к нам, — сказал он старому железнодорожнику. — Матушка рада будет вас видеть. Коммунистическая, один, квартира два.

— Знаю, знаю, — ответил он. — Обязательно зайду. Скажи, что кланяется ей Иван Максимович и желает доброго здоровья.

— Люблино!

На перроне они встретили Ивана Николаевича и Валерьяна Николаевича, которые приехали этим же поездом. Братья, обменявшись рукопожатиями, направились к поселку. Прохожие с нескрываемым удовольствием смотрели на них. Широкоплечий, коренастый Иван Николаевич, невысокого роста, подвижной Валерьян Николаевич, юношески стройный Леонид Николаевич — все они как будто разные, но есть у них одна общая черта: спокойная уверенность.

В семье Федотовых есть дни традиционных встреч. Но и такие «набеги» — посамоварничать с матерью — всегда для нее радостны.

Соседи смотрят в окна: опять к Анастасии Исаевне сыновья приехали. Счастливая мать!

В маленькой квартире становится тесно. То и дело открывается дверь, впуская новых представителей семьи Федотовых.

Закипел самовар, и все усаживаются за стол.

— Тебе, Борис, покрепче?

— Покрепче, мамочка, покрепче.

— Меня, мамочка, не забудьте!

— Ты, Слава, подождешь. Маленький еще, старшим сначала налью.

— Правильно! — говорит Николай Николаевич.

Хоть «маленькому» уже тридцать два года, но имеются постарше в семье Федотовых.

Допоздна не прекращаются за столом матери смех, шутки, серьезные разговоры о служебных делах.

Анастасия Исаевна сидит у самовара. Возле нее уютно примостилась Аллочка. Неторопливо вытирая чашки, мать прислушивается к разговорам детей. Что понимает она в турбинах, о которых толкует Павлуша? Но она слышит, что у него на станции новые турбины, значит, они лучше старых. Она вставляет реплику, когда братья начинают упрекать Ивана за то, что он до сих пор не приспособил свой железнодорожный снегоочиститель для городского транспорта.

С материнской нежностью смотрит она на своих детей. Худого слова о них не скажешь — все в отца!

* * *

В 1929 году Анастасия Исаевна потеряла мужа Николая Ивановича, отца ее десятерых детей. В то время двое старших уже стали на ноги, но остались младшие, которым нужно было дать образование.

Много горя и лишений хлебнула Анастасия Исаевна в прошлом. В 1908 году заболел Мишенька. В Люблине не было ни одного врача, и Мишенька скончался. Через два года похоронила она Леву, потом Толю и перед самой революцией — Варю. Сколько слез пролила она тогда над умершими детьми! А что будет с оставшимися? Как у них сложится судьба?

Умным, понимающим человеком был Николай Иванович. Бывало, начнет Анастасия Исаевна жаловаться, а он ей в ответ: «Ничего, мать! Будет у нас настоящая жизнь!»

— Поглядел бы он сейчас... Не дожил до полного счастья...

— Бабушка, почему у тебя на глазах слезы? Дай я сниму тебе очки.

Сыновья, переглянувшись, окружили мать.

— Может, поживете у меня, мамочка? Скучно вам весь день быть одной...

— Спасибо, Павлуша. А как же Наташа, Костя, Слава? Кто о них позаботится?

— Костя, тебе пора спать. Ты забыл, что завтра у тебя экзамен по философии? — сказал Борис Николаевич, копируя мать.

Мать улыбнулась:

— Помните, как отец говорил: «Учитесь! Любой специальности учитесь, но только учитесь!» А вот мне,— вздохнула мать,— не довелось, сиротой осталась. Вы деда своего, моего отца, не знаете. Он умер, когда вас еще не было. Пока он работал проводником на Курской дороге, семья кое-как существовала. Простудился отец и умер от горячки (тогда все болезни назывались горячкой). Мать осталась с четырьмя ребятами на руках. Добрые люди помогли ей написать прошение. Долго обивала она пороги управления Курской железной дороги, пока, наконец, не приняли на работу в депо старшего брата Михаила — ему исполнилось тогда четырнадцать лет. Свою тетку Наталью вы помните? Калека она, потому что не было денег на врача. Елизавета так и осталась неграмотной. Долго нас звали сиротками...

— Спасибо, мамочка! — промолвила Наташа. — С вами мы не чувствовали себя сиротами.

— Глупенькая ты, Наташа! Разве дело во мне? Я вам могла дать не больше, чем дала мне моя мать, оставшись вдовой. Разве смогла бы я вас вырастить, выучить, если бы помощь мне не шла со всех сторон? Разве была у меня забота о том, чтобы заплатить за учение, врачу, если кто заболеет, да и о многом другом? Помнишь, когда ты увозила меня в Горький осенью сорок первого года, я попросила тебя остановиться на дороге. Ты еще ответила мне, что времени у нас мало. Мне захотелось обернуться и еще раз взглянуть на Люблино. Ведь сорок лет я здесь прожила, вас всех вырастила. Я знала, — сказала с неожиданной силой Анастасия Исаевна, — что немец не войдет в Москву! Не пустят его! Но человек я старый — думала, что не придется вернуться домой. И вот тогда мне показалось, что я только сейчас по-настоящему увидела всю нашу жизнь. Раньше я не замечала, сколько появилось новых заводов, многоэтажных домов, магазинов, школ, больниц. Ведь дети у меня умирали потому, что в Люблине врача не было! Вам и понять это трудно... Что я так разговорилась? — смутилась Анастасия Исаевна. — Вам же ехать пора, и у Кости завтра экзамен.

Все стали одеваться, стараясь не разбудить успевшую уснуть Аллочку. Вышли молча.

* * *

Мать! Она никогда не задаст лишнего вопроса, никогда не вмешивается в дела своих взрослых детей. Они молодые, у них своя жизнь, скажет она, но она все понимает, все сердцем чует.

Пришла с работы Наташа. Не по выражению лица, а по тому, как она положила портфель, как моет руки, Анастасия Исаевна уже знает, что у Наташи что-то случилось.

Вздохнет тихонько и начинает быстро накрывать на стол.

— Не беспокойтесь, мама! — скажет Наташа. — Я сама все сделаю.

— Отдохни, Наташенька, — ответит мать, тщательно расправляя салфетку, — ты устала на работе, а я весь день сиднем сидела.

Знает Наташа, что это не так, что весь день провела мать в хлопотах. Но знает и то, что обидит мать, отказавшись от ее заботы. Постепенно и усталость проходит, и неприятности кажутся не такими уж большими. Не успела Наташа оглянуться, как на столе появились любимые оладьи с вареньем, самовар зашумел, свежий чай мать заварила. И незаметно для себя Наташа начинает рассказывать матери о своих делах.

...Великая Отечественная война. Сыновья на фронте, каждый день с замиранием сердца мать ждет почтальона, тихонько плачет, но никогда не подумает, что ее сыновья могли бы оказаться в стороне от грозных событий. Так нужно!

...Вся жизнь прошла в заботах о детях. Одному надо напомнить об уроках, другому, наоборот, что спать пора: завтра зачет, потребуется свежая голова; третьего мать приголубит со скупой нежностью. А как улягутся все спать, придвинет к себе поближе лампу и начинает шить. Быстро двигаются руки, привычные к труду.

Встанут дети, а мать уже давно на ногах. Николаю приготовлена чистая сорочка, Павлуше заштопаны носки, на столе стоит самовар. Николай уходит на работу, Леонид — в институт, Валерьян и Вячеслав — в школу. Разойдутся все, а у матери опять непочатый край забот.

Были, конечно, и проказы детей, огорчавшие мать, домашние невзгоды, но что это в сравнении с теми радостями, которые доставлял ей каждый прожитый день?

В 1925 году принесла диплом об окончании Московского университета Анастасия — старшая дочь. Какое торжество было в доме! Первый диплом в семье Федотовых! Через два года кончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта Иван. Опять радость!

— Вот видишь, — говорил Николай Иванович. — Дожили мы до настоящей жизни! Всех теперь инженерами сделаем.

Вскоре умер Николай Иванович. Велико было горе всей семьи. Боялась Анастасия Исаевна, что она одна, не имея специальности, без образования, не сумеет поднять детей. Но мужала страна, жить с каждым днем становилось легче, и семье Федотовых не грозила опасность остановиться на полпути.

Павел в 1933 году получил диплом инженера-энергетика.

Вслед за Павлом окончил Институт химического машиностроения Николай. Мать не нарадуется, глядя на своих детей.

Шли год за годом. Борис и Леонид кончили Электромеханический институт, Наталья и Константин — Институт инженеров железнодорожного транспорта, Валерьян — Инженерную академию, Вячеслав — Авиационный институт.

Десять дипломов в семье Федотовых!

...Анастасия Исаевна — мать-героиня — вырастила и воспитала десятерых детей — десять граждан Советского Союза.

Вы их встретите у турбин электростанции, у авиационного двигателя, на железнодорожной стройке, у сварочных аппаратов, у холодильной установки.

Вы их встретите в аудиториях университетов марксизма-ленинизма, в парткабинетах и на избирательных участках.

И когда они собираются все вместе в маленькой квартирке матери в Люблине, Анастасия Исаевна с чувством законной гордости смотрит на каждого из них.

СТАЛИНСКАЯ ЗАБОТА О БЛАГЕ НАРОДА

28 февраля опубликовано Постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары» и Постановление Совета Министров СССР «О переводе курса рубля на золотую базу и о повышении курса рубля в отношении иностранных валют». Прочитав эти постановления, каждый советский человек от всего своего сердца сказал:

— Вот она, моя родная советская власть, и ее сталинская забота о человеке! Вот они, плоды мудрой политики большевистской партии, беззаветно борющейся за благосостояние народа! Вот они, результаты созидательного труда дружной семьи советских людей!

Четыре года назад, в речи на собрании избирателей 9 февраля 1946 года, великий вождь партии и народа И. В. Сталин указывал:

«Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары...»

Коммунистическая партия и советское правительство неустанно претворяют в жизнь указания товарища Сталина. Новые успехи в области промышленности и сельского хозяйства, рост производительности труда и снижение себестоимости продукции дали возможность осуществить с 1 марта 1950 года новое — третье по счету — снижение государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары массового потребления.

От этого снижения цен население нашей страны выиграет в течение года в общей сложности не менее 110 миллиардов рублей. В результате снижения цен вновь значительно поднимается покупательная сила рубля, еще более улучшается курс советского рубля по сравнению с курсом иностранных валют, произойдет дальнейшее серьезное повышение реальной заработной платы рабочих и служащих. Серьезно улучшится положение пенсионеров и стипендиатов, так как при снижении цен размеры пенсий и стипендий остаются без изменения. Произойдет дальнейшее серьезное повышение доходов крестьян вследствие значительного сокращения крестьянских затрат на покупку удешевленных промышленных товаров и благодаря тому, что остались без изменения заготовительные государственные цены на продукты земледелия и животноводства.

Советские люди благодарны коммунистической партии, советскому правительству, товарищу И. В. Сталину за неустанную заботу о благосостоянии народа. По всей стране прошли митинги и собрания трудящихся. Мысли и чувства народные хорошо выражены в словах знатной ткачихи Трехгорной мануфактуры тов. А. И. Соломатиной:

«Беспредельны любовь наша и преданность отчизне, советскому государству, товарищу Сталину. Новое снижение цен — это новое доказательство силы и могущества нашей Родины. Радостно жить и трудиться, сознавая, что о тебе постоянно думают и заботятся большевистская партия, наше правительство, родной отец и друг товарищ Сталин. От всей души благодарим родное правительство и товарища Сталина за растущее из года в год благосостояние рабочих семей!»

На сталинскую заботу о росте материального благосостояния трудящихся советский народ отвечает новым трудовым подъемом. Еще шире развертывается социалистическое соревнование на предприятиях за повышение производительности труда и качества продукции, а на совхозных и колхозных полях развертывается борьба за обильный урожай 1950 года.

ВСЕ ЕСТЬ во Владимире

В. СУХОВ и Г. ДУБИНСКИЙ
Специальные корреспонденты «Огонька»

Чего только нет во Владимире на базаре! А ведь область Владимирская не славится пышным плодородием. На рынке говорливые продавцы всячески стараются чем-нибудь завлечь и удивить покупателя:

— Ты погляди, какие это куры! Быки, а не куры! Ты возьми-ка, прикинь на вес...

Старушка-колхозница дает покупателю в руки двух белоснежных леггорнов, а покупатель, взвесив их на руках, говорит пренебрежительно:

— Пух да перо! И больше нет ничего...

Но тут же набавляет цену. И сразу ясно, что куры — хоть и не быки, но вес у них солидный.

Всяческая живность, горы плодов земных проходят перед нами красочной панорамой. Взгляните на тугие вилки капусты и громадные клубни картофеля, на свинину, такую, что под жиром не видно мяса, или на баранину, которую от свинины не отличишь. Все есть на базаре! Тут и знаменитые серые владимирские гуси, и утки с зелеными шелковистыми шеями, и поросята. А овощей, молока, говядины!..

Рынок во Владимире — это итог плодородного года, наглядная выставка побед сельского хозяйства. Родилось, создано, стало реальностью изобилие продовольствия во всех уголках страны. И поэтому на владимирском, как и на любом другом рынке страны, вас зовут, просят, приглашают: купите, пожалуйста!

Молочница, наливая ремесленникам в бидон молока, спрашивает:

— Мальчики, ведь вы каждый день молоко берете? Хотите, я к вам буду в общежитие приносить?

Колхозный рынок борется за покупателя.

А государственная торговля? Как она идет навстречу потребителю?

Заместитель начальника областного отдела торговли Д. К. Скворцов охотно дал нам интервью, перебирая разложенные на столе сводки и телеграммы. Все, что выделено Владимирской области по фондам, получено досрочно. Велики запасы товаров на складах. Заглянув в сводки, убеждаешься: первая партия только что поступила в продажу, а телеграф уже извещает о том, что новая «на колесах». И так по всем видам товаров, будь то сахар или шерсть, конфеты или ситец. И когда мы спросили у Скворцова, каких же товаров нет, он сказал:

— Копченой рыбы. Частика. Нам нужно сто пятьдесят тонн, а доставлено только двадцать пять...

Пусть останется этот копченый частик на совести Министерства рыбной промышленности, но ведь только его недостает в магазинах Владимира. Все остальное есть. Что же делается для того, чтобы привлечь покупателей, образцово их обслуживать?

Мы пошли по магазинам Владимира. Хорошие магазины в этом городе! Тут недавно открылись отделанный ореховым деревом и бронзой магазин «Главпарфюмера» и мясной магазин, сплошь до потолка выложенный майоликовыми плитками жемчужной белизны. Взгляните на фото внизу, и вы убедитесь, что во Владимире все можно купить: мотоцикл и детскую коляску, расписную посуду и хорошее пианино. В областной газете появилось объявление, приглашающее желающих приобрести автомобиль «москвич».

Новые вещи в новых магазинах надо и продавать по-новому. В старых купеческих торговых рядах были сломаны шесть клетушек — образовался один огромный зал. Теперь зеркала и красное дерево придают ему строгую красоту. Это недавно открытый магазин готового платья «Главлегсбыта».

И здесь мы увидели такую сцену. Молодой, но, видимо, знающий толк в изящной одежде покупатель доволен костюмом, который себе выбрал, но в одном только месте пиджак слегка морщит. И тогда заведующий отделом костюмов Константин Царицын вызвал работающего в магазине портного Афанасия Кислицына. Портной отметил мелкой изъян. Сегодня он поправит швы, а завт-

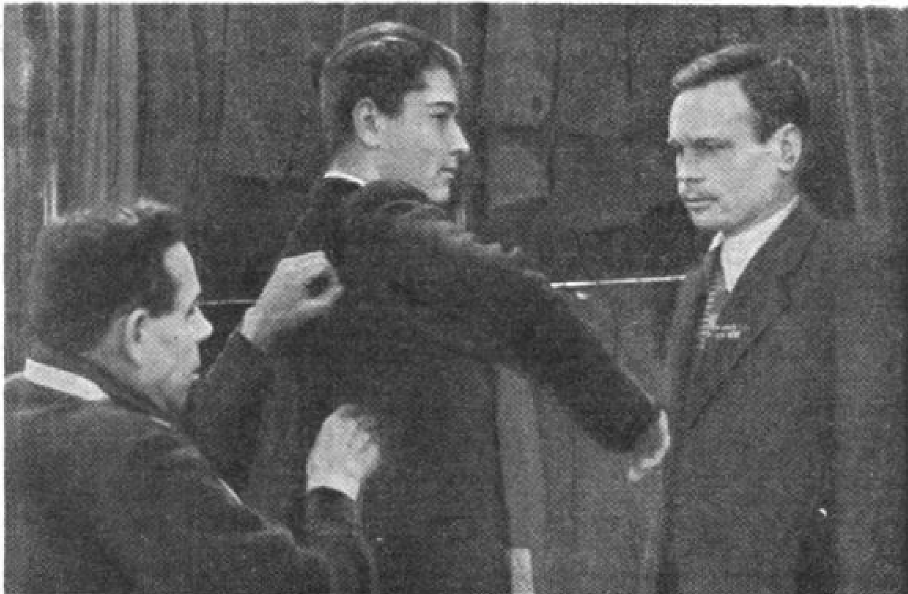

Здесь можно купить мотоцикл.

На прилавках сатины и мадаполамы, ситцы и батисты.

В магазине портной подгонит вам костюм по фигуре.

ра молодой человек получит костюм по фигуре.

В ателье мод «Легпрома» нам рассказали такой случай. Сюда приехала колхозница Козлова из Ставровского района. Средних лет женщина, в платке и валенках, она выбрала себе в журнале фасон очень элегантного пальто, самой последней моды; закройщица ей деликатно посоветовала:

— К этому фасону платок не идет... Нужна шляпа.

— А кто вам сказал, что у меня нет шляпы!..

Когда пальто было готово, Козлова приехала в шляпе, ботах и в обновке совсем преобразилась. Это лишний раз показало закройщикам, что вкусы и запросы потребителей выросли необычайно.

Поэтому Любовь Ивановна Никерова — заведующая отделом готового платья универмага № 4 — завела интересную тетрадь. В нее она записывает и требования потребителей и их личные просьбы. Если покупателю трудно подобрать костюм или пальто, Любовь Ивановна снимет с него мерку и закажет одежду на промкомбинате или в ателье — из материалов своего магазина.

А уж если нет какого-нибудь товара, которого просят потребители, Никерова обойдет все мастерские и комбинаты, пока не появятся за прилавком пижамы или халаты, сорочки или дамские платья, нужные покупателям. Вот несколько записей из тетради Никеровой.

«...Юноши просят брюки однотонные, без полоски, из шевиота, трико, коверкота, бостона. Ширина обшлага внизу — 30—32 сантиметра».

«...Был спрос на дамские платья набивные из крепжоржета, крепдешина, маркизета. Фасоны: удлиненные платья, юбка косой клеш и пройма у рукава удлиненная».

«...Требовали пальто мужские драповые и велюровые, более дорогие по цене и лучшие по качеству».

Все эти просьбы, требования и запросы удовлетворены. Даже ко мне, когда я делал выписки из тетради, Любовь Ивановна обратилась с просьбой:

— Чего я никак не могу добиться — это пошивки пальто для мальчиков 14 лет. Может, вы в Москве поставите этот вопрос?

В новом, только что отремонтированном магазине «Гастроном» № 1 покрытые лаком стены, стекла витрин, никелированные части отделки отражают свет люстр и лампионов.

Бодрость, силу, хорошее настроение дает человеку физкультурная зарядка. Поэтому во всех магазинах Владимира за пятнадцать минут до открытия магазина продавцы выстраиваются в ряд и под руководством опытного инструктора делают физкультурную зарядку.

Покупателя привлекают улыбкой, заботой, вниманием. На прилавках магазина «Гастроном» электроплитки, кастрюли — здесь продаются горячие сосиски, — а в универмаге № 1, прямо на прилавке, разноцветные, как радуга, выложены сатины и мадаполамы, батисты и набивные ситцы. Заведующий секцией шерстяных и текстильных тканей Алексей Васильевич Трофимов говорит:

— Ткань в штуке не видно! А если хороший материал на прилавке лежит, его каждый заметит.

Идет навстречу потребителю советская торговля. На улицах со своих ларьков-тележек торгуют почти все магазины города. Даже к самому конвейеру Владимирского тракторного завода приходят лоточницы.

Недавно в заводской газете появилось объявление о том, что желающие приобрести овощи, картофель, капусту могут подавать заявление в отдел рабочего снабжения и совхоз орса доставит покупки на дом.

Все есть во Владимире! Но настоящее культурное обслуживание потребителей еще только начинается. И изобилие всех товаров требует более гибких форм работы. Ведь еще недавно, несмотря на то, что в области работают пять мясокомбинатов, ни в одной столовой нельзя было найти сосисок. Потребовалось несколько строгих постановлений, чтобы горячие сосиски появились всюду. В городе нет, например, ни одного киоска с фруктовыми соками. Заведующий бакалейной секцией магазина «Гастроном» № 1 Гурьянов твердо заявил:

— Не берут соков!

— А вы попробуйте, поставьте на прилавок.

— В чем? У нас колб нет.

Или взять такой казус: гостиница «Клязьма» и ресторан того же названия находятся в одном доме. Но они принадлежат разным ведомствам, и поэтому два эти извечно связанные между собой предприятия размежевались. Дверь из гостиницы в ресторан замурована. И вот для того, чтобы пообедать, вы должны одеться, выйти из гостиницы на улицу, обогнуть здание, войти в него с другого хода — и тогда уже получите обед. И какой? Холодный, безвкусный, приготовленный равнодушными руками.

А советский покупатель хочет, чтобы ему шли навстречу. И он этого безусловно заслуживает.

Недавно открылся магазин «Главпарфюмера».

Молодожены решили приобрести пианино.

В ПРЕДВЫБОРНЫЕ ДНИ

ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ НАРОДА

«Москва. Сталинский избирательный округ. Окружная избирательная комиссия».

Десятки телеграмм и писем с таким адресом ежедневно приносят почтальоны в дом № 19 по Щербаковской улице. Советские люди поздравляют избирателей Сталинского округа с высокой честью, оказанной им великим вождем нашего народа. «Мы радуемся вашему счастью, счастью голосовать за нашего любимого отца и учителя товарища Сталина»,— пишут из Новосолдатской МТС, Воронежской области. Трудящихся Сталинского и Бауманского районов столицы поздравляют нефтяники Грозного, жители Улан-Удэ, военные моряки Северного флота.

Вся страна радуется за тех, кто в день 12 марта пойдет к избирательным урнам отдать свои голоса за товарища Сталина. И трудящиеся Сталинского округа прилагают все силы, чтобы оправдать доверие всенародного кандидата. Коллектив Электрозавода, первым выдвинувший кандидатуру великого вождя, встал на стахановскую вахту и встречает выборы новыми трудовыми победами. Расточник Инструментального завода старый производственник И. В. Гоголев ежедневно превышает норму. Качество его работы таково, что И. В. Гоголеву разрешено сдавать продукцию, минуя отдел технического контроля. Инженер Р. Д. Спасский взял на себя обязательство к 12 марта подготовить группу рабочих к сдаче техминимума. На комбинате имени Щербакова коллектив цеха автоматов, встав на предвыборную вахту, добивается права носить звание стахановского.

Желая выразить свои чувства, избиратели Сталинского округа обращаются с письмами к любимому Сталину. На избирательных участках выпускаются стенные газеты, в которых публикуются такие письма. Нельзя без волнения читать их.

«Большое счастье для советского человека — отдать свой голос за любимого и родного Сталина,— пишут избирательницы товарищи Преображенская и Толмачева.— Ему, нашему мудрому и дорогому учителю, мы обязаны нашей свободной, радостной жизнью...»

Старый рабочий тов. Спешков пишет: «В 1946 году на мою долю выпало огромное счастье — первым отдать свой голос за великого Сталина. Сейчас я снова мечтаю о том, чтобы 12 марта первым опустить бюллетень с именем гениальнейшего человека нашей эпохи, великого вождя, друга и учителя трудящихся Иосифа Виссарионовича Сталина».

Вечером 24 февраля две тысячи представителей трудящихся Сталинского и Бауманского районов столицы пришли в Колонный зал Дома союзов на окружное предвыборное собрание. Чувством гордости за нашу цветущую, непобедимую Родину, за большевистскую партию — организатора и вдохновителя всех побед советских людей — были проникнуты речи выступавших на собрании. Ткачиха А. Л. Борисова, профессор Н. М. Скляров, учительница Н. И. Конина и другие ораторы говорили о безграничной любви советского народа к своему вождю и учителю, гениальному зодчему коммунизма великому Сталину, о единодушном желании всех избирателей округа голосовать за Иосифа Виссарионовича Сталина.

— С именем Сталина связаны жизнь, свобода и счастье народов нашей страны,— говорил мастер Машиностроительного завода Н. Ф. Поздняков.— Великой любовью отвечает советский народ товарищу Сталину за его заботы о трудящихся, за его великие дела по созданию могучей социалистической державы, ставшей оплотом мира во всем мире.

Собрание вылилось в яркую демонстрацию преданности советских людей большевистской партии, товарищу И. В. Сталину.

А. СКИБИНСКИЙ

Встреча трудящихся Кировского избирательного округа Москвы со своим кандидатом в депутаты А. С. Чутких во Дворце культуры Автозавода имени Сталина.

Фото Г. Санько

АЛЕКСАНДР ЧУТКИХ У ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Невысокий пожилой человек с худощавым лицом вошел в ярко освещенный зал. Его тотчас признали собравшиеся, и по рядам пронеслось: «Чутких, наш Степаныч!..»

В тот вечер во Дворец культуры Автозавода имени Сталина пришли и старожилы Ленинской слободы, бывшей Симоновки, помнящие времена, когда на этом месте стояли древние, поросшие мохом монастырские стены, и молодые рабочие, и студенты — вчерашние школьники, которым предстоит впервые в жизни участвовать в избрании высшего органа советской власти. В президиуме: маститый инженер лауреат Сталинской премии Ассонов, учительница Царева, генерал-лейтенант Рябов, работница завода «Динамо» Кузнецова, министр автомобильного транспорта РСФСР Куршев. Представители трудящихся Кировского избирательного округа столицы тепло встретили своего кандидата в депутаты.

По-дружески, душевно говорили об Александре Степановиче его товарищ по производству П. Ф. Забродин, помощник мастера Краснохолмского комбината, и молодая работница Устьинской шелкопрядильной фабрики Н. И. Крайнова.

— Мы работаем с товарищем Чутких рядом, что называется, плечом к плечу, и многому научились у него. Особенно радостно нам, москвичам, знать, что имя Александра Степановича хорошо известно не только в столице, но и всюду в нашей стране и за ее рубежами,— сказал тов. Забродин.

— С именем Чутких, с его передовыми методами работы связано новое, что внесено в стахановское движение послевоенной сталинской пятилеткой,— говорила тов. Крайнова.— Борьба за отличное качество продукции, развернувшаяся по почину Александра Степановича во всех отраслях промышленности, свидетельствует о возросшей культуре советского рабочего, о его высокой сознательности, о подлинно социалистическом отношении к труду.

С большим вниманием выслушали собравшиеся выступление своего кандидата в депутаты. Обо многом вспоминал в тот вечер Александр Степанович, потомственный московский ткач: о том, как трудно было ему, 12-летнему подростку, от зари до зари работать на фабрике, об изуверской системе штрафов, которые на каждом шагу подстерегали рабочего, о беспросветной нужде, на которую была

Выступает А. С. Чутких.

обречена его семья. Взволнованно, с чувством глубокой благодарности партии и правительству говорил товарищ Чутких о своих первых шагах на советском социалистическом предприятии, о том, как помогла ему родная власть получить образование, стать командиром производства.

Уверенно чувствует себя советский гражданин в своем государстве. Неисчерпаемые возможности роста открыты перед каждым честным тружеником. С удесятеренной энергией работает он, чувствуя себя облеченным доверием народа.

Не случайно борьбу за высокое качество продукции стахановец А. С. Чутких начал, став депутатом Московского Совета. Знакомство с работой торговых организаций позволило ему выявить претензии потребителей к текстильной промышленности. Как депутат, он чувствовал себя обязанным организовать производство так, чтобы выпускать только отличные ткани. Теперь по методу Чутких работают тысячи бригад, а сам он, зачинатель всенародного движения, удостоен Сталинской премии.

— В минувшем году произошло важнейшее событие в моей жизни,— рассказывал Александр Степанович,— я стал кандидатом в члены ВКП(б). Как коммунист, я должен непрестанно идти вперед. С радостью отдаю я все силы любимому производству, обучаю молодых рабочих, подготавливаю кадры новых стахановцев. Всеми своими успехами в жизни я обязан партии и советской власти, любимому вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину. Даю слово оправдать доверие избирателей, быть достойным слугой народа.

Под шумные аплодисменты сошел с трибуны Александр Чутких. Долго раздавались под сводами зала возгласы «ура» и приветствия в честь непобедимого блока коммунистов и беспартийных, в честь первого всенародного кандидата в депутаты Верховного Совета СССР — великого Сталина.

С. НИКИТИН

В СЕЛЕ ВИЗИНГА

Антон Прокопьевич Лапшин — кандидат в депутаты Совета Национальностей по Сысольскому избирательному округу Коми АССР — приехал на встречу со своими избирателями прямо с лесосеки.

— Мы очень хорошо знаем лесоруба Антона Прокопьевича Лапшина,— сказал старейший работник райпромкомбината, главный механик Морозов.— Он всю жизнь работает рядом с нами, и мы Антону Прокопьевичу верим. Поэтому мы выдвинули его кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР. За свою трудовую деятельность товарищ Лапшин заготовил свыше 48 тысяч кубометров древесины, столько, сколько нужно для сооружения 1300 домов.

Мысль тов. Морозова продолжил секретарь райкома ВКП(б) тов. Юркин:

— 48 тысяч кубометров! Каждому из нас известно, как самоотверженно работает Антон Прокопьевич со своими двумя дочерьми на лесосеке, известно, что лесорубу Лапшину доверяется заготовка самых ценных сортов леса.

И все выступавшие на этом собрании подтверждали, что лесоруб Антон Прокопьевич Лапшин — один из лучших людей республики. За свой доблестный труд он награжден орденом Ленина.

В конце собрания выступил А. П. Лапшин.

— Товарищи избиратели,— сказал он,— от всего сердца благодарю вас за великую честь, которую вы мне оказали, выдвинув меня кандидатом в депутаты Верховного Совета. Я простой советский человек и по мере своих сил помогаю нашей могучей Родине. Двадцать восьмой год я работаю в лесу, тут же работают и мои дети. Я обещаю в честь выборов в Верховный Совет СССР ежедневно выполнять не менее двух норм.

Даю вам слово быть подлинным слугой народа.

Да здравствует наш всенародный кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, любимый учитель и вождь товарищ Сталин!

А после собрания рабочие комбината долго еще не расходились. Вместе с Лапшиным они вышли на улицу. Вокруг сверкало электрическими огнями родное село Визинга. Зашел разговор о планах на будущее.

— Много придется учиться мне,— сказал Лапшин.— Я должен как можно лучше освоить новую технику, которая идет к нам в лес. Депутат обязан быть во всем первым.

Вл. КАГАРЛИЦКИЙ

НАРОДНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Очень обрадовалась старая учительница З. А. Орлова, когда узнала, что ее бывшего ученика Василия Павловича Соловьева-Седого, ставшего ныне известным композитором, выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Приятные минуты доставило лауреату Сталинской премии В. П. Соловьеву-Седому известие о том, что среди кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР его любимая учительница русского языка Зиновия Алексеевна Орлова...

Оба они ленинградцы, и случилось так, что предвыборные собрания трудящихся Свердловского и Смольнинского избирательных округов, где кандидатами в депутаты были учительница и ее ученик, происходили в

один день: во Дворце культуры имени Кирова на Васильевском острове избиратели встретились с композитором Соловьевым-Седым; в тот же час в другом клубе его учительница Орлова выступала перед избирателями Смольнинского округа.

Пять тысяч учеников обучила Зиновия Алексеевна за свою почти полувековую педагогическую деятельность. Ее ученики на фабриках и кораблях, в институтах и на шахтах. В той самой 166-й средней школе, где вот уже 40 лет работает Зиновия Алексеевна, химию преподает А. А. Романовская, английский язык — Ф. С. Сергеева — питомицы Орловой.

В Смольнинском районе все знают и уважают талантливого педагога и неутомимого общественного деятеля З. А. Орлову.

— 40 лет непрерывно работает Зиновия Алексеевна в нашей школе, — говорила на встрече Орловой с избирателями директор 166-й школы Е. К. Исакова. — Передовая учительница, она в коммунистическом духе воспитывает детей. Горячая патриотка, Зиновия Алексеевна и в дни блокады города ни на один день не прекращала работы: она проводила уроки в бомбоубежищах, ходила по квартирам своих учеников, помогала устраивать детей-сирот в детские дома. Товарищ Орлова обладает неиссякаемой энергией, она передовой советский педагог.

Все выступавшие на собрании тепло говорили о народной учительнице.

— Я уверен, — заявил машинист 8-го паровозного депо Д. А. Забирохин,— что все ученики Зиновии Алексеевны, ставшие ныне активными участниками коммунистического строительства, с чувством глубокой радости встретили весть о выдвижении своего педагога кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Можно не сомневаться, что товарищ Орлова будет верным слугой народа и сделает все, чтобы наша Родина была еще более могущественной и сильной.

...45 лет труда, тысячи учебных дней, десятки тысяч уроков. И перед каждым — хорошее, бодрящее волнение. Но разве можно сравнить это волнение с тем неповторимым чувством, что пережила старая учительница, произнося свою речь перед избирателями!

— Дорогие товарищи! — сказала она. — Приношу глубокую благодарность за доверие. Мне, народной учительнице, оказана высокая честь. Что может быть дороже доверия народа! Буду служить ему так, как этому учит нас великая партия Ленина — Сталина.

Ф. ЛЮБИМОВ

В. М. Амосов.

СТАЛЕВАР-НОВАТОР

На трибуну поднимаются сталевары и операторы блюминга, вальцовщики прокатных станов, инженеры и учителя, заводские служащие и домашние хозяйки. Один дополняет другого, каждый подмечает все новые и новые черты в жизни и труде кандидата в депутаты Верховного Совета по Златоустовскому избирательному округу Василия Матвеевича Амосова. И этот коллективный рассказ, изложенный простыми словами, отчетливо обрисовывает портрет чудесного человека нашей сталинской эпохи — стахановца, коммуниста, новатора.

Красная Армия была начальной школой для молодого белорусского батрака Амосова. Там его учат читать и писать, там ему преподают основы политической грамоты.

Демобилизованный красноармеец приезжает в Юзовку, теперешнее Сталино. На металлургическом заводе его определяют рабочим по разделке и погрузке шихты. Потом он работает у мартеновской печи. Первая самостоятельная плавка... Выдана она была хорошо и раньше срока. «Славное начало, — заметил старый мастер Волков. — Далеко пойдешь».

И он действительно далеко пошел. Настойчивая учеба, советы старых мастеров, заботливая помощь партийной организации. Амосов плавит первосортную сталь. О нем начинают говорить все металлурги Донбасса. Большевики Сталино посылают его делегатом на XVIII съезд партии.

С наибольшей силой творческое дарование Амосова (именно так следует назвать незаурядные способности сталевара) проявилось во время Отечественной войны, когда он переехал в Златоуст. Сталь здесь варят такой марки, о которой ему еще не доводилось слышать. Амосов быстро догоняет уральцев, а потом и опережает многих из них.

Дальше—борьба за послевоенную пятилетку. Свое пятилетнее задание бригада Амосова выполняет в три года!..

Василий Матвеевич выступает инициатором всесоюзного соревнования рабочих ведущих профессий. Вся страна горячо поддерживает его начинание. Амосов активно участвует в работе X съезда профсоюзов в Москве, едет в Прагу на Всемирный конгресс сторонников мира.

Больше 96 тонн стали сверх плана в январе и 99 тонн за две декады февраля — таков производственный подарок сталевара к предстоящим выборам в Верховный Совет СССР.

И вот на трибуну выходит Василий Матвеевич Амосов. Речь его коротка и выразительна:

— Что же мне сказать вам, дорогие друзья и товарищи? Ваше доверие ко мне я отношу к партии Ленина — Сталина, членом которой я состою и знамя которой никогда не посрамлю.

Б. ОСИПОВ

ДОВЕРИЕ НАРОДА

Люди произносят слова, идущие от самого сердца. Они призывают собравшихся здесь, в празднично убранном цехе Киевского механического завода, рабочих, инженеров, техников голосовать за Прасковью Васильевну Гусятникову.

Вот она стоит около трибуны в кругу своих избирателей — простая советская женщина, депутат киевлян в Верховном Совете СССР двух созывов. Гусятникова оправдала доверие своих избирателей, поручивших ей участвовать в управлении государством. И ныне они вновь желают видеть ее среди посланцев народа в высшем органе государственной власти страны.

— Выдвигая тебя, Прасковья Васильевна, своим кандидатом в депутаты Верховного Совета, мы даем наказ: продолжай верно служить народу, не жалей своих сил для процветания любимой нашей Родины.

Так говорили инженер Владимир Шевеленко, депутат райсовета маляр Валентина Федорова, мастер электроцеха Михаил Кулабухов. Все они выражали уверенность, что Прасковья Васильевна будет и далее неустанно бороться за дело партии Ленина — Сталина.

Да и может ли быть иначе! П. В. Гусятникова — дочь своего народа; всем обязана она родной советской власти. Подростком пришла Прасковья Васильевна в 1915 году на киевский кабельный завод. Заработка, добытого тяжёлым трудом, едва хватало на кусок хлеба. Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед Гусятниковой дорогу к счастью. От чернорабочей до начальника ведущего цеха завода — таков путь П. В. Гусятниковой.

Внимательно выслушало собрание рассказ доверенного лица З. Татевосяна. Все, что он говорил, было близко и понятно каждому: судьба Прасковьи Васильевны схожа с судьбой миллионов советских людей.

Прасковья Васильевна Гусятникова от всей души поблагодарила собравшихся и обещала оправдать высокое доверие своих избирателей.

Г. ЛЕОНИДОВ

В паровозном депо станции Орел самую высокую выработку дают токари братья Бестужевы. Соревнуясь между собой в честь выборов в Верховный Совет СССР, они выполняют ежедневно по 3 — 3,5 нормы. На снимке: Дмитрий Николаевич Бестужев (справа) беседует с братом Василием Николаевичем о новых резцах для скоростной обработки деталей.

Фото И. Рабиновича. (ТАСС).

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

Зал клуба заполнили 800 бобруйских деревообделочников. Доверенное лицо 2-го избирательного участка Бобруйского избирательного округа Григорий Гуров открывает торжественное заседание, посвященное встрече с кандидатом в депутаты:

— Первым кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР наш коллектив, как и все советские люди, назвал дорогого вождя и учителя товарища Сталина, — говорит инженер Гуров. — Мы выдвинули также кандидатуру верного сына нашей родины Героя Советского Союза председателя колхоза «Рассвет» товарища Орловского, которого вы все очень хорошо знаете...

И действительно, стоило посмотреть в зал, на боевые ордена и партизанские медали, сиявшие на груди многих рабочих и работниц, как становилось понятным: эти люди хорошо знают, что такое боевая жизнь... Они знают бывшего белорусского партизана Кирилла Прокофьевича Орловского, о котором теперь идет слава как о председателе замечательного, передового колхоза.

На трибуну один за другим поднимались избиратели. Комсомолец Антон Волога рассказал собранию, с каким подъемом молодые избиратели деревообделочного комбината готовятся к большому и знаменательному в их жизни событию — дню выборов.

— Товарищу Сталину мы отдаем нашу сыновнюю любовь. Родине принадлежат наши сердца. Товарищи, друзья, какое счастье родиться на нашей советской земле, жить в нашей советской стране!

Юноша говорит о том, что жизнь тов. Орловского, большевика, воина, труженика, — прекрасный пример для молодежи.

Выступают боевые друзья кандидата в депутаты.

Бывший командир партизанского соединения Герой Советского Союза Федор Фомич Дубровский — «сосед» Орловского во время войны, ныне директор совхоза — рассказывает избирателям о том, как партизаны, которыми руководил Кирилл Орловский, борясь с оккупантами, совершали чудеса героизма.

— Кирилл Орловский — отважный партизан, настоящий советский патриот. Мы, его боевые товарищи, думаем, что выдвинули достойного кандидата. Он будет верным слугой народа.

— Мы хорошо знаем Кирилла Прокофьевича,— сказал стахановец фанерного цеха комбината тов. Белых.— Мы знаем, как Орловский бил врагов. Мы знаем, как Орловский восстанавливал свой колхоз. Наш кандидат — верный сын партии, вся его жизнь отдана народу. Я призываю вас отдать свои голоса за товарища Орловского — кандидата сталинского блока коммунистов и беспартийных.

— Вы выразили мне, простому советскому человеку, большое доверие, — начал свою речь к избирателям Кирилл Прокофьевич Орловский. — Меня воспитала большевистская партия, и я приложу все свои силы, чтобы быть достойным слугой народа, таким, как наш дорогой товарищ Сталин.

Зал ответил на эти слова бурной овацией.

Н. МАР

Год жизни города

В начале 1949 года рабочий поселок Змиев, Харьковской области, был преобразован в город.

Миновал первый год жизни города Змиева. Какие же произошли события, чем жил в этом году один из самых юных советских городов?

Вот главная улица Змиева. Она носит имя Ленина. На ней находится школа-десятилетка. Еще несколько месяцев назад местные жители добровольно работали здесь каменщиками и штукатурами. Они восстановили школу, разрушенную во время войны.

— Поселок Змиев стал городом по всем статьям, — говорил нам директор школы Иван Андреевич Титаренко.— Все дети, перешедшие этим летом в восьмые классы, теперь в своем городе закончат среднее образование. Мы открыли также вечерние классы для тех, кому война помешала доучиться. В 1949 году змиевские учителя: Прасковья Григорьевна Титаренко, тридцать шесть лет преподающая в Змиеве географию, и Анна Алексеевна Любченко, столько же лет преподающая биологию, — были награждены орденом Ленина. Эти старые педагоги получили много теплых приветственных телеграмм от своих бывших питомцев — челябинских инженеров, киевских юристов, харьковских врачей.

Посетим городскую библиотеку. Совсем недавно на полки библиотеки поставлены двенадцать тысяч новых книг. После этого открыли отдельные библиотеки: для взрослых и для детей.

— В городе нашем сейчас, можно сказать, строительная горячка, — говорит председатель городского Совета тов. Засядько. — Пройдемся по улицам и посмотрим, какие обновки появились за один только год.

Через реку Мож построен отличный мост. Засядько стучит кованым сапогом по настилу: добротно горожане сделали!

Юноши и девушки осаждали горсовет, родных: нужен стадион. Строили опять всем городом — методом народной стройки.

Вот молодой парк у самого берега Северного Донца. Сорок семь тысяч деревьев за один год высадили горожане и создали собственный питомник на пятнадцать тысяч корней. Юрист А. Криштопа, рабочий бумажной фабрики Н. Безуса, фармацевт З. Шапаринский (недавно город отметил двадцатипятилетие его работы в Змиеве), домашние хозяйки А. Воробьева и В. Светличная и многие другие патриоты города все же недовольны: мало еще зелени! Змиев должен утопать в зелени и цветах.

Во время войны в Змиеве было разрушено триста зданий. Все они уже восстановлены, среди них городской Дом культуры, больница, детские сады... Это обновки Змиева — города, вступившего лишь во второй год жизни.

М. НАУМОВ

В приазовской степи

Просторные мастерские Азовской ордена Ленина машинно-тракторной станции пустуют; механизаторы сдержали свое слово: все 76 тракторов и прицепной инвентарь они досрочно отремонтировали. Приемочная комиссия строго проверила работу и отметила отличное качество ремонта. Рабочие возятся уже около комбайнов, следуя мудрому правилу: «Вышел в поле сеять — думай, как будешь убирать урожай».

На полях еще лежит снег, но с Азовского моря ползут клочковатые туманы. Теплые ветры проносятся над талой степью. Она темнеет на склонах, обращенных к югу. Весна на Дону ожидается ранняя. Ее признаки все зримее.

Это заставляет торопиться и, не теряя времени, выходить на борьбу за высокий урожай. Василий Иванович Пимкин, директор Азовской машинно-тракторной станции, еще раз проверил машины, расстановку людей, готовность тракторных бригад к севу. Трактористы заключают договоры на социалистическое соревнование. Передовая бригада Ивана Денисенко решила не уступать первенства. Трактористы взяли обязательство посеять колосовые в 3—4 дня. На заседаниях правлений колхозов, собраниях актива обсуждаются сроки сева, рождаются четкие планы посевной.

Боевая пора и у агрономов. Они, как командиры перед наступлением, все время на передовой линии: проверяют хранение семян, интересуются всхожестью, выходят со звеном в поле и, как говорится, «на местности» определяют, где и как расположить удобрения, чтобы сразу при таянии снега внести их в почву. Участковый агроном Вера Александровна Солопова объезжает закрепленные за ней колхозы. Она помогает уточнять производственные планы, выявляет резервы, советует, как лучше использовать опыт передовиков.

Зима не прошла даром. Люди учились в агротехнических кружках искусству выращивать высокие урожаи. Учились все: трактористы, звеньевые, бригадиры, председатели колхозов.

Лесные полосы еще занесены сугробами снега. Но колхозные лесомелиоративные звенья уже подготовились к работе. Годовой план лесных посадок намечено выполнить за весну.

Н. ПЕТРОВ

Университет музыкальной культуры

Слушатели Университета музыкальной культуры беседуют со своими шефами — артистами Большого театра Союза ССР. Слева направо: полковник Б. Петкевич, заслуженная артистка РСФСР Б. Златогорова, народный артист РСФСР Н. Ханаев, подполковник Н. Трохин, майор И. Перегудов.

Фото Б. Рябинина

В креслах сидят офицеры различных званий, у многих поблескивают золотые звезды Героев. С глубоким вниманием они слушают лекцию доцента Московской консерватории Н. Орлова о французской музыке XIX века, о творческом пути композитора Бизе, его трудах, о бессмертной опере «Кармен». Некоторые слушатели делают пометки в записных книжках.

Мы присутствуем на лекции в Университете музыкальной культуры, организованном два года назад военно-шефской комиссией Московского областного комитета союза работников искусств.

Полковник Петкевич, которого мы просили рассказать о том, что его привлекает в лекциях университета, ответил:

— Я много лет бываю в опере, слушаю концерты, напеваю любимые мелодии, но только теперь для меня ожили музыкальные образы, глубже и значительней стало то, что раньше доставляло только удовольствие. Заканчивая третий семестр университета, мы испытываем глубокую признательность к нашим шефам — мастерам искусства.

— Познакомившись с выдающимися произведениями мировой и русской классики, с историей их возникновения,— рассказал подполковник Тимофеев,— я с удовлетворением понял, какой огромный вклад в мировую музыкальную культуру внесли русские композиторы. Еще сильнее я полюбил отечественную музыку, основанную на традициях народного творчества.

Гвардии капитан Маслов за три семестра не пропустил ни одного вечера. Заинтересовавшись творчеством Чайковского по докладам К. Успенской, он дополнительно посетил цикл лекций о гениальном композиторе в Московской филармонии.

За два года в концертах музыкального университета приняли участие почти все ведущие певцы Большого академического театра, лучшие музыканты, оркестры столицы.

Дневник ОГОНЬКА

С готовностью откликаются мастера искусств на любое культурное начинание в Советской Армии. За послевоенные годы артисты Большого театра Союза ССР дали свыше семи тысяч шефских концертов.

Книги 1950 года

Беседа с заместителем начальника Главполиграфиздата тов. Л. С. Грушко

В книжном магазине № 1 в Москве.

Фото Б. Кузьмина

Ни одна страна мира не знает такого размаха издательской деятельности и книжной торговли, как Советский Союз. Достаточно сказать, что средний тираж одного издания по сравнению с 1913 годом увеличился у нас в 6 раз.

В 1950 году будет издано книг примерно на 20—25 процентов больше прошлогоднего. Центральные и периферийные издательства выпустят 27 тысяч названий книг общим тиражом в 416 500 тысяч экземпляров. Книги у нас печатаются на 119 языках братских народностей, населяющих нашу великую страну.

Только 62 центральных издательства, выпускающие литературу для всего Союза, должны дать читателям 11 900 названий книг общим тиражом в 293,5 миллиона экземпляров.

Значительно увеличат выпуск литературы Государственное издательство политической литературы, Гослитиздат, Юридическое издательство, Издательство переводной литературы, Географгиз, «Советский писатель», Детгиз, Медгиз и другие.

В этом году страна получит 46 названий книг классиков марксизма-ленинизма, которые выйдут тиражом свыше 10 миллионов экземпляров. Увеличивается издание книг по истории СССР, по всеобщей истории, по биологии, медицине, по техническим и физико-математическим наукам.

Предполагается издать 812 произведений художественной литературы тиражом свыше 57 миллионов экземпляров. В числе этих книг много произведений советских писателей — Серафимовича, Шишкова, Павленко, Кербабаева и других.

Продолжится начатый ранее выпуск подписных изданий сочинений русских классиков, будут заново изданы произведения Л. Н. Толстого, а из иностранных классиков — собрания сочинений Бальзака, Стендаля, Драйзера и Петефи. Кроме «Библиотеки русского романа», будет выходить «Библиотека советского романа», в которую войдут лучшие произведения современных писателей.

Для детей и юношества намечено издать 472 книги тиражом в 33,5 миллиона экземпляров.

Для учащихся вузов, техникумов и ремесленных училищ будет издано 1090 различных учебников тиражом более 15 миллионов экземпляров.

Издательство «Искусство» также значительно расширяет свою деятельность. Нельзя не отметить такие прекрасно оформляемые издания, как альбом красочных репродукций «И. В. Сталин в изобразительном искусстве», альбомы репродукций с величайших произведений мастеров русской живописи, хранящихся в Государственной Третьяковской галерее и Русском музее. Выйдут также альбомы репродукций с картин советских мастеров живописи.

Осуществление этого грандиозного плана налагает огромную ответственность на работников издательств и полиграфической промышленности. Мастера книги должны приложить немало усилий, чтобы советская книга, лучшая в мире по содержанию, была лучшей и по оформлению.

Не менее почетная задача стоит перед работниками книжной торговли, которые обязаны в самые короткие сроки донести каждую новую книгу до читателя. В этом году будет открыто 1400 книжных магазинов и более 1000 киосков, не считая тысяч сельских лавок потребительской кооперации. 10 тысяч книгонош доставляют книги в самые отдаленные уголки страны.

Нет сомнения, что советские издатели и полиграфисты с честью выполнят поставленные перед ними задачи и дадут трудящимся нужные книги в сроки, предусмотренные планом 1950 года.

ДРУЖБА УЧЕНЫХ И ТРАКТОРОЗАВОДЦЕВ

Фото Н. Гурова

Большая дружба завязалась у тракторозаводцев с научными работниками кафедры тракторостроения Харьковского политехнического института имени В. И. Ленина. Заведующий кафедрой профессор М. Медведев и работники кафедры часто бывают на ХТЗ, помогают стахановцам обобщить их опыт. Рабочие и заводские инженеры — частые гости в институте, они рассказывают о технических новинках, внедренных в производство. Ученые знакомят представителей завода с новыми конструкциями, расчетами деталей трактора.

На снимке: главный конструктор ХТЗ Н. Зубарев (слева) беседует с заведующим кафедрой профессором М. Медведевым.

ЦДКА — ЧЕМПИОН СССР ПО ХОККЕЮ С ШАЙБОЙ

Закончился розыгрыш первенства страны по хоккею с шайбой. В старшей группе принимало участие 12 сильнейших команд страны.

На первое место вышла команда Центрального дома Красной Армии. Она одержала 19 побед, потерпела лишь 2 поражения и сделала одну ничью.

В третий раз подряд армейские хоккеисты завоевывают почетное звание чемпиона Советского Союза.

В первую пятерку лучших вошли также московские команды «Динамо» «Крылья Советов», «ВВС», «Спартак».

На снимке: команда ЦДКА.

Фото О. Кнорринга

ОНИ БОЯТСЯ НАРОДА

Борис ЖИРНОВ

На западной холмистой окраине Белграда раскинулся старинный Топчадерский парк с его вековыми деревьями грецкого ореха, тенистыми дубами, каштанами, липами. Вплотную к парку прилегает утопающий в зелени аллей и садов район Дедине.

Теперь доступ на эту территорию простым людям прегражден густой сетью полицейских застав. Дедине — резиденция фашистской клики, захватившей власть и установившей тиранию над югославским народом.

В самом роскошном дворце обитает охваченный манией величия приказчик американских толстосумов, фашистский диктатор Тито. Поблизости разместилась в шикарных особняках и виллах его клика: профессиональный палач и матерый шпион Ранкович, предатель Кардель, провокатор Джилас, геббельсовский выученик Моше Пьяде и прочие.

Как известно, «внешнеполитической программой» белградских фашистов является разработанный оруженосцем американской реакции Даллесом пресловутый «план икс». Этот изуверский план предусматривает использование клики Тито для заговоров против стран народной демократии, для шпионажа, диверсий и убийств из-за угла, для подрывной деятельности против лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом.

В своей «внутренней политике» титовская банда руководствуется хищническими аппетитами магнатов Уолл-стрита и Сити, подавляя свободу народа, нещадно эксплоатируя рабочих и крестьян, заливая югославскую землю кровью честных патриотов.

Днем в Дедине идет черная работа по сколачиванию банд шпионов и убийц для переброски их в соседние народно-демократические государства. Идет муштровка отрядов янычар Ранковича, используемых для насильственной мобилизации трудящихся на каторжные работы, для ограбления югославских деревень и сел. Выслушиваются провокационные доносы сыщиков и даются приказы башибузукам Ранковича бросать в казематы или убирать «без шума» честных югославов, верных делу демократии и социализма.

А вечером аристократический Дедине, утопающий в роскоши, бывает запружен комфортабельными американскими «бьюиками» и «паккардами», английскими «рольс-ройсами». Со всех концов Белграда сюда слетаются, как вороны на падаль, спекулянты, дипломаты, шпионы империалистических держав. Нередко следом за ними едут отличившиеся доносчики и убийцы из местной югославской буржуазии. Не обходится и без шансонеток из кабаре. До рассвета белградские авантюристы вместе с их атаманом развлекаются и развлекают своих американских и английских хозяев...

* * *

А за стенами Дедине, по всей стране, в лицо палачам все громче раздаются грозные звуки югославской народной песни:

«Черная ненависть, священная ненависть кипит в сердцах!»

Старый борец за освобождение Македонии от гитлеровского рабства Смил Войданов, по приезде из Югославии в Америку, рассказывал:

— Если бы я в Югославии попытался хоть одно слово сказать в пользу титовцев, люди не стали бы слушать меня, они оплевали бы меня и прошли мимо, сжав кулаки.

Свободолюбивая Югославия, несмотря на тюрьмы, пытки и потоки крови, проливаемые палачами Тито и Ранковича, живет и борется. Жгучая ненависть ее народов к белградским «джелати» — палачам — прорывается то здесь, то там наружу, подобно лаве вулкана.

Югославские рабочие не хотят работать на кровососов из Дедине, которые довели страну до инфляции и хозяйственной разрухи. Свирепые эксплоататоры из Белграда вынуждены были прибегнуть к введению массового принудительного труда. Они покрыли страну сетью «мобилизационных пунктов» и трудовых казарм. Сюда головорезы Ранковича сгоняют из сел и городов десятки тысяч крестьян и рабочих, стариков и детей, студентов и профессоров, больных и инвалидов.

Силой оружия они заставляют югославов добывать для англо-американских поджигателей войны цветные металлы — медь, хром, цинк, ртуть, свинец. Особенно много рабочих-узников можно видеть на угольных шахтах, на строительстве автомагистрали Белград — Загреб, военной дороги Белград—Триест, на сооружении тюрем и концентрационных лагерей.

Жизнь этих людей, согнанных на так называемые «общественные работы», настолько тяжела и невыносима, что ее можно сравнить разве только с положением рабов в колониях.

На угольной шахте «Река» титовцы заставляют рабочих трудиться по 12—16 часов в сутки. Живут горняки в грязных бараках, спят без тюфяков и одеял, не имеют возможности даже умыться: на шестьсот человек только четыре душа, да и те бездействуют из-за нехватки воды. Шахтеры голодают, болеют туберкулезом. Вся их еда — миска супа из кукурузы и кусок пареной свеклы. Купить другую пищу не на что: часть заработной платы у них отнимают титовские ставленники — привилегированные подрядчики и мастера.

Югославские рабочие все более энергично борются против такой рабской жизни. Только за последние два месяца с шахты «Река» бежало 1700 горняков. С рудников Тимокского бассейна ежедневно уходит по 200—300 рудокопов. В прошлом году свыше полумиллиона рабочих покинуло предприятия тяжелой промышленности. Как бывало во времена крепостничества, ищейки Ранковича гоняются за «беглыми» рабочими по всей стране. Рабочие все увеличивают число прогулов, резко снижают производительность труда, все чаще выводят из строя промышленное оборудование.

В первые месяцы после окончания войны, когда югославский народ полагал, что он работает на себя, двести километров железнодорожных путей между Белградом и Загребом было восстановлено в течение двух недель. А теперь, когда югославские трудящиеся воочию убедились, что плоды их труда идут на обогащение американских монополистов и их белградских наймитов, железнодорожный транспорт приходит в расстройство. На станциях Белграда и его окрестностей долгими днями простаивают сотни вагонов с грузом, предназначенным для американцев.

В стране непрерывно создаются нелегальные группы, кружки, организации коммунистов, стоящих на позициях пролетарского интернационализма. Преодолевая тысячи препятствий, минуя драконовскую цензуру и жандармский надзор, патриоты распространяют в Белграде и других городах нелегальную литературу, сообщают своим товарищам эмигрантам о возрастающем с каждым днем сопротивлении трудящихся Югославии режиму белградского дуче.

На фабриках и заводах, в учреждениях и университетах югославские патриоты вывешивают карикатуры. В них титовский фашистско-полицейский режим изображается в виде мыльного пузыря, пускаемого Трумэном и Эттли.

Особенное бешенство Тито вызывает тот факт, что в общественных местах каждую ночь срываются его портреты. Югославы не хотят видеть мрачную фигуру палача их родины. Когда белградский фашистский главарь объявил «конкурс» на писание своих портретов, он должен был поручить сыщикам охрану согласившихся на это художников.

В массовых уходах рабочих с производства, в росте сопротивления трудящихся принудительной трудовой мобилизации, в стачках, в нелегальном распространении марксистской коммунистической литературы, в активизации деятельности патриотических подпольных групп — во всем этом живет боевой дух рабочего класса Югославии, который не хочет мириться и не примирится с кровавой диктатурой клики американских наемников.

* * *

Тяжела и бесправна жизнь югославских крестьян. Их силой загоняют в так называемые «трудовые кооперативы», представляющие собой, по существу, помещичьи экономии. Главным хозяином в этих псевдокооперативах является кулак. Титовцы создали свыше пяти тысяч таких кулацких «кооперативов». Цель их — скомпрометировать в глазах трудового крестьянства дело социалистического переустройства деревни и выжать из беднейших слоев деревни все, что возможно.

Прошлой осенью жандармерия Ранковича совместно с привезенными из Западной Германии бывшими гестаповцами после шумной «пропагандистской кампании» Джиласа и Моше Пьяде провела в югославских селах повальные обыски.

Вот что об этих обысках рассказывает крестьянин из окрестности Белграда:

— При сборе государственных поставок пшеницы жандармы Ранковича избивают хозяев и все переворачивают в доме и во дворе. Размер поставок установлен такой большой, что ни один крестьянин не в состоянии оставить что-нибудь себе на пропитание и на семена.

Оставшись без семян, десятки тысяч беднейших крестьян Югославии не сумели прошлой осенью засеять землю и не знают, как будут проводить предстоящий весенний сев.

Голодные крестьяне, особенно в горных районах, вынуждены продавать землю кулакам.

Оберегая свою социальную опору: в городе — буржуазию, в деревне — кулака, — белградский диктатор поучал своих молодчиков в Скопле:

— Нельзя зачислять в кулаки по количеству гектаров земли, имеющихся в хозяйстве.

Югославские крестьяне, пополняя ряды батраков и уходя целыми семьями в города про-

Рис. Б. Ефимова

сить подаяние, не хотят безропотно терпеть грабительские действия титовских властей. Они вступают в борьбу под руководством рабочего класса.

Крестьяне, так же как и горожане, уклоняются от мобилизации на принудительные работы в шахты и рудники. Они укрывают хлеб и скот, чтобы это добро не досталось титовским мироедам. Они срывают посевные и уборочные работы в кулацких «кооперативах».

В отместку крестьянам Боснии и Словении, борющимся против белградской клики, титовцы пошли на такое преступление, на какое не решались даже югославские короли. Титовцы начали хищнически вырубать в Боснии и Словении буковый лес, служивший прикрытием полей от суховеев. Этот лес Тито поставляет своим американским хозяевам. Массовое уничтожение лесов грозит превратить боснийские и словенские плодородные долины в пустыню и обречь крестьян этих районов на голодную смерть.

Такие изуверские «меры воздействия» только обостряют ненависть югославских крестьян и усиливают их борьбу против антинародного режима клики Тито—Ранковича.

* * *

Белградские наемные правители не имеют опоры ни среди рабочего класса, ни среди трудового крестьянства Югославии. Их ненавидит и югославская прогрессивная интеллигенция. Если раньше титовцам удавалось под маской друзей Советского Союза обманывать народные массы, то сейчас эта маска окончательно сорвана. Клика Тито предстала перед глазами собственного народа как банда шпионов и убийц на службе у империалистических душителей демократии и поджигателей новой войны.

Ненавидимые и проклинаемые югославским народом, разоблаченные перед лицом всей демократической общественности мира, титовцы не брезгают никакими средствами насилия, лишь бы продлить свое кровавое господство в Югославии.

Оберпалач Ранкович создал огромный военно-полицейский аппарат. Только в полицейских, пограничных и специальных войсках находится под ружьем свыше трехсот тысяч человек, не считая раздутой шестисоттысячной регулярной армии. Если учесть разветвленную сеть провокаторов и доносчиков, которой опутаны города и села, учреждения и жилые дома, то можно себе представить, как чудовищно велика машина угнетения югославских трудящихся масс.

Кровавая «мясорубка» Ранковича пущена на полный ход. Всем известна расправа над Арсо Иовановичем, народным героем Югославии. Белградские гестаповцы зверски расправились с кандидатом в члены ЦК компартии Черногории Ильей Булатовичем и его одиннадцатью товарищами. Против этих патриотов Ранкович бросил в Белое поле целый полк своих пьяных янычар. Всю ночь бандиты истязали стойких борцов-коммунистов, и под утро тела убитых были зарыты перед их домами.

Молодчики Ранковича, боясь растущего гнева народа, в последнее время изменили тактику. Они стали убивать людей якобы при «переходе через границу» или при «попытке к бегству». По ночам, когда Дедине погружается в пьяную оргию, жандармы Ранковича хватают намеченные жертвы, везут патриотов к границе и там пытают и убивают их. Для острастки окровавленное белье с убитых посылается родственникам.

В застенок Ранковича попадает каждый, кто только выскажет одобрение решений Информбюро коммунистических партий или выразит любовь и симпатии к Советскому Союзу. В титовские казематы попадают и все те, кто осмеливается хоть словом пожаловаться на бесчинства местных властей.

Крестьяне из села Шука и Иловица, Струмышского района, попытались было обратиться в город с жалобой против принудительного «кооперирования» и подчинения их кулацкой эксплоатации. Ходоки обрели только тюремные оковы.

В разных концах Белграда сооружены четыре новых тюрьмы и два концлагеря. На острове Ада Циганлия восстановлен каменный острог, сохранившийся со времен турецкого ига. На левом берегу Савы построена новая тюрьма. В районе «конных базаров» Земуна создан концентрационный лагерь, занимающий площадь в несколько квадратных километров.

И этих многочисленных застенков нехватает для политических противников фашистской клики Тито. В последнее время Ранкович стал переоборудовать под камеры «предварительного заключения» жилые дома и общежития студентов.

Так белградские гиммлеровцы превратили свободолюбивую Югославию в страну тюрем и концентрационных лагерей, в которых томятся десятки тысяч патриотов родины.

* * *

События последнего времени показали, что фашистская клика Тито — Ранковича не только окончательно потеряла опору в югославском народе, но и потерпела позорный провал в своей «международной» деятельности. Преступные заговоры Райка в Венгрии и Костова в Болгарии, которые готовились титовцами по заданию американской и английской разведок, были своевременно раскрыты. Белградские заговорщики вызвали гнев и возмущение всех свободолюбивых народов. Титовский штурмовой отряд международной реакции был разоблачен перед всем миром и пригвожден к позорному столбу, как наемная банда шпионов и убийц.

Теперь англо-американские империалисты уже не видят смысла маскировать свою белградскую агентуру. Против воли народов Восточной Европы, нарушая установившийся принцип представительства, они протащили титовскую Югославию в члены Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Сейчас заокеанские хозяева требуют от Тито в спешном порядке возродить у себя в стране старые, буржуазные партии и официально присоединить Югославию к кабальному «плану Маршалла» и агрессивному Северо-атлантическому пакту.

Белградский диктатор как-то опубликовал официальные цифры о выполнении дважды урезанного «пятилетнего плана». В частности, он уверял, будто бы нефтяная промышленность Югославии выполнила свой план на 66, металлургическая — на 80, моторостроительная — на 63 процента и так далее.

Даже эти цифры оказались дутыми. Ложь фашистского диктатора разоблачил не кто иной, как бывший американский посол в Белграде Кэннон. На собравшемся в Лондоне в конце октября 1949 года секретном совещании американских дипломатов, аккредитованных в странах народной демократии, Кэннон саркастически заметил:

— Эти веселые цифры имеют лишь пропагандистский характер. Они не соответствуют действительности.

Кэннон тут же предложил воспользоваться катастрофическим положением титовской Югославии и передать ее экономику американским промышленникам.

За последние месяцы еще более усилилось вторжение монополистов США в Югославию. Недавно в стране продолжительное время находилась комиссия Международного банка реконструкции и развития, тесно связанного с монополиями Уолл-стрита. Эта комиссия изучала возможности капиталовложений в югославскую промышленность и особенно интересовалась ресурсами такого важного стратегического сырья, как медь и цинк, разработкой которых, на основе введенного Тито принудительного труда, намерены заняться сами американские промышленные компании.

Лондонское совещание американских дипломатов приняло и другие меры. Оно спешно мобилизовало на «моральное спасение» титовской клики свою правосоциалистическую агентуру. Верные служаки монополистов, бевины и блюмы, как по команде, принялись выдавать драконовский режим Тито за «социализм».

Согласно даллесовскому «плану икс», белградским шпионам и убийцам на лондонском совещании предложено было усилить подрывную деятельность против Советского Союза и стран народной демократии.

И титовская шайка немедленно кинулась выполнять приказ своих империалистических хозяев. Она пустила в ход все свои «резервы»: военных преступников, беглых фашистов, махровых троцкистских шпионов, изменников-петковцев, провокаторов и предателей всех мастей, бежавших в свое время из стран народной демократии и укрытых Ранковичем на югославской территории.

Одним из таких изменников является Гани Бей Криесиу. Этот известный шпион английской разведки «Интеллидженс сервис» создал в Югославии антиалбанский «военный комитет». Совместно с титовскими пограничниками бандиты Криесиу совершают диверсионные налеты на албанскую территорию, пытаются разрушить только что построенные албанцами железнодорожные линии. В прошлом году головорезы Ранковича и Криесиу совершили 119 таких провокационных набегов. Они встретили достойный отпор со стороны мужественного албанского народа.

Недавно органы югославской разведки УДБ перебросили на территорию Народной республики Болгарии диверсионно-террористическую группу. Из кого она была собрана? Вот один из ее членов — Димитр Тодоров Горанов. Это бывший болгарский царский офицер, отъявленный фашист, добровольно служивший в германском флоте в Северном море. Горанов лично убил прогрессивного немецкого моряка. Дважды из рук гитлеровского адмирала Деница он получал за «преданность фюреру» фашистские ордена.

Эсэсовцы типа Горанова — опора титовцев и их собственная копия. Таким людям Ранкович поручил уничтожение верных делу пролетарского интернационализма революционных эмигрантов-югославов, нашедших приют у болгарского народа.

Как и с Трайчо Костовым, фашистская клика Тито и их англо-американские хозяева и на этот раз просчитались. Болгарский народ дал должный отпор злодейской подрывной деятельности титовцев.

Страны народной демократии ведут решительную борьбу с титовской диверсионной агентурой. Поскольку нынешнее югославское правительство растоптало договоры и соглашения о политическом и экономическом сотрудничестве, эти страны прекратили сотрудничество с титовским правительством. Народы этих стран считают своим интернациональным долгом помочь братским народам Югославии сбросить ненавистный полицейско-фашистский режим Тито.

Находясь в других странах, югославы-эмигранты продолжают мужественно бороться против титовской тирании. Они издают газеты, листовки, подпольную коммунистическую литературу. С помощью верных братьев-борцов они распространяют ее среди населения Югославии.

* * *

Изолировав себя от лагеря мира, демократии и социализма и не надеясь на эффективную помощь своих англо-американских хозяев, белградские наемные палачи обуяны страхом перед гневом собственного народа. Они боятся участи Райка и Костова и старательно укрепляют свое пристанище — аристократический район Дедине. Они создают вокруг дворцов и особняков «непроницаемую стену» из охранников с пулеметами и сыщиков, ставят чуть ли не под каждым деревом Топчадерского парка жандармских ищеек.

Но и на эту охрану белградская банда не надеется. Ее военная миссия в Западной Германии вербует бывших эсэсовцев, членов нацистской партии. Гиммлеровцы проходят подготовку в полиции Ранковича и собираются охранять самого «балканского фюрера».

Главарь югославского полицейско-фашистского правительства, понятно, больше всех дрожит за свою шкуру. Он создал для себя базу на острове Бриони, расположенном в западной части Адриатического моря, в трех часах плавания на яхте от Венеции.

В Бриони у Тито поместье и награбленные у арестованных и убитых патриотов ценности. Здесь белградский диктатор проводит летние дни со своими американскими и английскими повелителями. Сюда он надеется скрыться в тот момент, когда будет опасно находиться в гнезде его шайки — в Дедине.

Но карающая рука народов настигнет югославскую фашистскую банду наемных шпионов и убийц всюду, куда бы она ни скрылась!

КАДРЫ ИЗ ЦВЕТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «КУБАНСКИЕ КАЗАКИ»

Уборка урожая. Второй слева — коневод колхоза «Красный партизан» Вася Тузов (артист А. Петров).

Председатель колхоза «Заветы Ильича» Галина Ермолаевна Пересветова (артистка М. Ладынина) едет на ярмарку.

едовики колхоза «Красный партизан» везут на ярмарку урожай со своих бахчей. Слева направо: Любочка — артистка Е. Савинова, Даша Шелест — артистка К. Лучко.

ипподроме. Первый справа — председатель колхоза «Красный партизан» Гордей Гордеевич Ворон (артист С. Лукьянов) вместе со своими односельчанами.

Галина Ермолаевна Пересветова участвует в соревнованиях на конно-спортивном празднике.

Птичницы колхоза «Заветы Ильича» Никаноровна (Е. Савицкая) и Христофоровна (В. Телегина) следят за скачками.

парке после спектакля. Слева направо: Даша Шелест (К. Лучко), коневод колхоза «Заветы Ильича» Николай Ковылев (В. Давыдов), Вася Тузов (А. Петров).

а ипподроме после соревнований. Гордей Гордеевич Ворон (С. Лукьянов):— До дому, хлопцы, сбирайтесь. Потехе час, а делу время. Работать надо, хлеб сеять. А будущей осенью все призы позабираем!

Фильм о труде, дружбе и любви

По реке, реке Кубани
За волной волна бежит.
Золотистыми хлебами
Степь кубанская шумит.

...Убирай да нагружай:
Наступили сроки!
Урожай, наш урожай,
Урожай высокий!

Этой песней о вдохновенном колхозном труде начинается новый цветной фильм «Кубанские казаки», созданный народным артистом СССР И. Пырьевым.

«Кубанские казаки» — высокохудожественная, идейная музыкальная кинокомедия, в ярких, реалистических образах раскрывающая новые черты социалистической деревни, показывающая благородных советских людей. Эпизоды уборки колхозного урожая, живописная природа Кубани, прекрасные народные песни и танцы, увлекательные сцены на ярмарке и ипподроме — все это делает фильм захватывающим.

В создании картины принимал участие большой съемочный коллектив киностудии «Мосфильм». Сценарий «Кубанских казаков» написан драматургом Н. Погодиным. Фильм снимал оператор В. Павлов. Музыку фильма сочинил композитор И. Дунаевский, текст песен — поэты М. Исаковский и М. Вольпин.

Роль председателя колхоза Галины Ермолаевны Пересветовой играет киноактриса М. Ладынина, известная нашему зрителю как создательница целой галлереи образов передовых советских девушек. Роль председателя другого колхоза Гордея Гордеевича Ворона исполняет артист Театра имени Вахтангова С. Лукьянов. Эта первая крупная работа С. Лукьянова в кино — большая удача талантливого актера.

В роли знатных колхозниц Даши Шелест и Любочки выступают совсем молодые и по возрасту и по артистическому стажу киноактрисы — К. Лучко и Е. Савинова. Первая из них недавно окончила киноинститут, вторая еще продолжает учиться.

Ниже мы публикуем рассказы И. Пырьева, М. Ладыниной и С. Лукьянова о их работе над фильмом.

ЧЕРТЫ КОММУНИЗМА

До войны с моим участием были созданы о людях колхозной деревни три музыкальных кинокомедии: «Богатая невеста», «Трактористы», «Свинарка и пастух».

После «Сказания о земле Сибирской» мне снова захотелось вернуться на колхозные поля, к героям прошлых картин — Маринке Лукаш, Климу Ярко, Марьяне Бажан, Назару Думе, Глаше Новиковой и многим другим.

«Богатую невесту» и «Кубанских казаков» отделяют друг от друга более десяти лет. За это время в колхозной жизни произошли огромные перемены. Механизация сельского хозяйства достигла невиданного в мире совершенства. Резко изменились и люди. Неизмеримо выросла их духовная культура, другими стали их потребности, быт, речь, интересы. Все больше и больше стирается грань между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, и все отчетливей в нашей колхозной действительности проступают черты коммунизма.

Вот об этом мне и хотелось рассказать в своей новой комедии, сценарий для которой написал драматург Николай Федорович Погодин. Он хорошо знает жизнь и людей кубанских станиц и обладает самым важным, на мой взгляд, качеством для писателя — чувством нового. Правдивые образы его сценария, сочный народный юмор, живой диалог во многом помогли мне как режиссеру создать картину.

В центре фильма — два соревнующихся председателя передовых кубанских колхозов. Оба они — люди с яркими, своеобразными характерами, и на их общественных и личных отношениях строится драматургический конфликт сценария.

Галина Ермолаевна Пересветова — умный и волевой человек с широким кругозором и государственным складом ума. Это одна из тех передовых советских женщин-общественниц, воспитанных партией Ленина — Сталина, которые стали большой силой в социалистической деревне. Другой председатель колхоза, Гордей Гордеевич Ворон, — энергичный и крепкий хозяин, для которого успехи его колхоза становятся подчас делом его самолюбия. И эта чуть эгоистическая любовь к своему колхозу приводит его иногда к неверным поступкам.

Обоих героев еще до войны связывали личные отношения. И сейчас они продолжают любить друг друга. Но борьба за первое место в районе и самолюбивый, горячий характер Ворона мешают им объясниться. На осенней колхозной ярмарке — радостном смотре достижений колхозного труда — во всем соревнуются наши герои: и в своих производственных достижениях, и в резвости колхозных рысаков, и в лихости наездников, и в успехах колхозной торговли. Самолюбие Ворона придает этому соревнованию черты соперничества. Но он осознает правоту Пересветовой — и картина заканчивается откровенным признанием героев.

В фильме «Кубанские казаки» воплощены образы передовиков социалистических полей. Это совершенно новая, наша, колхозная молодежь, счастливо решающая свою общественную и личную судьбу. Таковы Даша Шелест и Любочка, Николай и Вася.

Съемки фильма «Кубанские казаки» мы проводили на местах, где живут и трудятся наши герои. Четыре месяца коллектив «Мосфильма» в составе полутораста человек работал в кубанских степях. Ярмарку снимали в передовой станице Краснодарского края — Курганной. Кроме профессиональных актеров в картине участвовали колхозники. Партийные и советские организации и все население Курганнинского района помогали нашей работе. Колхозники были первыми зрителями и лучшими советчиками.

Фильм закончен. Нам хочется, чтобы зритель после его просмотра уходил веселым, радостным и чтобы он еще сильнее любил свою страну, свой народ...

И. ПЫРЬЕВ,
народный артист СССР

ПОЛЮБИВШИЙСЯ ОБРАЗ

В жизни каждого актера есть особенно любимые роли. Именно такой стала для меня роль председателя колхоза Гордея Гордеевича Ворона, которую я исполняю в фильме «Кубанские казаки».

Все в Гордее Гордеевиче привлекает меня — и его любовь к делу, и его казацкая лихость, напористость, наивная хитрость. Нравится мне, что Ворон — живой человек, что сгоряча он может и ошибиться, но потом одумается и все правильно рассудит. Так объяснял я себе его возмущение поступком Пересветовой, возглавившей на ярмарке кампанию снижения цен. Именно сгоряча не желает согласиться Ворон и на брак своей знатной звеньевой с парнем из другого колхоза. Но в этой борьбе старого и нового в Вороне всегда побеждает новое.

Часто представлял я своего героя в боевой обстановке и стремился в некоторых мелочах передать сохранившиеся в нем фронтовые повадки.

В его отношении к Пересветовой мне хотелось подчеркнуть, что этот бывалый, лихой казак сохранил чистоту, непосредственность и даже наивность чувств.

В картине большое место занимает конно-спортивный праздник, а моему герою особенно много приходится скакать на конях. Чтобы освоить это новое для меня дело, я должен был немало тренироваться. Кубанские казаки оказались настолько строгими учителями, что заставили меня пройти всю школу ухода за конями, которых на Кубани умеют любить и холить.

Съемки шли в очень напряженном темпе. Весь наш коллектив трудился от зари до зари. Все, что требовалось для картины, делалось с большим подъемом. Помню, как однажды ураган разрушил нашу ярмарку. Вслед за ураганом начался проливной дождь, а наутро предстояли съемки. И, невзирая на непогоду, вся группа взялась за работу, и за ночь все было восстановлено.

Как ни напряженны были съемки, я вспоминаю о них с удовольствием и мечтаю о новой встрече с этим творческим коллективом.

Сергей **ЛУКЬЯНОВ,**
заслуженный артист РСФСР

Рабочий момент съемки фильма «Кубанские казаки». На режиссерском пульте И. Пырьев.

РОЖДЕНИЕ ХАРАКТЕРА

К работе над ролью Галины Ермолаевны Пересветовой в картине «Кубанские казаки» я приступала с особым волнением. В прежних фильмах мои героини только еще начинали свой жизненный путь; сейчас надо было создать гораздо более сложный характер — зрелого советского человека, руководителя большого коллектива. Председатель колхоза Галина Ермолаевна — умная и рачительная хозяйка, женщина, прошедшая серьезную жизненную школу и вместе с тем сохранившая всю свежесть чувства, способность глубоко любить. Она любит Гордея Гордеича, но ни на минуту не теряет объективности в отношении к нему, проявляет присущие ее натуре самостоятельность и независимость.

Работа над фильмом привела нас в кубанские степи с их бескрайним золотом полей. На Кубани мы познакомились с замечательными людьми, которые знают гордость труда и радость отдыха.

Меня поразили отличающие кубанских женщин напевность и образность речи, красота свободного и широкого жеста. Их интонации и жесты были для моей роли естественными и необходимыми. Мне пришлось немало поработать, чтобы освободиться от некоторой сухости речи, свойственной горожанам, сдержанности движений.

Особенно мне врезалась в память такая сценка. Снимался эпизод, когда Галина Ермолаевна говорит Ворону: «Думалось, что вы переменились, а вы какой были, такой и остались». Колхозницы, присутствовавшие при съемке, услышав мое произношение, наперебой заговорили: «Не так, Марина Алексеевна!» — и объяснили, как должна произносить эту фразу их землячка.

«Кубанские казаки» — фильм музыкальный. В музыке, написанной композитором И. Дунаевским, есть подлинная народность, она напевна, легко запоминается.

Особенно удалась И. Дунаевскому массовая песня «Урожайная» — о вдохновенном колхозном труде.

Марина **ЛАДЫНИНА,**
заслуженная артистка РСФСР

РАССКАЗ О КАНДИДАТЕ

Виктор СТАРИКОВ

Рисунки О. Верейского

Ох, как коротки зимние дни!

Кажется Анисье Романовне, что ничего-то она еще не успела сделать, а зимний день уже пошел на вторую половину.

Ночью, в метель, когда все вихрилось и свистело кругом, Анисья Романовна вернулась с сессии районного Совета. Все дни, пока Анисья Романовна была в городе, она не переставала беспокоиться: как-то дома, в Турбине? Разговаривала с турбинцами по телефону утром и вечером, но это не успокаивало. Боялась, если что и неладное, ведь не скажут: зачем, дескать, тревожить председателя, вернется с сессии — все и узнает.

Рано утром Анисья Романовна уехала на строительство кирпичного завода и теперь возвращалась в деревню. Высокие стога соломы, накрытые белыми шапками, стоят на полях. На непримятом снегу видны заячьи петли. По стогам можно судить, как хорош был урожай и как много пришлось всем поработать. «А все моторы! — думает Анисья Романовна, и улыбка озаряет ее обветренное лицо с двумя горькими складочками возле губ. — Без электричества до снега молотили бы».

Крепок мороз, скрипит под полозьями снег, деревья и кусты в мохнатом инее — куржаке. На пустыре возле деревни птичья возня. Синицы и щеглы, поднимая снежную пыль, добираются до мохнатых головок репейника.

В деревне уже протоптано множество дорожек: на фермы, к колодцу, в правление колхоза, к амбарам, где сортируют зерно, в клуб, в магазин. Возле клуба Анисья Романовна останавливает лошадь и, не вылезая из саней, читает объявление: «Избиратели деревни Турбино приглашаются вечером на собрание». На фасаде клуба большой транспарант: «Избирательный участок». Возле крыльца другой: «Агитпункт».

Анисья Романовна подъезжает к большому дому с резным крыльцом. Чья-то голова показывается и исчезает в окне. В одной половине дома помещается агролаборатория, в другой — правление колхоза. Есть еще дверь — прямо: это радиоузел.

Анисья Романовна варежкой сбивает снег с валенок и входит в правление. В прихожей она развязывает платок, снимает шубу, прислушиваясь к доносящемуся стуку костяшек на счетах.

В светлой оштукатуренной комнате сидят бухгалтер Василий Иванович Буханцев, высокий, жилистый, очень суровый на вид человек, и счетовод Оленька, маленькая, тонкая, большеглазая, с колечками вьющихся у висков волос.

На минуту Василий Иванович прерывает работу и сквозь роговые очки смотрит на председателя.

— С приездом, Анисья Романовна! — гудит он, словно шмель. — Как гостилось в городе? Как сессия?

Оленька рада случаю отдохнуть. Ей кажется, что пальцы ее одеревенели от этих костяшек на счетах и вечером она не сможет играть в оркестре.

— Здравствуйте, тетя Аня! А мы вас вчера все ждали... Думали, успеете наш спектакль посмотреть.

Василий Иванович косится на помощницу и спрашивает:

— Сколько четвертая бригада взяла минеральных удобрений?

Анисья Романовна знает, как бухгалтер «гонит» отчет, чтобы успеть первым представить его в районные организации. Он недоволен, когда Оленька чем-нибудь отвлекается.

Анисье Романовне хочется подбодрить девушку.

— Довольны были люди? — спрашивает она.

— Очень! — восклицает Оля. — Так все аплодировали! А сегодня из Вязовки звонили... Приглашают приехать к ним.

— Сколько же взяла минеральных удобрений четвертая бригада? — опять спрашивает Василий Иванович.

Кто-то осторожно кашляет. Тут только Анисья Романовна замечает сидящего у стены Трофима Лаврентьевича, звеньевого из огородной бригады. Он сидит в ушанке, в просторном рыжем полушубке с черной заплатой на боку. Большие рукавицы из собачьего меха лежат рядом на лавке.

— Это что такое? — строго говорит Анисья Романовна. — Опять ты, Трофим Лаврентьевич, порядок нарушаешь — в шубе и шапке сидишь?

Трофим Лаврентьевич встает и виновато моргает красноватыми веками. Ему уже за шестьдесят, борода его все больше седеет; летом он стал ходить, опираясь на палку, и теперь не расстается с нею.

— Скажи ты ему, Анисья Романовна... — просит бухгалтер. — С утра сидит... Ведь сказано: завтра по ферме будет готов отчет. Нет, не верит... Что ты, право, Трофим Лаврентьевич! — прямо к посетителю обращается Василий Иванович, повышая голос. — Никто твою внучку не обманет: сколько надоила, за столько и получит. Нужно будет, и деньги переведем. Да она и сама уж скоро с курсов вернется.

Анисья Романовна улыбается:
— Пойди, Трофим Лаврентьевич, помоги женщинам на парниках. Завтра тебе все покажут.
— Да я не к тому, что обманут, — ворчит Трофим Лаврентьевич и пристукивает палкой. — Мне интересно знать, что мы наработали.
— Завтра приходи, — повторяет Анисья Романовна. — Как у тебя на парниках? Заложил навоз? Утром приду проверять.
Когда старик закрывает дверь, Анисья Романовна присаживается к столу бухгалтера и с тревожным любопытством спрашивает:
— Что у нас получается?
— В ажуре идем, — довольно произносит Василий Иванович. — В ажуре, Анисья Романовна. Полтора миллиона будет. Вот посмотри-ка, от полеводства собирались взять сто семьдесят тысяч, а получаем двести двадцать. От огородничества...
Бухгалтер называет цифры, Анисья Романовна шевелит губами, повторяя их. Оленька, перестав щелкать, внимательно слушает.
Так они и сидят втроем минут тридцать. Анисья Романовна прикидывает, сколько денег выйдет на трудодень, получается хорошо. Что же они смогут сделать в текущем году? Закончат кирпичный завод. Надо построить новую механическую мастерскую, такую, как в МТС, отдельный дом для хаты-лаборатории, новые ясли, каменную ферму...
Она спохватывается и говорит:
— Заслушалась я тебя, Василий Иванович. Колдун ты, когда цифры выкладываешь. Пойдем, Оленька, ко мне: книги привезла, отнесешь в клуб.
— Быстрее возвращайся, — напоминает девушке Василий Иванович. — В клубе не засиживайся. Слышишь?
В дверь заглядывает Маруся Шаврова, обвязанная шалью.
— Ой, тетя Аня! — восклицает она. — Приехали? А у меня к вам дело.
Девушка скрывается, а через минуту, раздевшись, появляется в комнате. Светлый свитер обтягивает ее фигуру; тяжелые косы — почти до пояса; румянцем горят щеки. Анисья Романовна, словно впервые увидев ее, с изумлением думает: «Красавица! Вот уж красавица!»
Маруся кидается к ней и крепко обнимает ее.
— Ой, тетя Аня! — скороговоркой говорит она. — Как мы вас с утра ждали на ферме! Раздоилась наша Сосенка! Приучили ее жмых есть. Помните, говорила я вам... Теперь опять двадцать пять литров надаиваем.
Василий Иванович перестал стучать костяшками и слушает девушку. Оля прямо-таки впилась глазами в подругу.
Анисья Романовна с волнением думает:
«Милые мои... Сколько же лет вам было, когда я впервые пришла к вам на елку? Ох, как нам тяжело тогда было!.. Какая для вас была радость елка! И нам возле вас стало легче». Выходило, что прошло около восьми лет. Девчушки эти бегали тогда в коротеньких платьицах, с туго заплетенными маленькими косичками.
— Пойдемте, девочки, — зовет она Марусю и Олю.
Вместе они выходят на улицу.
В конце широкой улицы стоит школа с большими окнами. Из нее выбегают ребята. Звонкие голоса их доносятся сюда. Девочки отделяются от шумной толпы и разбегаются по домам. А ребята все еще возятся возле школы, валят друг друга в снег. В воздухе мелькают сумки, портфели, шапки. Ну, прямо, как снегири и щеглы на пустыре у репейников!
Девочки первые встречают Анисью Романовну и наперебой здороваются. Потом набегают мальчики: красные лица, все в снегу, пальто и шубенки кое-как застегнуты, шапки лихо заломлены. Анисья Романовна останавливается и строгим голосом зовет одного из них. Он бежит, распахнув пальто.
— Застегнись, Миша! — приказывает Анисья Романовна.
— А мне жарко! — дерзко бросает Миша и хочет проскочить дальше.
— Говорю, застегнись! — прикрикивает Анисья Романовна.
Маруся догоняет мальчишку, схватывает его и приговаривает:
— Ах, тебе жарко, тебе жарко!..
Она застегивает ему все пуговицы и даже крючок на пальто, хоть мальчишка и отбивается. Потом проводит рукавичкой по его румяному лицу снизу вверх и только после этого отпускает.
— Теперь беги...
И он бежит, оглядывается и хохочет, надеясь, что Маруся кинется за ним.
Дома Анисья Романовна показывает на две большие пачки, завернутые в бумагу и обвязанные крепкими бечевками.
— Донесете?
Девушки только улыбаются.
— А посмотреть можно? — спрашивает Оля, а Маруся добавляет:
— Костя не покажет. Уж такой! Сразу спрячет в шкаф и скажет: «Зарегистрирую, а тогда смотрите и выбирайте».
Девушки усаживаются за стол, развертывают книжные пачки и рассматривают книгу за книгой.
Сережа, сын, открыв дверь, с порога поет:
— А я купил кандалы и подошвы!
— Это еще что такое?
Сережа, ученик пятого класса, стоит у порога, худенький, вытянувшийся в последний год. Через плечо на ремне у него висит кожаная полевая сумка — подарок фронтовика, — набитая тетрадями и книгами; руки просунуты в лыжные кольца, связанные веревочкой, — действительно, как кандалы. Из кармана торчат две резиновые полосы. Сережа раздевается и сразу приступает к работе: приколачивает к лыжам резиновые полосы, укрепляет кольца на палках.
Девушки связывают книги и уходят.
Уже темнеет. Сережа умчался с лыжами на улицу. Со стола все убрано. В доме пусто, тихо, только щелкают часы. Анисья Романовна надевает праздничный костюм: на собрание она придет прямо с молочно-товарной фермы, где ее с утра ждут.
Но на ферму в этот день ей попасть не удается.
Открывается дверь, и входит Петр Михайлович Потапов, бригадир второй полеводческой бригады и парторг колхоза. На нем полушубок, по-военному туго перетянутый поясом, начищенные сапоги, в руке планшетка. Лицо чисто выбрито, на гимнастерке белеет подворотничок. Офицер запаса!
Петр Михайлович весело здоровается:
— Ага, захватил! Приехала с завода! Ждал тебя, Анисья Романовна.
Уже от многих людей она слышала сегодня эти слова.
Парторг расспрашивает ее, как прошла сессия, какие приняты решения, что по плану культурного строительства должны сделать турбинцы.
— Каждому колхозу благоустроенный клуб — это правильно. Изба-читальня свое отжила, культурные потребности народа выросли, — соглашается Петр Михайлович и предлагает: — Пойдем-ка вместе в наш клуб. Посмотрим, как там к собранию приготовились.
В клубе они обходят зрительный зал, читальню, библиотеку, комнату для занятий, где сейчас помещается избирательный участок. В большом доме везде топятся печи, постреливают дрова; пахнет хвоей от гирлянд, которыми украшены большие портреты Сталина при входе в клуб и на сцене.
В читальне сидят мальчишки — самые ранние посетители — и азартно играют в шашки, шелестят страницами журналов.
Анисья Романовна и Петр Михайлович заходят к заведующему клубом Косте Буханцеву, сыну бухгалтера. В лампочке чуть покраснели волоски, потом яркий и ровный свет разлился по комнате.
Глаза Петра Михайловича загораются веселым, почти озорноватым блеском. Он смотрит на Анисью Романовну, хочет что-то сказать, но в это время слышно, что кто-то подъехал к клубу.
— Наверное, гости прибыли, — говорит парторг. — Пойдем встретим.
Анисья Романовна недоуменно смотрит на него.
Они выходят на освещенное крыльцо. Ярко светятся электрифицированные транспаранты избирательного участка. Возле розвальней стоят двое мужчин и помогают друг другу снять длиннополые и широкие тулупы, которые в зимнее время берут в дальнюю дорогу. Один из мужчин, всмотревшись в вышедших на крыльцо, кричит:
— Анисья Романовна! Не узнаешь?
Голос очень знакомый. Но Анисья Романовна боится, что вдруг ошибется, тогда конфузу не оберешься.
Приезжие поднимаются на крыльцо.
— И теперь не узнаешь? — говорит гость, протягивая руку.
— Товарищ Шумилов, — тихо говорит Анисья Романовна и приветливо смотрит в лицо гостю.
— А я не чаял тебя здесь застать. Думал, занята, разъезжаешь по району.
— Сегодня первое собрание, — говорит Потапов и делает какой-то предостерегающий знак Шумилову.
— Ах, вот как! Показывай, Анисья Романовна, какой клуб отстроили. Изменилось ваше Турбино, сильно изменилось. Слава о вас по области пошла. Миллионерами стали. С большим размахом дело повели.
Шумилов, бывший секретарь райкома партии, теперь — секретарь обкома. Второй, высокий, худой, в очках, — Верилов, учитель средней школы в райцентре, а сейчас председатель окружной избирательной комиссии.
— С дороги-то обогрейтесь, — приглашает гостей Анисья Романовна.
В комнате заведующего клубом все рассаживаются на стульях, на диване.
— Дай на тебя посмотрю! — задушевно говорит Шумилов, вглядываясь в немолодое, блекнущее лицо Анисьи Романовны. — Ничего, ничего... Почти не меняешься. Годы мимо тебя идут.
— А в моем возрасте так оно и бывает, — отвечает с тихой улыбкой Анисья Романовна и проводит рукой по гладко зачесанным волосам. — Все баба будто в одних летах, а потом враз старухой становится.
Ей хочется сказать, что сам-то Шумилов тоже мало изменился, только чуть погрузнел да серебра на голове все же поприбавилось. Но мысли как-то вдруг разбежались.
По тому, как смотрят они друг на друга, видно, что они большие друзья.
«Как не изменилась? — думает Анисья Романовна. — Восемь лет для меня — не шутка».
Вот тогда, больше восьми лет назад, поздней осенью, в распутицу, приехала она, расстроенная, в райцентр, и ей сказали, что секретаря райкома ждут с часу на час. Анисья Романовна присела на диване в кабинете, облокотилась о мягкий валик и, измученная думами и тревогами этих дней, заснула.
Кто-то тронул ее за плечо. Открыв глаза, Анисья Романовна увидела Шумилова. Она поднялась и, проведя рукой по лицу, вдруг почувствовала, что щеки ее мокры. «Неужели во сне плакала?»
— Что такое? Беда случилась? — встревожился Шумилов.
— Беда, такой еще и не бывало. Помогите вы мне... Председателя нашего сельсовета в армию призвали, а меня вместо него выбрали.
— Знаю, — скупо и недовольно обронил Шумилов. — За какой же помощью в райком приехала?
Анисья Романовна торопливо стала говорить, что нельзя ей такую работу давать.
Секретарь райкома слушал и все больше хмурил брови, молчал. Потом сказал суховато:
— Слушай, Анисья Романовна! Ведь ты коммунистка, должна понимать, какое трудное время у нас. Нужно, чтобы ты пошла в сельсовет. Знаю, что не легко тебе будет...
В сентябре первого года войны Анисья Романовна стала председателем сельсовета.
Много забот легло на ее плечи. Видели все, как трудно и тяжело ей. Многие старались помочь.
Но были и другие... На всю жизнь разошлась она со своей лучшей подругой Дуней Исаковой. А уж какая была задушевная подруга! Сколько песен пропели вместе, сколько тропок исходили! В одну зиму

После войны, когда в деревню стали возвращаться мужчины, Анисья Романовна поехала к Шумилову просить уж теперь-то отпустить ее.

— Теперь можно, — согласился Шумилов. — Подберем фронтовика. Берись-ка ты теперь за свой «Ленинский путь», веди колхозников к зажиточной жизни.

...Шумилов не был в этих местах уже пять лет. Его интересует всякая мелочь. Анисья Романовна рассказывает ему о делах «Ленинского пути» и словно сама оглядывается на пройденный путь. Задумали они по генеральному плану перестроить Турбино, окружить его садами, добиться твердых урожаев.

В комнату вбегает Таня Филиппова, высокая девушка с темными чуть раскосыми глазами. Бостоновый костюм удивительно хорошо сидит на ней.

— Тетя Аня! — кричит она, но, увидев гостей, смущенно замолкает.

— Поди сюда, Таня, — зовет ее Анисья Романовна.— Расставила щиты? Хватило? — Она повертывается к Шумилову: — Наша героиня. 400 центнеров картофеля вырастило ее звено.

Она смотрит на девушку нежно, словно это ее дочь. Когда-то Таня водила хороводы вокруг елки и, обнимая тетю Аню, едва дотягивалась до ее талии. А теперь уж и ростом стала выше тети Ани. Собирается скоро свадьбу играть. Присватался к ней учитель из турбиновской школы.

— Она у нас комсорг, — добавляет Анисья Романовна. — Вся молодежь под ее началом.

Шумилов здоровается.

— Знаю, знаю... Знаменитость! У меня на столе лежит книжка «Вырастим обильный урожай картофеля». Портрет на обложке. Так или не так? — спрашивает он и смеется.

и замуж вышли: Анисья осталась в своем Турбине, а Дуня переехала к мужу в Вязовку. Замужние, они продолжали встречаться, через них и мужья стали друзьями. Почти в одно время выбрали их: одну — председателем сельсовета, другую — председателем колхоза. «За вязовский колхоз могу не тревожиться»,— тогда же подумала Анисья Романовна, но горько ошиблась.

Весна уж была не за горами. На дорогах лошади начали в снег проваливаться, капель с крыш с утра стучала. Анисья Романовна готовилась к очередной сессии сельсовета. Она побывала во всех артелях, заглянула в Вязовку, думала часок посидеть у Дуни, а провела у нее весь день и уехала с тяжелой душой. Беззаботна Дуня, не болеет за артельное хозяйство. Загордилась, что стала председателем, заважничала. Лошадь от крыльца не отпускает. В Вязовке ее почти и не видят: то ей нужно в райцентр, то в соседние колхозы, а то на неделю — две укатит в областной город.

На сессии Дуня Исакова вышла на сцену в красивом шелковом платке, накинутом на пышные плечи, и спокойно, без смущения стала рассказывать, как у них в Вязовке готовятся к севу. Все у них хорошо, все ладно. Анисья Романовна изумленно слушала ее. Затем взяла слово.

Она и не подозревала, что столько гнева накопилось у нее против Дуни.

В зале слушали внимательно и хмуро. Румяное лицо Дуни обмякло, красивые глаза стали злыми. Она сидела с закушенными губами.

В перерыве Дуня Исакова подошла к Анисье Романовне.

— Вот зачем ты к нам приезжала! — прошипела она.—Подруженька!

— Прямо тебе скажу, Дуняша: пора одуматься.

В трудных заботах проходили дни. А тут еще и домашнее горе схватило. Пришла похоронная о муже, а вскоре и маленькая посылка — орден Отечественной войны I степени. Три дня не выходила из дома Анисья Романовна. Но жизнь требовала, и она поднялась. Лицо у нее было такое, как будто она перенесла тяжелую болезнь.

В зимний погожий день приехала Анисья Романовна в райком партии, прошла к Шумилову. Он расспрашивал ее о делах, а сам вглядывался в ее, словно опаленное, исхудавшее лицо.

— Трудно тебе? — тихо и сочувственно спросил он.

— Очень трудно! — вырвалось у нее.

— Вижу, вижу... Но ведь мы коммунисты!..

В этот день, когда Анисья Романовна тронулась в Турбино, она торопила лошадь, боясь опоздать на детский праздник. Впервые в Турбине решили устроить в школе елку для ребят, отцы которых сражаются за Родину. На деньги сельсовета и колхоза купили игрушек, женщины приготовили угощенье. В школу Анисья Романовна попала в разгар веселья. Посреди комнаты, возле сверкающей елки, сидел баянист. Дети водили хоровод. Увидели они Анисью Романовну, кинулись к ней...

Таня еще больше смущается. Она присаживается на стул и молчит. Но в глазах горят веселые огоньки. Таня любовно поглядывает на Анисью Романовну, обнявшую ее.

— А вот в других колхозах, — продолжает говорить Шумилов, — прочитали эту книжку и уж об урожаях в пятьсот центнеров думают.

Таня гордо выпрямляется:

— А мы пятьсот пятьдесят товарищу Сталину обещали. И вырастим. Приезжайте осенью, увидите.

В клубе становится все теснее. Шумилова знают многие, и всем хочется поздороваться с ним, обменяться несколькими словами.

В зале под аккордеон запевают:

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюся с тобой...

Все занимают места. В первом ряду усаживают Анисью Романовну, Шумилова и председателя окружной избирательной комиссии. Колхозный радиотехник возится на сцене с проводами и устанавливает микрофоны на кафедре и на столе президиума.

Становится тихо, замолкает песня, когда Петр Михайлович поднимается на сцену. На столе президиума стоят цветущие примулы.

— Где вы столько цветов среди зимы достали? — шепотом спрашивает Шумилов.

— Из своей теплицы, — отвечает Анисья Романовна. — За цветами к нам даже из райцентра приезжают.

Выбирают президиум. Анисья Романовна, Шумилов, председатель окружной избирательной комиссии, Таня Филиппова, заведующий турбиновской школой и пятеро колхозников поднимаются на сцену.

Первым выступает Петр Михайлович. Он говорит о всенародных выборах, о росте Турбина, о честном труде колхозников, о перспективах развития колхоза.

— Мы должны выдвинуть своего достойного кандидата,— предлагает Петр Михайлович. — Надо избрать такого человека, который оправдает наше доверие и доверие всего народа.

Петр Михайлович повертывается лицом к Анисье Романовне:

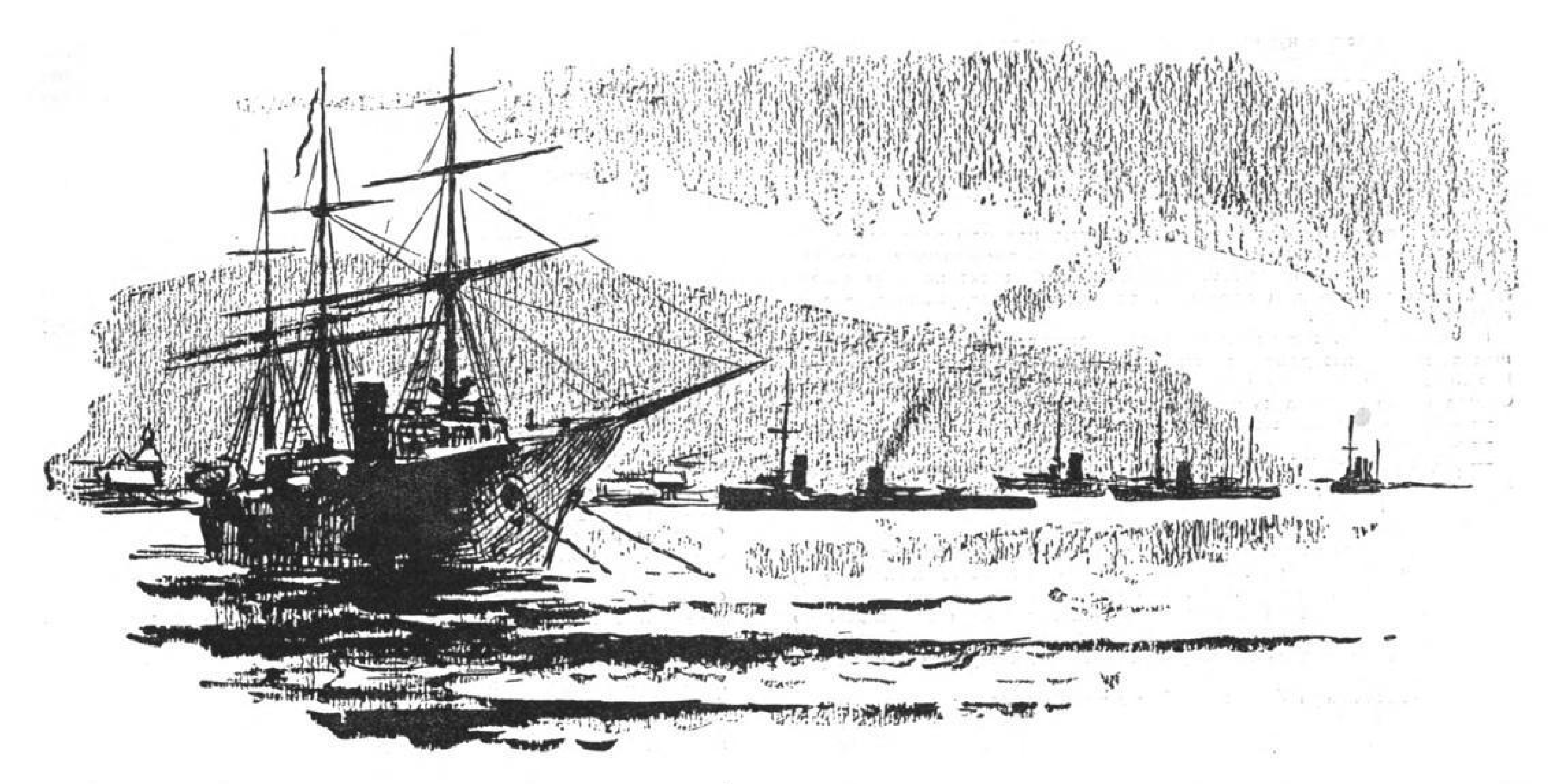
— Мы не ошибемся, если выдвинем от нашего избирательного округа Анисью Романовну, председателя колхоза «Ленинский путь».

В зале раздаются аплодисменты.

Анисья Романовна поднимается. Слезы туманят ей глаза.

Встают люди и в зале, продолжая аплодировать.

Так все стоят несколько минут. Пуховый платок спустился с плеч Анисьи Романовны, и всем виден на темном платье орден Ленина.

Совещание в Архангельске

Из романа «Северная Аврора» *

Николай НИКИТИН

Рисунки В. Высоцкого.

Посольская большая яхта стояла на двух якорях в заливе Кандалакшской губы. На берегу залива расположился поселок. Его бревенчатые дома, потемневшие от непогоды, были разбросаны по уступам высокого берега, местами обрывистого, местами покатого и поросшего вялой, сероватого цвета травой. Среди сараев для рыбы, среди домов и рыбачьих избенок убогого, унылого селения виднелась маленькая, древняя церковь, срубленная из кондового леса. На луковице ее башенки, сделанной стаканчиком, чернел крест, будто обуглившийся от осенних и зимних бурь. Тут же под глинистыми утесами втекала в залив порожистая река Нива с каменьями, всюду раскиданными по ее ложу. Огибая их, вода реки играла бурунами. В узкой речной пойме по левую сторону Нивы чернел зубчатый лес — ели и сосны.

По кромке залива, уткнувшись в прибрежную полосу, лежали вытащенные на берег рыбачьи лодки. Всюду на кольях сохли сети. В горле Кандалакшской бухты, вытянувшись цепочкой по направлению к заросшим лесочками островам, слегка покачивались от утренней зыби военные суда интервентов: тральщики, сторожевики, серый миноносец.

Генерал Пуль, командующий соединенным экспедиционным корпусом, составленным из английских, американских и французских войск, приехавший сюда из Мурманска на свидание с послами, отбыл ночью к Архангельску. Дипломаты Антанты пока еще задерживались здесь, ожидая дальнейшего развития архангельских событий.

Был ранний час. Солнце скрывалось за густой и плотной облачной завесой, но его теплый, тусклый и рассеянный свет струился сквозь тучи и облака.

В салоне яхты белели куртки двух бегавших взад и вперед стюардов. Занимаясь своим привычным делом — сервировкой стола к первому утреннему завтраку,— они перешучивались друг с другом. Их негромкий смех вырывался иногда через открытые иллюминаторы на палубу, уже тщательно выскобленную, окаченную водой, протертую щетками и слегка дымившуюся от испарения.

На баке, неподалеку от носового флагштока, возле машины с тросовым валом для спуска якорей, в двух расставленных друг перед другом шезлонгах сидели сэр Дэвид Роланд Френсис, американский посол, и мистер Линдлей, британский поверенный.

Оба они вставали раньше всех, и, по настоянию Френсиса, эти утренние полчаса посвящались обсуждению тех дел и обстоятельств, с которыми им предстояло столкнуться днем. Старик Френсис, седой высокомерный семидесятилетний джентльмен, всегда чуть-чуть торжественный и в то же время неизменно над всем подсмеивающийся, старейшина дипломатического корпуса, находившегося сейчас в России, требовал не только от французского посла Нуланса, но даже и от своего английского коллеги, Линдлея, той же пунктуальности, к которой он сам привык еще с детства.

Конечно, прямого подчинения Френсис не мог ожидать, однако оно создавалось само по себе. Как ни кичился Линдлей своей самостоятельностью, силою своей державы, которую он представлял, но Британия, по сути дела, была уже опутана с ног до головы американскими займами. Это решало все, во всяком случае, многое. Ведь начиная с 1914 года, с того самого часа, как завязалась первая мировая война, американский капитал и американская промышленность работали на эту войну, даже еще не числясь воюющей державой. Сейчас же на финише войны, после своего вступления в нее, Америка хотела распоряжаться всем, настойчиво вмешиваясь в дела различных стран, и больших и малых.

Зимой 1918 года президент Америки Вудро Вильсон выпустил в свет свои известные 14 пунктов об условиях будущего мира. Пункт шестой, о России, был составлен так туманно, что совершенно обходил вопрос об отношении американского правительства к советской власти. Это было сделано преднамеренно. На самом деле у Америки была одна общая с Антантой цель — свергнуть советскую власть. Френсис, ставленник Вильсона, планомерно добивался этой цели. Он был в центре почти всех заговоров против Советов, тщательно и умело маскируя это. Когда другие говорили, он предпочитал слушать и улыбаться, «точно застенчивая девочка». Так однажды сострил про него галантный секретарь французского посла Нуланса, намекая на то, что по каким-то семейным причинам Френсис провел свою юность с девушками, обучаясь в женском колледже.

Френсис улыбался и сейчас, развалившись в шезлонге, жадно вдыхая свежий, утренний воздух залива и слушая Линдлея.

— Что ж?.. Мы правы...— говорил Линдлей, поглаживая руками выступавшие вперед из шезлонга свои острые колени.— Предоставить Россию ее собственной участи?.. Нет, этого делать нельзя... Тогда Германия в один прекрасный день воспользуется ее неслыханными минеральными богатствами... Позволить большевикам упрочить свое положение? Нельзя! Эта разрушительная доктрина проникнет в Европу. Нет больше России. Без императора и религии она распадется на части, как глиняный идол. Большевистская армия не имеет ни организации, ни дисциплины. Петроград могла бы взять горсть британских войск с танками и аэропланами. И достаточно британского генерала во главе экспедиционного корпуса исключительно для контроля, исключительно с одной целью, чтобы он вел примирительную политику по отношению к крестьянам, и Москва тоже будет взята!.. Уверяю вас. И большевики не переживут этого. А в падении Архангельска я не сомневаюсь ни одной секунды. Мы накануне больших событий.

— Кто их знает... этих большевиков,— промолвил Френсис, вставая.

Узкий лоб Линдлея, его изнеженные руки с длинными, выхоленными ногтями, свободный, хорошо сшитый костюм, темный галстук, небольшие усики, шелковый платок, крепкие духи, вечная сигарета, сотни заученных слов, настороживавшиеся уши, эластичные движения кошки и надменность в глазах воспринимались Френсисом, как тот необходимый шаблон, по которому Англия выпускает своих дипломатических чиновников, точно с завода, чтобы затем разбросать их пачками по всему земному шару. Поэтому он считался с Линдлеем не больше, чем с любым из служащих своей фирмы в Америке. Утренние беседы ничего не давали ему. Они были для него лишь тем ритуалом, от кото-

* Роман посвящен борьбе советских людей против англо-американских интервентов и белогвардейцев на Севере в 1918—1920 годах.

рого он не находил нужным отступать, раз уж это было заведено им самим.

Френсис был значительно выше Линдлея. Высокий, худощавый англичанин, стоя рядом с Френсисом, приходился ему по плечо. Жилистую шею старика туго стягивал стоячий, старомодный, крахмальный воротничок. К этому крупному туловищу словно нарочно приделали маленькую головку. Седые, коротко подстриженные усы и черепаховое пенсне на черном шнуре несколько оживляли бесцветное, отекшее лицо Френсиса с вялой, будто мертвой, кожей.

Чайки облепили корпус трехмачтовой яхты, целиком построенной из красного дерева. Птицы с криками проносились так близко от нее, что чуть ли не задевали крыльями снастей судна. Френсис, подойдя к медным, ярко начищенным поручням, остановился, погрузившись в разглядывание берегов.

На вахтенном мостике яхты сменились дежурные. Из салона еще слышались голоса стюардов и тоненькое позвякивание стеклянной посуды. Кто-то хлопал дверьми в коридоре, где размещены были каюты. Оттуда также доносились разговоры.

— Сегодня мы можем вернуться в Архангельск,— сказал Линдлей.

— Сегодня?

— Да, конечно! Что вас удивляет? Все в Архангельске уже будет кончено к третьему числу.

— Вот как!

— А вы разве думаете иначе? — сказал Линдлей.

Френсис ничего не ответил, он опять улыбнулся. Он знал о перевороте все, и, конечно, не меньше, чем представитель Англии. Но ему, как и всегда, не хотелось говорить об этом.

Солнце разгоралось, пронизывая тучи. Его отблески задрожали по берегам. Они озарили широкую, чуть зыбистую гладь бухты. Свинцовая, скучная до сих пор даль вспыхнула пепельными и серебристо-жемчужными красками.

— О! — воскликнул Френсис.— Это даже феерия...

Невнимание к словам Линдлея, преувеличенное любопытство к местному пейзажу, который Френсис мог изучить в подробностях за эти два дня пребывания в Кандалакше,— все это не было какой-либо игрой или надетой на себя маской. Нет. Он не только не считался с Линдлеем, он презирал всем сердцем одетого, как дэнди, англичанина. В крови Френсиса, по его собственному признанию, тоже текли «струи» Англии, и угрюмого Уэлса, и романтической Шотландии. Но что могли ему дать эти воспоминания и эти бывшие соотечественники? Ничего. Он не любил ни эту Шотландию, ни Англию. Не любил никого, не любил ничего, кроме своего дела и себя. И даже Америку он не любил, как люди любят землю, на которой они родились. Он был связан с ней прочными деловыми узами, она представлялась ему всегда только, как большая коммерческая контора.

Больше всего Френсиса возмущала тайная убежденность Линдлея в том, что Британия — соль земли, что американцы — отбросы всех стран, а их материк — просто помойка старой, благовоспитанной Европы. Но так как Линдлей в силу обстоятельств принужден был тщательно скрывать свои взгляды, это наряду с возмущением невероятно веселило американца и доказывало ему, что сила-то не на стороне Линдлея. Он милостиво позволял Линдлею как бы первенствовать в делах интервенции, предпочитая для себя стоять за углом. Френсис отлично понимал, что если их интересы когда-нибудь резко столкнутся,— в его распоряжении всегда найдется достаточно средств отстоять свою точку зрения.

То, что оба они явились сюда с единой, воодушевляющей их задачей — сокрушить большевизм, а на практике, помимо этого, каждый преследует свои цели, мало его беспокоило. Противоречия естественны даже между закадычными друзьями, а не только между союзниками. Он считал это одним из неизбежных парадоксов жизни. Точно гувернер, он следил за Линдлеем и терпеливо выносил болтливого европейского «ребенка», навязанного ему, как он полагал, провидением.

С этим чувством он слушал Линдлея и сейчас.

— Интересно...— говорил Линдлей,— справится ли этот Чайковский [1] с государственными задачами? И как поведут себя господа Гуковские и Масловы?

— Не знаю...

Френсис развел руками. Блеснули старческие глаза.

— Это правда, будто капитан Чаплин работал у вас? В штабе Пуля? — спросил он насмешливо, хотя спрашивать ему было нечего: он давно знал об этом.

— Да, это не секрет,— невозмутимо произнес Линдлей.— А что?

Френсис рассмеялся.

— Ну, вот генерал Пуль и будет именно тем Александром Македонским, о котором вы только что мечтали... Значит, все хорошо!

Линдлей покраснел. Он сделал вид, что не понял Френсиса:

— Конечно... И все-таки завтра нам надо будет точнее определить наши взаимоотношения с правительством русского Севера!

— Зачем? Генералы пишут приказы, а не дипломатические меморандумы. Предоставим, мой дорогой, все права британскому генералу.

— Вы все шутите,— сказал Линдлей с любезной улыбкой, но уже багровея от неприличного, по его мнению, тона, каким разговаривает американский посол.

Френсис понял его и, мямля, стал объяснять свой взгляд на будущие события.

— Нет, в самом деле... Невмешательство в их дела, быть может, самое лучшее, самое демократическое, что мы можем изобрести...— говорил он с искренностью завзятого лицемера.— Будем действовать, как действовали и до сих пор... Ведь Талейран изрек, будто дипломату дан язык для того, чтобы скрывать свои настоящие мысли...— Френсис двинулся с места и проводил взглядом паривших около яхты чаек.— Но я купец. Я, к сожалению, не дипломат. И не политик, тем более... Я не умею болтать. Не умею предвидеть,— закончил он с невинным лицом.— Так пусть же все идет, как идет.

Линдлей двинулся вслед за ним вдоль борта. На палубе появился синеглазый Ватсон, один из секретарей Линдлея. Голова его с золотистыми, точно искусственными, волосами казалась фарфоровой. Длинное, выгнутое туловище, длинные, тонкие руки и ноги, будто сделанные из скрученной проволоки. Чем-то жутким и странным веяло от этого человека.

Сейчас Ватсон стоял у дверей салона, на баке, и курил. Он низко поклонился, когда мимо него прошел Френсис. Однако американский посол этого не заметил.

Взбудораженный разговором, Линдлей подошел к Ватсону. Американец спустился вниз, в каюты.

Несмотря на разницу в положении, Линдлей дружески относился к секретарю, считал его знатоком России. Он с возмущением начал передавать ему содержание своей только что состоявшейся беседы с американским послом. «Или не состоявшейся?»

— Ужасный человек, он будто угорь,— пожаловался Линдлей, морщась.— Мне понятно, что в отношении Чайковского и прочих мы должны держаться своеобразного нейтралитета. Умалчивая официально о своем отношении к правительству Севера, мы тем самым в глазах всего света как-то отведем подозрение от того, будто мы его создали... О, да! Но между собой мы должны же раскрывать карты при некоторых обстоятельствах. — Линдлей поднял кулак, сжал его. — А Френсис держит их вот так... Как бродяга!.. Переворот связан будет с репрессиями!.. Очевидно, массовыми. Френсис, очевидно, хочет все свалить на голову нашего несчастного Пуля. Пуль — солдат, простак. Это было бы бесчеловечно! И вот в этом вопросе я никак не могу узнать мнения американского посла. Черт его знает!.. А потом еще будет протестовать. Разыгрывает демократа. Блаженная улыбка! «Демократическая»!..

Линдлей с досадой махнул рукой. Ватсон стряхнул пепел сигары на чистую палубу и философски процедил:

— Вы зря волнуетесь...— он чуть было не сказал Линдлею фразы из «Гамлета», случайно подвернувшейся ему на язык: «Можно улыбаться, улыбаться и быть мерзавцем». Но, конечно, секретарь Ватсон не произнес ни слова, ограничившись только цинически-откровенной усмешкой.

Стюард бил в гонг. Дипломатов приглашали в салон. На берегу, словно в ответ гонгу, печально и однообразно зазвонил церковный колокол. Залив стал зеркальным. На крыльцо избушки, прилепившейся к самому обрыву, вышла старуха. Осенив себя широким крестом, она посмотрела на солнце.

Через два дня после переворота пришел на рейд американский крейсер «Оклахома». С моря дул теплый ветер, он принес ливень.

Дипломаты Антанты появились в Архангельске. Приехал и Френсис. В одном из нарядных домиков Немецкой слободы, отведенном для американской миссии, собрались на совещание Френсис, Нуланс и Линдлей.

— Мой дорогой...— тихо говорил Френсис британскому поверенному.— Я слыхал, что в здешней тюрьме кошмарное положение... камеры переполнены... Так быстро! Неужели большевиков так много?

— Что делать? Не я этим распоряжаюсь,— с гримасой сказал Линдлей.— И большевиков действительно много. Расплодились.

— Да!..— перебил его Френсис.— Но я слыхал, что в вашем штате имеются специалисты этого дела. Пусть они приложат свои способности.

— В каком смысле? Я не понимаю вас...

— Надо навести порядок.

— Надо организовать новые каторжные тюрьмы на островах в море... Вот единственное, что надо...— настойчиво сказал Нуланс, французский посол.— Мудьюг для большевиков самое подходящее место!

Френсис взглянул в глаза Нулансу и улыбнулся. Коротконогий напы-

---

[1] Глава белогвардейского «правительства» на Севере.

щенный француз с большим брюхом, с жирными щеками, с заплывшими глазками, с висячими черными усами, почти закрывающими ярко-красные вздутые губы, всегда напоминал ему владельца кабачка где-нибудь на окраине Парижа. Это вспомнилось Френсису и сейчас, хотя на французе был не синий передник, а элегантный костюм из модной, светлой материи и от Нуланса пахло дорогой сигарой.

— Что такое «Мудьюг»? — спросил его Френсис, сняв пенсне и щурясь.

— Почти голый остров... В Двинской губе, на выходе в Белое море... Кажется, миль тридцать... морских миль... от Архангельска... Постоянные ветры... Зимой метели... Хорошая могила для большевиков!

Рот Нуланса скривился, открывая желтые, редко расставленные мелкие зубы. Нуланс показал Френсису расположение острова на географической карте.

Френсис надел пенсне и, едва взглянув на карту, быстро сказал:

— Займитесь этими местами, мой друг. И как можно скорее. Вы согласны, Линдлей?

Линдлей сделал жест, в значении которого нельзя было усомниться. Проводя по карте своей длинной, узкой рукой с тонкими, старчески дрожащими пальцами, Френсис добавил:

— Я полагаю, это необходимо, правильно и справедливо. Надо очистить Архангельск от заразы.

Затем были обсуждены еще другие дела — об участии американцев в русской администрации и в английском штабе, о предстоящем экспорте... Френсис заявил, что скоро наступит момент, когда придется обратить внимание на финансовые дела. Каков будет курс между долларами, фунтами стерлингов и местными банкнотами, еще неизвестно... По всей вероятности, местные банкноты придется выпустить. Кто возьмет на себя денежную эмиссию? Он не требует уже разработанных проектов... Но думали ли об этом его коллеги? Нуланс и Линдлей высказали свои предложения. Ни то, ни другое не понравилось Френсису. Он отклонил оба, заметив, что есть еще время подумать об этом вопросе.

— Пока что, — сказал он, — я требую лучших казарм для американских солдат и лучших пароходов для тех американских батальонов, которые мы отправляем сейчас на Северную Двину.

Когда совещание закончилось, оба дипломата (и Линдлей и Нуланс) выехали вместе, в одной машине. Француз смеялся и острил, обмениваясь своими впечатлениями с Линдлеем.

— Френсис удивительно напоминает мне мистера Домби[1]... Тип... Не так ли? — говорил он. — Земля создана только для того, чтобы он мог вести на ней свои дела... А солнце и луна, — чтобы освещать его персону. И звезды двигались бы, как часы, в этой системе, в центре которой помещается он. И мы с вами, Линдлей, тоже только частицы этого механизма, заведенного господом богом лишь для него, — с громким хриплым хохотом добавил француз. — Не так ли?

Линдлей корректно улыбнулся.

— Уверяю вас. Он туп, как кролик, — язвил француз. — Он помалкивает только потому, чтобы не показаться дураком. Это кукла, выполняющая инструкции Вашингтона и консультантов вроде полковника Хауса! Честное слово. Не будь их, он пропал бы... Он улыбающееся привидение.

Линдлей не выдержал этого обилия характеристик и рассмеялся.

Два фонаря машины ярко освещали дорогу. Промелькнули мокрые от дождя березы Гагаринского сада, в глубине которого стоял деревянный, летний театр с освещенным подъездом. Из театра слышались звуки духового оркестра, играли вальс. Когда машина выехала на берег реки, потянуло теплым влажным воздухом и приторным запахом прибрежной тины. На аллее бульвара толпились английские и американские солдаты и матросы. Горожан не было видно, кроме каких-то женщин, визгливо смеявшихся в конце набережной и задевавших солдат. Вдали, за старинным Петровским зданием таможни, на вышках деревянных створ, горели фонари, красный и белый. Северная Двина также была расцвечена огнями. Сейчас на ней стояла союзная эскадра уже из четырнадцати судов.

После ухода послов Френсис остался один в кабинете. Несмотря на теплую погоду, он вечно зяб, и пришлось растопить белую изразцовую печь. Ярко, с треском пылали разгоревшиеся поленья, бросая блики трепещущего света на ковер и наполняя комнату уютным теплом.

Он рассматривал карту России, его интересовали реки: Пинега, Северная Двина и Онега. Морщинистая рука Френсиса, с обрезанными и подточенными ногтями, слегка посиневшими от старости, двинулась дальше, за пределы Архангельской губернии, к хребту Урала. Вдруг пальцы пробежали через Сибирь и остановились на Приморье. Леса, руды и богатства, лежащие в русской земле, соблазняли его, и ему уже мелочью показались те миллионы акров американских лесов, об эксплоатации которых он думал когда-то, еще 30 лет тому назад... Теперь все это можно было взять здесь, в России... Сколько денег! Испещренные склерозными жилочками глаза Френсиса вспыхнули, губы дернулись от жадности.

---

[1] Персонаж из романа Диккенса «Домби и сын».

* * *

Ник. РЫЛЕНКОВ

Когда в Москве в концертном зале
Ты песню русскую поешь,
К твоим ногам из дальней дали
Косые волны гонит рожь.

Мерцают жнивья за дорогой,
У непритоптанной тропы,
Где ты девчонкой босоногой
Вязала первые снопы.

Где, забывая про усталость,
Ты запевала на ветру
О том, что в поле примечталось
Под звон колосьев по утру.

О скорой встрече у колодца,
У ключевого родника...
И песня льется, песня льется,
Как летний полдень, широка.

Ей тесно там, в концертном зале,
И, всем ветрам наперекор,
Она летит в родные дали,
Как эхо, рвется на простор.

Ей все пути открыты в мире,
Где горизонт высок и чист,
И ловит голос твой в эфире
На полевом стану радист.

Вот он кружится над дорогой,
Над тонкой прошвой той тропы,
Где ты девчонкой босоногой
Вязала первые снопы.

Где за тобой сияло лето
У синих рощ, у ясных вод...
Жнецы заслушались: — Ведь это
Сестра их юности поет!

В соседнем помещении, в спальне, слуга Джонсон готовил постель, и Френсис слышал его шаги. Когда Френсис туда вошел, слуга сказал:

— Вы, наверное, устали, сэр? Все готово.

Разоблачаясь при его помощи, Френсис почувствовал себя действительно разбитым: болело старческое, дряхлое тело, грызла какая-то боль в пояснице, но, улыбнувшись слуге, он ответил:

— Нет, мой дорогой... Ведь мой дед был солдатом. А мой отец — фермер из Кентукки. Я привык работать и не уставать.

В беседе с простыми людьми он всегда говорил об этом, как бы поучая их и желая представить им свои жизненные успехи как результат долгого и упорного личного труда. На самом деле все было иначе.

Отец Френсиса был далеко не бедным человеком. Благодаря средствам отца молодой Френсис мог шалопайничать в университете до тех пор, пока родные не заставили его наконец образумиться. Он занялся коммерцией и быстро постиг все те приемы, при помощи которых дозволяется грабить своих ближних. Френсис торговал зерном и даже создал собственную комиссионную фирму «Френсис и братья». Все шло, как обычно в этом мире. Он жестоко уничтожал своих конкурентов, пробивая себе дорогу к общественной власти, получил наконец пост губернатора Миссури и затем с помощью Вильсона неожиданно превратился в дипломата...

На ночном столике горела свеча. На подносике стоял стакан с водой, покрытый блюдечком, тут же стояла пестро разукрашенная аптекарская коробочка с порошками, усиливающими работу сердца. Из-за тяжелых занавесей не слышно было шума улицы. Вынув вставные зубы и опустив их в стакан с водой, старик прополоскал рот пахучей жидкостью и затем сел на мягкую постель. Слуга раздел его. Разлегшись в постели и укутавшись в мягкое одеяло, Френсис вспомнил, что третьего дня советское правительство обратилось к народам Англии, Франции, Италии, Америки и Японии с призывом выступить против интервенции. Сегодня он слышал от разведчиков, что большевики готовят еще какой-то новый протест по этому поводу и что на днях, завтра или послезавтра, они предъявят его американскому консулу в Москве.

«Как будто у Европы и без них нехватает своих собственных забот. Там еще идет война, — подумал Френсис. — Правда, теперь она не долго протянется. Германию не спасет вывезенное ею украинское сало, Германия в результате войны выдохнется. Пока будут длиться дипломатические переговоры с этой страной, которая еще так недавно осмеливалась конкурировать с американской промышленностью, здесь, в России, час от часу будет разгораться другая война. Солдаты-кондотьеры всегда найдутся. Арсеналы ломятся от оружия... Не бросать же его? Все это будет пущено в дело. Война — весьма доходное предприятие. Выгодны даже ее последствия. Разоренные страны легче поддаются эксплоатации. Они бессильны. И совсем не идеи, а деньги управляют миром. Деньги! Людям только стыдно признаться в этом. Каин, несомненно, убил Авеля из-за какого-нибудь жалкого барана! Тогда бараны были деньгами...»

Френсис улыбнулся.

«Побеждал Каин... Это деловой человек. А что такое Авель?»

«Когда будет свергнута советская власть, Россию следует расчленить на отдельные куски, раздробить. Конечно, не Британская империя, уже запутавшаяся в долгах, с разбросанными по всему миру владениями, а Россия, с ее огромным и монолитным пространством, является серьезным конкурентом Америки. Но ее не будет, этой России...»

«На Украине, в Финляндии, в Прибалтике могут остаться правительства, уже учрежденные немцами. Кавказ? Здесь не обойдется дело без Турции. Средняя Азия? Возможно, что Англии придется выдать на нее ограниченный мандат. Великороссию и Сибирь надо оставить себе. Великолепный рынок! И еще лучшее сырье».

Так тянулись одна за другой мысли засыпающего Френсиса:

«А Польша? Форпост... Да, я еще забыл о Крыме. Какая большая Россия!»

В спальню вошел кот, давно живший в этом доме. Он уселся возле кровати и долго разглядывал неизвестного ему дремлющего старика, потом прыгнул на кресло и стал обнюхивать его одежду...

...Ровно через год не только Френсис или британский поверенный Линдлей, но также их советники, секретари и слуги, также их полицейские отряды и штабы, их войска: солдаты — американцы, англичане, шотландцы и французы — все это выкатилось из пределов Архангельска. Разгромленные Красной Армией и партизанами в боях 1919 года, они принуждены были распроститься с русским Севером. Все планы и надежды их были разбиты. Они уплывали тайно, как воры, скрываясь от жителей, в темные сентябрьские ночи, под проливным дождем. Их корабли отчаливали, скрытые туманом Двины и ночной мглой. Через несколько месяцев, в феврале, также бесславно бежал белый генерал Миллер. Это был позорный конец. Именно тот конец, которого только и были достойны авантюристы, хищники, контрреволюционеры, звери и наглецы.

ОЧЕРКИ НОВОЙ ДЕРЕВНИ

Крестьяне сороковых годов

Книга И. Рябова «Годы и люди» составлена из очерков, в разное время опубликованных нашей печатью,— главным образом газетой «Правда». Когда читаешь такого рода книги, то прежде всего спрашиваешь себя: живут ли они сейчас, эти очерки, давно прочитанные нами в газете? Вопрос законен еще и потому, что в то время, когда появились многие из очерков И. Рябова, они были наряду с другими произведениями этого жанра, пожалуй, единственным в нашей литературе свидетельством того, как живет и работает деревня последних лет войны и послевоенного времени. Сегодня же рядом с книгой И. Рябова на книжных полках стоят романы, повести, поэмы и сборники рассказов, посвященные этой же теме, причем многие из них получили всенародное признание.

Таким образом, очеркам И. Рябова пришлось выдержать не только испытание временем, но и участвовать в своеобразном соревновании с произведениями иных жанров, располагающих значительно более богатыми возможностями изображения жизни, нежели документальный очерк.

С первых же страниц книги «Годы и люди» вы чувствуете, что перед вами произведение, сила воздействия которого не ослаблена тем, что иные из этих очерков были уже вами прочитаны лет пять — шесть тому назад, и тем, что вы прочитали их снова после многих талантливых и правдивых книг о современной колхозной деревне. Собранные вместе, очерки И. Рябова словно приобрели новое качество. Каждый из них дополняется последующим, и хотя в каждом описываются другие места, рассказывается о других людях, перед вами возникает широкая, слитная картина деревенской жизни, возникает обобщенный портрет хозяина этой жизни — советского крестьянина сороковых годов.

В книге нет единого сюжета — да и не может быть, поскольку это сборник,— но сюжет заменяет, на наш взгляд, лицо, ведущее повествование,— журналист-большевик. Он предстает перед вами в роли неутомимого и страстного собеседника, который хорошо чувствует русскую природу, любит и понимает земледельческий труд, знает не только современную, но и старую деревню, что дает ему возможность и право сравнивать «век нынешний с веком минувшим». Сравнение это проходит через все очерки, составляет пафос книги, помогает читателю, особенно молодому, глубже понять смысл и значение того великого переворота, какой совершила в российской деревне партия большевиков.

Следует остановиться на художественной манере И. Рябова, благодаря которой в небольшой сравнительно книге он сумел рассказать о судьбах нескольких поколений крестьян.

Краткое и выразительное описание природы соседствует в книге с исторической справкой, эскизный портрет колхозника — с цитатой из Глеба Успенского, Чехова, Гоголя, лирическое отступление сменяется высказываниями Ленина и Сталина, и рядом с бухгалтерски точными цифрами колхозных доходов или выполнения плана вы встретите, к примеру, такую, исполненную поэзии фразу: «Перепадают звонкие и светлые, как серебро, дожди».

Вот описание старой деревни в очерке «Ярославская порода»:

«На холме при въезде в деревню стояла мельница и печально махала крылом, не в силах улететь с серой земли в синее небо. Гнулся под ветром ивняк по берегам речки.

— Как зовут речку?

— Сонная.

За рекой в два ряда бревенчатые, потемневшие от непогоды избы стоят, тесно прижавшись друг к другу, готовые даже сгореть вместе, лишь бы не распасться; колодезный журавель взметнулся выше часовенки.

— Как зовут деревню?

— Горшиха».

И вот современный облик той же деревни, получившей свое имя от бедной, горькой здешней земли,— как назовешь ее сегодня Горшиха, как назовешь эту речку Сонная!

«Как, в самом деле, назовешь ее по-старому, если даже в студеную зимнюю пору не пристает к ней ее имя, ибо стоят сегодня выше ивняка по берегам реки столбы сельской гидроэлектростанции? Станция вместе с ажурным кружевом ветродвигателя, с механической мельницей, с общественными новостройками — от конюшни до гаража, от колхозной конторы до сельского клуба,— изменив деревенский пейзаж, внесла в него новые цвета и краски. И уже нет традиционной печали в этих покрытых снегом полях, окружавших деревню...»

Сравнение «века нынешнего с веком минувшим» проводится автором, если можно так выразиться, в различных разрезах. Сравнивается деревенский пейзаж, сравнивается экономика. Характерным в этом смысле является очерк «Волжское село», где, отталкиваясь от газетного сообщения времен русско-японской войны, автор рисует затем экономику того же района спустя сорок лет.

Тонкий лирик, когда он описывает русскую природу, трезвый статистик, когда обращается к цифрам, пытливый исследователь, когда прибегает к мемуарам и архивным документам,— автор обретает взволнованный, страстный голос, когда речь заходит о человеке, о советском крестьянине, который чудесно изменился в ходе той преобразовательной работы, какую ведет он, руководимый партией большевиков, двадцать с лишним лет:

«Уже нельзя не заметить, замолчать его подвиг на земле. Уже нельзя рисовать крестьянство, как безликую массу, как толпу людей, в которой все одинаковы лицом, речью и другими приметами. Расцветом индивидуальности характеризуется наше время в деревне. Богатство человеческой личности видим мы в этой деревне. И вот уже появляются крестьяне нового типа, олицетворяющие чудесный процесс ликвидации вековой противоположности между людьми умственного труда и труда физического».

Автор преисполнен сыновней любви и уважения к предкам нынешних колхозников, к многонациональному народу, населявшему Россию, который в поте лица своего добывал хлеб насущный. Чувством подлинного патриотизма, всегда содержащего в себе благородный пролетарский интернационализм, проникнуты следующие строки книги:

«Глубоко уважая и ценя труд земледельцев соседних стран, мы не можем без чувства благоговения говорить о той роли, которую сыграли русские люди в великом деле освоения новых огромных пространств, насаждения сельскохозяйственной культуры на скудной почве и в суровом климате их Родины. Подвиг, свершенный в этом смысле русскими, действительно является феноменом необыкновенным».

Следует, однако, заметить, что, правдиво рассказывая о старой деревне, вдохновенно изображая крестьянина современного, его раскрепощенный новым социальным строем талант, его богатый духовный мир, широкий кругозор и удивительное мастерство, И. Рябов почти ничего не сказал о тех трудностях, какие еще стоят на пути развития колхозной деревни и в преодолении которых формируется характер советского крестьянина середины двадцатого века. Мы имеем в виду борьбу нового, передового, со старым, отживающим, но все еще цепляющимся за жизнь, борьбу, которая, например, отлично изображена в рассказах Валентина Овечкина и в его последней пьесе — «Настя Колосова», в повести Юрия Лаптева «Заря» и в других произведениях о послевоенной деревне.

Глубокое знание И. Рябовым колхозной действительности, оперативность жанра художественной публицистики, в котором он талантливо работает, позволяют надеяться, что в скором времени мы встретим и этот круг тем в его новых очерках.

Ефим ДОРОШ

И. РЯБОВ. Годы и люди. Очерки. Издательство «Правда». 1949. 278 стр. Цена 5 руб.

Картины сельского труда

«Правда, когда не знаешь производства, как все кажется просто: взял железо и отлил из него деталь. А столкнись — сколько правил, специальных законов! Наверно, кто не знает, и о деревне так думает: взял теленка, покормил — и выросла корова».

Так говорит одна из героинь книги очерков Владимира Фоменко «Человек в степи». Эти слова многое объясняют и в подходе самого писателя к жизни. Он пишет о мастерах сельского хозяйства с живой, беспокойной творческой мыслью. Читая его очерки, видишь живых, интересных людей-новаторов и часто до тонкости постигаешь детали их будничных производственных дел.

Книга посвящена людям колхозов и совхозов Целинского района, Ростовской области. Писатель запечатлевает типичные явления жизни колхозной деревни, создает яркие картины социалистического труда, раскрывает духовное богатство людей, ломающих отжившие вековые традиции и создающих новую природу страны социализма.

О колхозной деревне у нас создано немало талантливых произведений. Книга Владимира Фоменко не повторяет ни одного из них. Новых людей новой деревни писатель рисует по-своему, свежо и оригинально.

...По полю плывет комбайн. Обыкновенная картина. Но всем своим очерком «Хозяин» Фоменко говорит: в том-то и дело, что это необыкновенно, значительней и интересней, чем мы думаем.

«— Как мы попривыкали ко многому в нашей жизни,— говорит по этому поводу еще один молодой герой, опять выражая суть мыслей самого автора,— так свыклись, даже не замечаем, что вокруг делается. Собственно, видим, но считаем обычным. Возьмите вот его—комбайн...»

И вот автор берет комбайн, берет стоящего за его штурвалом человека. Это человек ясного и твердого характера, пытливой мысли, вооруженный могучей техникой. Ком-

байнер Глазунов чувствует себя хозяином машины, хозяином поля, хозяином страны. Он требователен к себе и к своим помощникам. Подчас даже крут этот хозяин-комбайнер, но какая живая, деятельная натура у него, какая умная, новаторская сметка!

Восьмидесятилетний колхозный агротехник из очерка «Зародышек» всегда воюет, всегда проводит твердую линию. Прав у него маловато. По старости ему давно бы «сесть на что полегче». Но он не может. Душа у него молода. И ею, душой, постиг он глубокий общественный смысл своего труда.

Комсомолка-табунщица Решетникова — человек другого поколения, но и она кровная родня дедушке Носову. Она тоже к коню подходит с душой: «Без души тут, как и везде, не выйдет. Не выйдет без смелости, без ловкости». И вот эта тоненькая, слабая на вид девушка прекрасно справляется с работой, на которую способны только «сильные люди».

Владимир Фоменко часто переходит от описания стариков к изображению молодежи. Так, продолжателем традиций мичуринца-садовода деда Гузия (очерк «Дид Гузий») выступает юноша-лесовод Логушов («Лесхоз в степи»), хотя в жизни им не приходилось встречаться и даже слышать друг о друге. В очерке «Девчата» на отдыхе девушки с увлечением говорят о любви, о своих нарядах. Веселые, жизнерадостные девчата! Их нисколько не смущает бушующий вокруг суховей. А женщины в отчаянии. И они недовольны легкомысленным, как им кажется, поведением молодежи. Но вот девушки принимаются за работу — опылять кукурузу — и дают женщинам очень поучительный урок. «Тетя, верно, чего вы нервничаете?.. Кто вам виноват, тетя, что вы сейчас погодой расстроились?..» — говорит одна из девушек.— «С погодой, тетя, бороться можно. Вы на курсы по пшенице ходили; почему по кукурузе не пошли? Вас сто раз звали — «Возраст не тот». Неправда, тот!»

Дело, конечно, не в молодости или старости, а в зрелом взгляде на жизнь, которым и отличаются эти простые колхозные девчата.

Жизненные конфликты — различные проявления борьбы нового со старым, передового с отсталым — лежат в основе очерков. Недаром юноша-пасечник рассуждает: «...пчелы тыщи лет роились, когда им надумывалось... А теперь мы указываем природе: выделяем семьи, когда нам требуется, а не требуется — пресекаем роевое настроение». Молодой пчеловод негодует на тех, кто не понимает значения пчеловодства и того нового, что можно в него внести.

Таких решительных, неукротимых в новаторстве людей рисует Владимир Фоменко. Очерки его, органически дополняя друг друга, показывают творческие силы всего нашего народа.

Владимир Фоменко хорошо владеет словом, живо и образно передает народную речь, рисует выразительные портреты людей и поэтические пейзажи степи. Особую роль в его очерках играет диалог. Писатель смело предоставляет возможность высказываться самим героям.

Хочется пожелать, чтобы писатель расширил круг своих наблюдений и тем. Книге нехватает очерков о партийных работниках, о руководителях колхозов, о колхозных партийных организациях. Писателю вообще следует смелее браться за изображение коллектива, а не одних лишь, пусть ярких, личностей.

В небольшом очерке заметней любое неверно найденное или излишне грубое слово. «Огрызнулся», «чиликались», «заржал», «глаза сощуренные, как у кобеля», «визгливо кричала». Такие выражения режут слух. Мешают некоторые натуралистические детали, не соответствующие общему благородному облику героев.

Человек степи Владимира Фоменко духовно близок человеку любого уголка нашей Родины. Неутомимый труженик, созидатель, новатор, поэт труда — вот каков он, этот новый человек нашей советской деревни в изображении молодого литератора.

В. ПАНКОВ

Владимир ФОМЕНКО. Человек в степи. «Советский писатель». 1949. 196 стр. Цена 6 руб.

В горах Тянь-Шаня

Фото Н. Немнонова

•

Студенткой старшего курса Римма Зимина отправилась на Тянь-Шань. Приехала и поразилась: до чего хорошо! Коренную москвичку, никогда не видевшую гор, если не считать Воробьевых, покорила величественная, суровая красота увенчанных снегом хребтов. Она просыпалась на заре, когда внизу еще не растаял мрак, а на посветлевшем небе алели неприступные вершины. Они казались чудесной оправой, в которую вкраплена темно-синяя гладь озера Иссык-Куль.

В Терской Ала-Тау, куда прибыла девушка-комсомолка, чтобы подготовить дипломную работу, на высоте 2700 — 3500 метров над уровнем моря углублялись знания, полученные в Московском университете.

Школьницей Римма с увлечением посещала кружок юннатов в Московском зоопарке. Она интересовалась животными, старалась подмечать их повадки. Приобретенные в юношеском возрасте зоркость глаза, уверенность в своих силах ей очень пригодились.

На Тянь-Шане Зимина изучила все особенности жизни, все «привычки» сурка, обитавшего в горах. Ее дипломная работа заслужила хорошую оценку, и она стала научным сотрудником Института географии Академии наук СССР.

Римме Петровне понравился дикий заоблачный край. И когда создавали тяньшанскую высокогорную станцию, она охотно приняла предложение на несколько месяцев отправиться туда работать. На ее глазах у самой верхней границы леса, среди мохнатых елей строили уютные домики. Выше стлались, усеянные цветами, альпийские луга — великолепные пастбища. Неподалеку мчала свои воды Чон-Кзыл Су, что означает Большая красная река. Ее берега кое-где прорезают отложения красной глины, и во время дождей поток окрашивается в багряные цвета.

Зимина полюбила затерянную в горах станцию, сдружилась с ее коллективом. Молодому зоологу хорошо знакомы каждое ущелье, каждая тропинка в окрестностях.

Нынешней зимой Римма Петровна в четвертый раз на Тянь-Шане. Она собирает материал для диссертации на тему о том, как влияет снежный покров на жизнь промысловых млекопитающих и птиц.

Еще затемно Зимина уходит в горы наблюдать животных на воле. В поисках корма они скопляются там, где сохранились сухие травы — своеобразное сено на корню.

На солнечных полянах можно увидеть целые стада осторожных тэке — горных козлов. Летом они держатся на большой высоте, и даже опытному охотнику редко удается их выследить. Зимой же голод заставляет пугливых тэке спускаться вниз.

По лугам бродят неуклюжие дикие кабаны, улары — горные индейки,— клушицы, альпийские галки. Привлеченные богатой добычей, наведываются туда хищники — снежные барсы, лисицы, горностаи.

Нелегко приходится молодому зоологу в горах. Ее подстерегают опасности — метели, лавины, крутые обрывы и отвесные скалы. Иногда она пробирается ползком, проваливаясь в глубоком снегу, или спускается на спине вниз. В борьбе с природой Зимина научилась преодолевать трудности, закалилась.

Из дальних экскурсий она возвращается на станцию вечером. В маленькой комнате на лабораторном столе при свете ламп она препарирует добытых за день животных, изучает содержимое зобов и желудков, измеряет толщину жирового слоя, сравнивает «зимние» показатели с «летними», ведет записи в дневнике.

Зимина устанавливает кормовую ценность альпийских лугов, возможности расширения высокогорного отгонного животноводства. Накопленные ею данные помогут организовать пастбища на новых местах.

Тысячи нитей связывают зимовщиков на Тянь-Шане с Большой землей. В свободные часы они слушают радио, читают газеты, журналы.

Г. КОЛЬБИН

Молодой исследователь измеряет лисий след, оставленный на снегу. Слева: горностай, увлеченный преследованием добычи, не почуял, что за ним наблюдают.

Трудовые будни зоолога Риммы Зиминой на Тянь-Шане. В ее руках счастливый трофей — подстреленная улара — горная индейка. Справа: измерение только что убитого дикого кабана.

Выдающаяся АРТИСТКА

Станиславский говорил: «Без упорного, кропотливого труда талант превращается в красивую побрякушку». Когда в 1916 году совсем юная Тарасова была принята в Художественный театр, она не побоялась ни кропотливого труда, ни суровой дисциплины. Природа наделила ее очарованием драматического таланта, но Тарасова понимала, что без настойчивой работы над собой ей угрожает опасность стать пустоцветом. И под заботливым руководством Станиславского и Немировича-Данченко она выросла в крупного мастера советской сцены.

Двадцатые годы были артистической весной Тарасовой. Все ее образы были пронизаны какой-то особой жизнерадостностью. И это особенно почувствовалось в таких ролях, как Ани в «Вишневом саду» и, совершенно неожиданно, Сони из «Дяди Вани».

Соню можно играть на тончайшем лиризме, как это делала Лилина — одна из самых любимых артисток Чехова. Тарасова увидела зерно образа Сони в мужественной красоте ее чистого и доброго сердца. И потому так оптимистично зазвучали в конце спектакля проникновенные слова Сони: «Мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную...» И зритель верил вместе с Тарасовой, что именно так и будет.

Эта вера в прекрасное будущее, раскрытая ею впервые в одной из самых ранних чеховских ролей, осталась навсегда одной из характернейших черт творческого облика артистки.

Тогда же начала слагаться и основная тема творчества Тарасовой — тема судьбы русской женщины. Никогда не забудется скорбный взгляд Тарасовой в пьесе Тренева «Пугачевщина», когда, играя жену Пугачева Устинью, стоит она, прильнув к брусьям железной клетки, в которую посажен царскими генералами грозный вожак крестьянского восстания. А через два года в спектакле «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова, в небольшой роли Маши, жены большевика Пеклеванова, Тарасова создала простой и скромный облик прекрасной советской женщины.

Пришли тридцатые и сороковые годы. В творческом календаре Тарасовой наступило жаркое лето ее таланта. Ставил театр «Таланты и поклонники», и Тарасова играла Негину, в «Анне Карениной» она играла Анну, в «Трех сестрах» — Машу; позже, в «Последней жертве», — Юлию Тугину, в «Дяде Ване» — Елену Андреевну. А в пьесах советских драматургов она исполняет роли научной работницы Макаровой в «Страхе»; Лизы Муравьевой в «Победителях», Софьи Романовны в «Зеленой улице», Ганны Лихты в «Заговоре обреченных».

Особенное значение не только для Тарасовой, но и для всего Художественного театра имел горьковский спектакль «Враги», сыгранный в октябре 1935 года под режиссурой В. И. Немировича-Данченко и М. Н. Кедрова. В этих сценах, как назвал Горький свою пьесу, драматург учил не только любить, но и ненавидеть, понимать, что в жизни есть не только друзья, но и враги и что надо ощущать театр как боевое и острое оружие.

И в одной из наиболее ярких сцен — диалоге Татьяны, женщины мятущейся души, с циничным и злобным прокурором Скроботовым, которого почти памфлетно играл незабвенный Н. П. Хмелев, — полностью раскрылось в игре обоих партнеров горьковское начало.

Участие во «Врагах» было для Тарасовой как бы прологом к «Анне Карениной», к работе над которой театр уже приступил в то время. Пройдя через социальную насыщенность горьковской драматургии, Тарасова раскрыла в Анне то, что потом назвали в специальном сообщении ТАСС о премьере «трагедией русской женщины, раздавленной невыносимой тяжестью собственнического строя».

А. К. Тарасова в роли Лизы Муравьевой («Победители»).
Фото А. Горнштейна

Лауреат Сталинской премии, народная артистка СССР Алла Константиновна Тарасова.
Фото А. Гостева

Вновь, как и во «Врагах», партнером Тарасовой был Хмелев, чья игра поднимала ненависть к Каренину «как олицетворению всей мерзости реакционной, бюрократической России и лицемерия церковной морали». А через несколько дней после премьеры «Анны Карениной», 21 апреля 1937 года, заслуженным артистам РСФСР Тарасовой и Хмелеву было присвоено почетное звание народных артистов СССР.

Творчество Тарасовой не замыкается в пределах театра. Ее привлекает к себе и кино и радио. Оттого в самых отдаленных городах и селениях нашей Родины знакомо и близко имя Тарасовой. Всюду, где советские люди собираются перед белым полотном экрана, помнят и любят Катерину в фильме «Гроза» по А. Н. Островскому, другую Катерину — жену Петра I в картине о Петре, Кручинину в киноинсценировке «Без вины виноватые» Островского и мысленно благодарят Тарасову за создание этих глубоко правдивых, эмоционально насыщенных образов. А когда за тысячи и тысячи километров эфир приносит слова «Говорит Москва!» и начинается трансляция спектаклей из Художественного театра или передача радиокомпозиций, миллионная аудитория слушает Тарасову — Анну Каренину, и Юлию Тугину, и Ниловну в радиокомпозиции по повести Горького «Мать»...

В годы Великой Отечественной войны Алла Константиновна Тарасова в составе бригады артистов Художественного театра не раз выступала на фронте перед бойцами действующей армии, и ее чтение патриотических стихов и рассказов, исполнение отдельных сцен из пьес, шедших в Художественном театре, неизменно встречали восторженный прием солдат и офицеров.

Большую шефскую работу выполняет Алла Константиновна и поныне в Советской Армии.

Народная артистка СССР, трижды орденоносец, пятикратный лауреат Сталинской премии, Алла Константиновна Тарасова ныне вступает в новый и знаменательный период своей жизни. В том самом зале Художественного, где зрители рукоплескали Тарасовой в ролях Анны, Маши, Татьяны и многих других, коллектив МХАТ, собравшийся на торжественное заседание, единодушно выдвинул Тарасову кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

В этом акте общественного доверия выражено горячее признание творческих заслуг выдающейся представительницы самого передового в мире советского искусства. Наш народ ценит и любит тех деятелей искусства, которые весь свой талант, все свое творчество отдают без остатка на процветание нашей могучей, нашей великой Родины. Среди таких артистов-патриотов — Алла Константиновна Тарасова.

Н. ВОЛКОВ

В начале ПУТИ

Молодая женщина спроектировала дом в столице, который она же строит.

Молодая женщина превосходно сыграла крупную роль в фильме, являющемся выдающимся достижением советской кинематографии.

Молодая женщина создала интересные скульптуры.

Молодая женщина стала талантливой балериной.

В условиях советской жизни подобные факты можно было бы продолжить до бесконечности. Это наши будни.

Появился новый красавец-дом в центре Москвы. Миллионы зрителей картины «Падение Берлина» захватывает драматический образ советской патриотки Наташи Румянцевой. Посетители Третьяковской галлереи восхищаются скульптурой, посвященной Крайнему Северу нашей Родины. Горячими аплодисментами награждают любители балета новый талант, появившийся в лучшей в мире балетной труппе Большого театра.

Разве не радостно все это?

Радостно вдвойне! И потому, что созданы новые ценности в нашем родном советском искусстве, и потому, что созданы они нашими советскими женщинами, претворяющими в жизнь великие права, дарованные им Сталинской Конституцией.

Это наши праздничные будни.

Ниже мы рассказываем о четырех молодых советских женщинах, начинающих свой творческий путь в искусстве.

Утро жизни

Безоблачный летний день. С большими охапками ярких цветов, шумливой гурьбой бегут ребята к школе, где ждет их учительница Наташа Румянцева (фильм «Падение Берлина»), старший товарищ, любимый друг.

Кадр из фильма «Падение Берлина». Артистка Марина Ковалева в роли Наташи Румянцевой.

Вот и она. Молодая, высокая, стройная девушка с открытым, приветливым лицом. Ее большие, умные серые глаза ласково смотрят на детей. С первого же взгляда лицо Наташи (артистка М. Ковалева) кажется зрителю очень знакомым и близким, потому что Наташа напоминает нам наших современниц — девушек нашей страны, тех, с которыми мы учились в институтах, с которыми встречаемся сейчас в заводских цехах, в научных лабораториях, на колхозных полях, которых мы слышим с трибуны съездов...

Разные дороги, разные пути у советских девушек, но объединяет их радость творческого труда, смелость дерзаний, уверенность в завтрашнем дне, любовь к Родине и готовность отдать ей все силы. Объединяет сознание того, что они дочери великой социалистической страны, что воспитали их коммунистическая партия и великий Сталин. Так думала Марина Ковалева о своих сверстницах, которые явились для нее прообразом героини фильма — Наташи Румянцевой. И, вероятно, поэтому актрисе удалось создать такой правдивый, обаятельный образ советской девушки: чистый, жизнеутверждающий, простой и вместе с тем многогранный.

Наташа любит поэзию, музыку. Превосходна сцена концерта, где Наташа настолько отдается музыке, что забывает обо всем окружающем и даже о сидящем рядом любимом человеке... И вскоре мы видим Наташу среди толпы, когда фашисты захватили город. Сколько в этих еще недавно восторженно смотревших на мир глазах смертельной ненависти и бесстрашной готовности бороться, бороться до последней капли крови!

Наташа в фильме не совершает подвига, но нет сомнения в том, что если понадобится, она, как и любая советская девушка, отдаст свою жизнь за Родину.

Роль учительницы Румянцевой — первая крупная работа артистки Художественного театра Марины Ковалевой.

— Когда я готовила эту роль,— рассказывает Марина Ковалева,— я вспоминала славных юношей и девушек, которых мне выпало счастье приветствовать от пионерской организации на X съезде комсомола, вспоминала и тех, с кем встретилась в Большом Кремлевском дворце на XI съезде комсомола, уже в качестве его делегатки. Присутствуя на съезде, я ощутила всю мощь и силу той необъятной армии комсомольцев, которую мы здесь представляли. Когда посланники молодежи стран новой демократии говорили о том, как в своих делах они берут пример с комсомольцев Страны Советов, когда, затаив дыхание, мы слушали приветствие Центрального Комитета партии, я еще больше почувствовала всю ответственность и честь быть членом Ленинско-Сталинского комсомола.

Слушая рассказ Марины, вспоминаешь ее вдохновенную речь в фильме, произнесенную в заводском клубе. Вот откуда эта предельная искренность, эти горящие радостью глаза, это счастье, переполняющее Наташу Румянцеву, когда она говорит:

— Я счастлива, что живу в такое замечательное время!.. И я сейчас вот что хочу сказать: для меня было бы величайшим счастьем увидеть его и сказать ему, что я... Но поскольку это невозможно, я просто скажу: «Да здравствует Сталин, породивший нас для великой и счастливой жизни!..»

Архитектор Калерия Дмитриевна Кислова в проектной мастерской.

Первый дом

Группа выпускников Московского архитектурного института работала над дипломными проектами. Защита была назначена на понедельник 23 июня 1941 года. Она состоялась в этот день, но радостная перспектива созидательного труда была омрачена для молодых архитекторов разразившейся войной.

Отлично защитив проект здания Академии архитектуры, Калерия Кислова ждала назначения. Но учреждение, куда ее должны были направить, эвакуировалось. Тогда Калерия решила, что в военное время она может быть полезна Родине на другом поприще. Незаурядный спортсмен, Кислова пошла работать тренером по легкой атлетике, занималась с учащимися военных школ, допризывниками. Окончив курсы штыкового боя, Кислова стала передавать свое искусство другим. Вскоре она получила звание мастера спорта.

Так провела Калерия Кислова первые годы войны.

Однако уже в 1943 году в столице началось строительство. Окна домов были еще плотно замаскированы, но советские зодчие уже занимались созидательным трудом.

Тогда мастер спорта Калерия Кислова и стала работать в Управлении по делам архитектуры при Моссовете. При ее участии в 1943 году был разработан проект реконструкции Ленинградского шоссе. И все ближе и ближе подвигались к осуществлению ее проекты Новоспасской набережной, жилого поселка Северной водопроводной станции... В проектировании поселка — работе, выполненной совместно с архитектором Н. Селивановым,— Калерия Кислова имела и индивидуальное задание. Она сделала проекты отдельных двухквартирных домиков и здания поселкового Совета.

Сейчас в столице у Никитских ворот возвышается новое нарядное здание. Обращают внимание его интересно решенный профиль со срезанным углом, приятная для глаза композиция окон, изящные балконы, угловая башня, завершающая четвертый этаж дома. Здание выстроено по проекту Н. Н. Селиванова и К. Д. Кисловой.

Калерию Дмитриевну Кислову часто можно было видеть на постройке этого дома.

— Архитектор,— говорит она,— не должен оставлять своего дома, пока в него не въедут жильцы. Проектирование — только половина работы. Строительство заставляет все проверить, передумать, учесть.

И Калерия Дмитриевна заглядывает в каждую из пятидесяти двух квартир, чтобы убедиться: точен ли профиль двери, достаточно ли высоки плинтусы, пришел ли анализ на паркетные плиты (ведь если они влажны, пол покоробится), хорошо ли положены клеевые краски на стены и удачно ли сочетание тонов в смежных комнатах. Таково, от работы над проектом до заботы о мельчайших деталях в устройстве созданного жилья, широкое поле деятельности Калерии Кисловой, молодой женщины-архитектора.

Перед девушкой открылись двери художественного училища. Она может стать живописцем, скульптором, графиком. Кем ей быть? Она равно любит лепить, рисовать, писать красками. После долгого раздумья приходит решение — учиться живописи, и

Н. Малышева. «Колхозницы за работой» (фарфор).

Нина Малышева поступает на живописное отделение Московского художественного училища имени 1905 года. Закончив его, она затем полтора года преподает в школе художественного воспитания.

Хотелось учиться дальше. И уже в годы войны Малышева становится студенткой керамического отделения Института прикладного и декоративного искусства. А как же живопись? Малышева отвечает так: «Было трудно сразу найти свое призвание. С каждым годом меня все более увлекали мозаика и фарфор, и это влечение стало непреодолимым».

Дипломная работа молодого скульптора «Хлопкоробы» отличается ясным, реалистическим выражением идеи произведения. Это нарядный фарфоровый триптих: его боковые фигурки изображают старого дехканина, возделывающего землю, и молодую узбечку, собирающую хлопок, а в центре — искусная мастерица вышивает сюзане. В труде вышивальщицы как бы завершается работа дехканина и молодой узбечки.

Художественная выставка 1949 года была первым общесоюзным смотром, в котором Н. Малышева испробовала свои силы. Она задумала серию под общим названием: «Материнство». Шестнадцать скульптурных композиций этой серии должны были показать счастливых матерей шестнадцати братских республик.

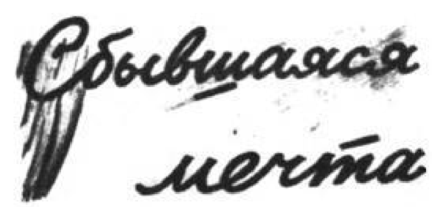
Однако полностью завершить свой замысел Малышевой за недостатком времени не удалось. Она выполнила к выставке лишь несколько композиций.

Улыбающаяся узбечка-мать подняла вверх своего малыша, который держит в ручонке коробочку хлопка. Фон композиции — цветущие хлопковые колхозные поля.

Скульптура «Крайний Север» изображает молодую мать, которая подсаживает своего первенца на красавца оленя. «Крайний Север» — лучшая вещь Малышевой. Ей удалось насытить сцену чисто материнской нежностью, придать композиции изящество, красиво и тонко обработать ее в цвете.

Три работы Малышевой выставлены в Третьяковской галлерее. Это серьезный успех ваятельницы. Кроме «Крайнего Севера» и матери-узбечки, здесь показывается скульптурная композиция группы колхозниц, занятых сбором помидоров. Эту работу Малышева лепила в одном из колхозов Московской области.

У Н. Малышевой много интересных замыслов. Продолжая работу над серией «Материнство», она собирается начать другую серию — «Москвичи». Кроме того она занята воплощением в керамике портретов великих русских людей: М. В. Ломоносова, В. И. Сурикова и мастера фарфора Дм. Виноградова.

Маленькая школьница Нина Чорохова сидит в партере Большого театра и первый раз в жизни смотрит балет. Перед ней огромная, празднично украшенная сцена, волшебно сказочный мир «Спящей красавицы». Уходя со спектакля, девочка уносит с собой желание стать балериной.

Она начинает учиться танцам, занимается спортом и растет ловкой и стройной.

Но тот возраст, в котором дети обычно поступают в балетную школу, прошел, и только пятнадцатилетним подростком Нина держит экзамен в балетную школу Большого театра. Ее приняли сразу в шестой класс. Это было редкое исключение, сделанное для талантливой девочки. Нина стала ученицей превосходного педагога Е. Гердт.

...Блестяще исполнив на выпускном экзамене партию Жизели из второго акта, Чорохова одна из всего выпуска была принята в Большой театр.

Солистка балета Большого театра Союза ССР Нина Чорохова в роли Оли в балете «Аистенок».

И вот — первые роли и первые успехи на сцене. Дарование артистки раскрывается все ярче. Ее танец, одухотворенный, согретый искренним чувством, безупречный по форме, нельзя не оценить. Завоевав право быть в балетной труппе Большого театра, танцовщица добилась признания у зрителя.

Каждая исполняемая Чороховой роль имеет самостоятельный, четкий сценический рисунок. Образ намечен своеобразно и интересно. Техника балерины сильна и уверенна. Но никогда увлечение виртуозной техникой не становится для Чороховой главным, не отодвигает на второй план выразительных возможностей танца, его способности передавать мысли и чувства.

Танцуя партию, в которой до нее выступали многие другие исполнительницы, Чорохова никогда не подражает им, она стремится раскрыть в образе что-то новое, свое.

Так было с ролью Марии в «Бахчисарайском фонтане». В первом акте Чорохова прекрасно передает гордую грацию юной польки, ее нежную женственность, но в то же время в ее манере держаться чувствуется будущая властительница замка Потоцких. В сцене с Гиреем пленница Мария противопоставляет всемогущей воле хана верность своему первому чувству и нравственную чистоту.

Роль школьницы Оли в балете «Аистенок» Чорохова исполняет с юным задором, весело и легко, а в танце «Осень» из балета «Золушка» раскрывается большой темперамент артистки. В этом же спектакле она танцует злую, капризную старшую сестру Золушки.

Последнее достижение Чороховой — роль Сванильды в «Коппелии». Сейчас Чорохова готовит партию Параши в балете «Медный всадник».

Этой молодой советской танцовщице свойственны суровая требовательность к себе и жажда творчества. В них залог тех успехов, которые уже выпали на ее долю, и тех, что ждут ее завтра.

Н. Малышева. «Крайний Север» (фарфор).

Быт и нравы за рубежом

ДОЛЛАРОВАЯ «КУЛЬТУРА»

На происходившей недавно конференции Американской библиотечной ассоциации было произнесено немало горьких слов о том, какое жалкое существование приходится влачить библиотекам в США. Правительство, тратящее миллиарды долларов на гонку вооружений, проявляет полнейшее равнодушие к нуждам культурных учреждений: библиотек, музеев. Жалкое существование влачат не только провинциальные библиотеки, но и Национальная библиотека в Вашингтоне, которая рекламируется как крупнейший очаг культуры.

Два раза в неделю — по понедельникам и пятницам — приходится из-за отсутствия средств закрывать читальные залы Национальной библиотеки. Служащие библиотеки получают нищенское жалованье. Американские газеты писали недавно, что библиотекари со званием доктора исторических наук имеют ставку рядовой секретарши в каком-нибудь правительственном учреждении или торговой конторе.

«ПЕРЕВОСПИТАНИЕ» ПО-АМЕРИКАНСКИ

Государственный департамент США, как это видно из сообщений американской печати, задался целью сделать из немцев Тризонии «людей, мыслящих по-западному». Для осуществления этой высокой задачи американскому верховному комиссару в Германии Макклою был отпущен специальный фонд. Кроме этого для «перевоспитания» немцев дополнительно выделено из ассигнований по «плану Маршалла» ни мало, ни много — 50 миллионов долларов.

В каком духе будут «перевоспитываться» немцы, стало ясно после первого же практического шага их «перевоспитателя». Макклой сразу отвалил из специального фонда пять миллионов долларов в распоряжение... шпионской организации, созданной в Западной Германии с одобрения Аденауэра и других «министров» Западногерманского государства.

Так Макклой показал с полной убедительностью, чтó именно понимают американские реакционеры под «людьми, мыслящими по-западному».

ОЧЕРЕДНОЙ СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Время от времени в военных сферах США, в среде конгрессменов и влиятельных правительственных чиновников раскрываются скандальные аферы, которые правительство старается как можно скорее замять. Делать это становится все труднее, так как скандалы приобретают характер эпидемии: то попадаются с поличным сенаторы-казнокрады, то раскрываются неблаговидные дела сенаторов-взяточников, то уличается в слишком вольном обращении с государственными средствами крупный чиновник какого-либо министерства.

Недавно всплыла афера, виновники которой пока еще пребывают в неизвестности. Речь идет о краже американского военного имущества, которое во время войны было накоплено на Филиппинах и впоследствии таинственным образом исчезло. Имущество это оценивается в круглую сумму — 2 миллиарда долларов.

В министерстве обороны США был отдан приказ произвести «срочное расследование», хотя со времени пропажи имущества прошло уже несколько лет. Пока, как пишут американские газеты, удалось выяснить только одно: «воры» действовали методически и похищали каждую неделю имущества на примерно равные суммы. Насколько уверены в себе были воры, показывает факт, приводимый бывшим руководителем управления по ликвидации излишков военного имущества за границей Макконнеллом: в течение только одной ночи были украдены трубы для нефтепровода общей длиной в 35 миль.

«АВТОБУС, ИДУЩИЙ НИКУДА»

В поисках наживы предприимчивые американские бизнесмены придумали новый трюк. На Бродвее и других улицах Нью-Йорка в последнее время можно встретить яркие рекламные плакаты со следующим текстом:

«Вам негде поразвлечься? Попробуйте предпринять мистическую поездку. Никто не знает, где она закончится! Автобус, идущий никуда!..»

На эту приманку попадается кое-кто из менее искушенных американских простаков. Действие обставлено с большой таинственностью. Когда вечером у автобусной станции собирается 40—50 пассажиров с билетами, помеченными штампом «Никуда», из темноты выходит человек (разумеется, служащий автобусной компании), который молча вручает пассажирам пронумерованные и запечатанные конверты. Шоферу автобуса отдается приказ подчиняться инструкциям, содержащимся в конвертах.

Сначала вскрывается первый конверт, потом — второй и т. д. У многих простаков, которых американская пропаганда изо дня в день приучает интересоваться всякой мистикой, создается иллюзия «полной неизвестности». Каково же разочарование пассажиров, когда после долгой и изнурительной поездки по улицам города и пригородам их, наконец, привозят в плохой загородный ресторан, где к тому же дерут втридорога!

Автобусная компания, оказывается, поставляет голодных пассажиров нескольким ресторанам, получая, таким образом, не только доход с продажи пассажирских билетов, но и с отчислений хозяев ресторанов.

ОДИН ИЗ «ГЕРОЕВ» ГОЛЛИВУДА

Одна из «кинозвезд» Голливуда, Джин Отри, — герой множества бездарных ковбойских кинофильмов. Этими штампованными картинами наводнены кинотеатры США и «маршаллизованных» стран.

Обильно финансируемая реклама создала Джину Отри «большое имя» и, конечно, крупное состояние, тем более, что его коммерческие способности значительно превосходят актерский талант. Отри владеет собственной кинокомпанией, кинотеатрами, радиостанциями, коммерческими самолетами и даже швейными фабриками. Ему же принадлежит значительная часть акций двух газет: «Аризона рипабликен» и «Аризона газетт». Финансируемые им два музыкальных издательства прибыльно сбывают песни из фильмов с участием Отри. Кроме того Отри принадлежит предприятие, устраивающее состязания ковбоев.

Как известно, большинство «кинозвезд» Голливуда полностью предоставляют себя в распоряжение коммерческой рекламы. Джин Отри получает 100 тысяч долларов в год за использование его имени при рекламировании ковбойского фасона шляп, поясов, сапог, мази для волос и прочей дребедени.

На экране Отри изображает беззаботного простака, «своего парня». В жизни Отри — бизнесмен, безжалостный эксплоататор. Когда на одной из его швейных фабрик забастовали рабочие, Отри наотрез отказался удовлетворить их скромные требования о повышении мизерной заработной платы.

Таков один из актеров-бизнесменов Соединенных Штатов.

В ПОДШЕФНЫЙ РАЙОН

Физкультурники завода Сталинского района столицы — частые гости в подшефном Уваровском районе. Они организуют там показательные соревнования и выступления, помогают создавать физкультурные коллективы, популяризируют среди колхозников спорт.

У физкультурников Электролампового завода стало хорошей традицией во время политических кампаний направлять в подшефный район свои бригады агитаторов. Несколько команд лыжников-агитаторов побывало в колхозах в дни подготовки к выборам в Верховный Совет СССР.

Ниже мы публикуем рассказ командира агитпохода лыжников Электролампового завода Москвы Тамары Уткиной.

Участники агитпохода в Уваровский район, лыжники Электролампового завода города Москвы.

Фото А. Бочинина.

Перед самым стартом я вновь сказала:

— Ребята, еще не поздно. Может быть, кто-нибудь не уверен в себе? Путь предстоит нелегкий...

В ответ раздался такой дружный возглас возмущения, что я только махнула рукой. Даже Валя Рощина и Зоя Каширина, впервые отправлявшиеся в такой дальний поход, рассердились, что я смела усомниться в их силах. Ведь они так давно мечтали о походе!..

Готовиться мы начали задолго до старта. Уже с первых дней подготовки к выборам в Верховный Совет СССР физкультурный коллектив московского Электролампового завода получил задание организовать бригаду лыжников-агитаторов для похода в подшефный Уваровский район.

Непростая была это задача. Во-первых, участники похода должны были быть хорошими, вернее, отличными спортсменами. Пройти предстояло 140 километров! А если ветер, метель? Во-вторых, участники должны быть хорошими агитаторами. Ведь надо ярко, доходчиво, с душой рассказать о замечательных достижениях нашей страны.

После горячих споров состав команды, наконец, определился. В нее вошли: мастер измерительных приборов Евгений Орлов, контрольный мастер — комсорг цеха Сергей Логинов, токарь Андрей Халилулин, слесарь Владимир Вейсберг, испытательница Валентина Рощина, монтажница Зоя Каширина, каменщик Николай Бушуев и я.

Все участники увлекались спортом, дружили друг с другом, а главное — были парни и девушки «с огоньком».

Дело предстояло серьезное.

До начала похода команда делила свой досуг между партийным кабинетом завода, где подбиралась агитационная литература, и Сокольническим парком, где проводились тренировки. Заведующий парткабинетом завода тов. Шубин помог нам составить план докладов и бесед. Каждый выбрал себе тему.

...Итак, произнесены последние напутственные слова. Взмах флажка, и команда тронулась в путь. Дорога лежала на запад. Вот мы миновали окраины города и вышли на широкий простор Подмосковья.

Миновали Кубинку, Дорохово, прошли Можайск. Вскоре показались окраины Уваровки. Весь 140-километровый путь был пройден за 26 часов.

У райкома комсомола мы финишировали, окруженные большой толпой ожидавших нас жителей. Встретили нас очень гостеприимно.

Нам предстояло выступать в самых отдаленных селах района, граничащих со Смоленской областью.

В первой же деревне, лежащей на нашем пути, пришлось нарушить график хода. Колхозники просили бригаду остановиться, и мы задержались дольше намеченного времени. Школьники в каждом селе провожали бригаду далеко за окраину.

...Средняя школа села Никольского. Большое помещение не может вместить всех желающих присутствовать на собрании. Пришли крестьяне и из соседних деревень, расположенных в 3—4 километрах.

Несколько часов длилась наша беседа с колхозниками. Мы рассказали о том, как трудящиеся Сталинского района Москвы встречают выборы в Верховный Совет СССР, как каждый стремится работать лучше, быстрее, чтобы порадовать Родину новыми трудовыми успехами.

С большим вниманием слушали колхозники рассказ о празднике на заводе в связи с выдвижением нашего вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР от Сталинского избирательного округа Москвы.

Валя Рощина говорила о своей работе на избирательном участке, мастер Орлов — о советской и буржуазной демократии. Политрук команды Сергей Логинов сделал доклад о международном положении и борьбе за мир.

Колхозники забросали нас множеством вопросов и больше всего говорили о первом кандидате народа товарище Сталине, о Москве, о Сталинском районе.

В заключение мы с Николаем Бушуевым рассказали о физкультурном движении в СССР. Время пролетело так быстро, что мы и не заметили, как наступила полночь.

— Что ж, товарищи, пора кончать? — спросила я собравшихся.

— Как кончать?! — закричали голоса из разных углов. — Сейчас начнем художественную часть.

Мигом появился баян, молодежь раздвинула скамейки, и начались пляски и песни.

Такие самодеятельные вечера стихийно возникали и в других селах. За три дня мы побывали в трех сельсоветах, пройдя 80 километров.

И когда наступило время возвращаться в Москву, на завод, мы почувствовали, как много узнали нового и интересного. Встречи с замечательной колхозной молодежью, пытливой и жизнерадостной, оставили яркое впечатление.

Т. УТКИНА,
командир агитпохода лыжников
Электролампового завода города Москвы

Русский хоккей

Первенство страны по русскому хоккею в этом году было разыграно в Ленинграде. В нем приняли участие 16 сильнейших команд СССР. По условиям розыгрыша, все команды были разбиты на 4 группы. Победители групп — московские команды «Динамо» и «Спартак», коллектив ленинградского завода «Красная Заря» и свердловские хоккеисты Дома офицеров — встретились в финале.

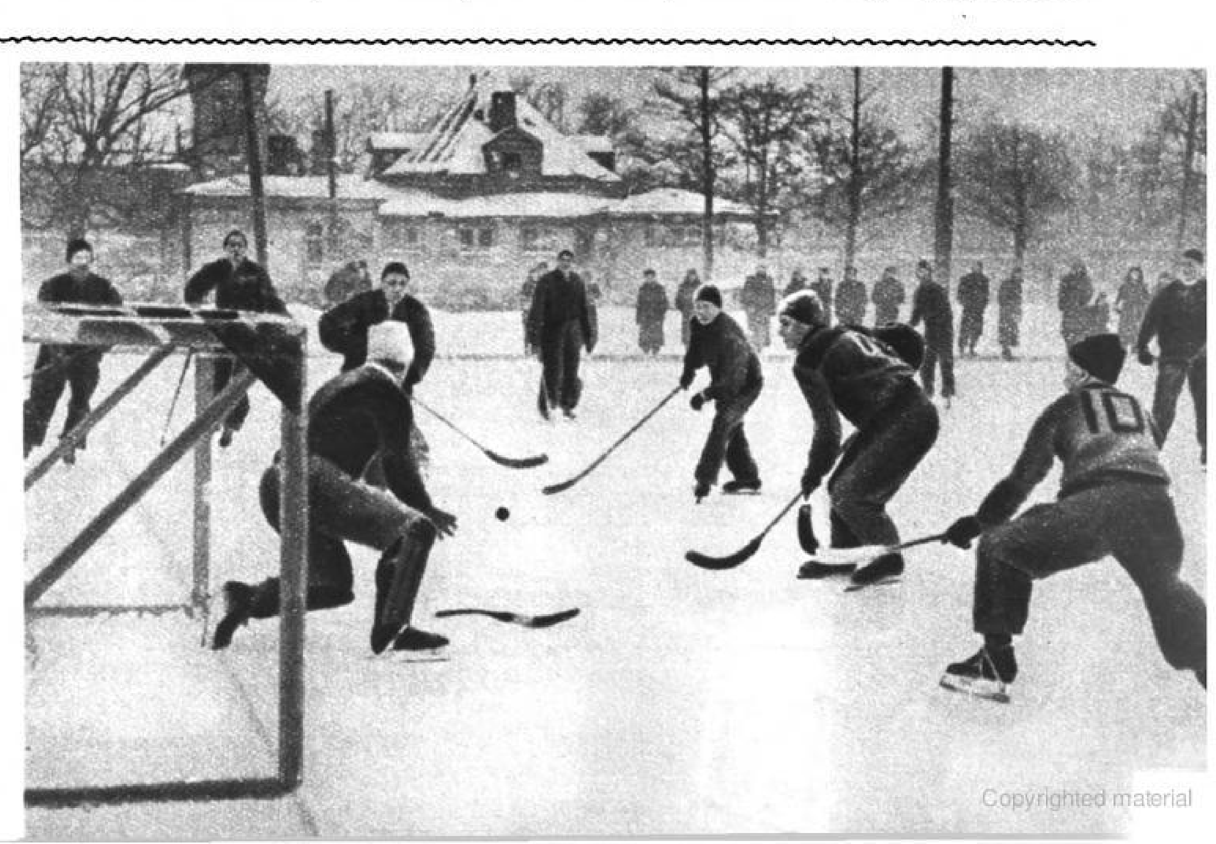
Наибольших успехов достигли свердловские хоккеисты: они обыграли команду «Красной Зари», московских динамовцев и свели к ничьей встречу со «Спартаком».

Таким образом, звание чемпиона страны по русскому хоккею на 1950 год завоевала команда свердловского Дома офицеров. Она показала хорошую технику и слаженность в игре.

Второе место заняли динамовцы, третье — спартаковцы.

На снимке: момент матча хоккеистов Свердловска с ленинградской командой Института физического воспитания имени Ленина. Опасный момент у ворот ленинградцев.

Фото Ю. Шаламова.

Дм. ЛЮБИМОВ

Впервые увидев эту небольшого роста, белокурую хрупкую на вид женщину, нельзя подумать, что в ней таится столько энергии, упорства и отваги. Лишь значок — белый купол на синем эмалевом фоне — говорит о том, что женщина эта — парашютистка.

Когда Елена Николаевна Владимирская рассказывает о парашютных прыжках, она оживляется и особенным светом загораются ее глаза. Вы видите перед собой страстную, увлекающуюся спортсменку. Без тени самолюбования ведет она рассказ о воздушных рекордах, завоеванных ценою многолетнего упорного труда.

...Стояла холодная октябрьская ночь. Над широкой приволжской степью разносился гул самолета, забравшегося высоко в ночное небо. В кабине находилось шесть советских парашютистов и среди них одна женщина — Елена Владимирская.

Приборы самолета показывали высоту, превышающую шесть тысяч метров. Было трудно дышать, нехватало воздуха. Каждое движение в тяжелой меховой одежде требовало больших усилий.

Вдруг в кабине вспыхнула красная лампочка — сигнал к прыжку.

— Пора, — сказал тренер команды Глеб Освальд и первым направился к двери. Он с трудом открыл ее и вывалился в темную бездну. Вслед за ним покинули борт машины и остальные парашютисты.

Владимирской не повезло. От огромной силы динамического удара купол парашюта при раскрытии порвался, и она камнем полетела к невидимой земле.

«Открыть запасной...» — мелькнуло в сознании. Но ранца аварийного парашюта на месте не оказалось. Рука Елены нащупала лишь уходящие куда-то стропы.

«Сорвало!..» — подумала она и инстинктивно взялась за стропы. Ранец с запасным парашютом висел где-то в ногах. С усилием подтянув его, Елена выдернула кольцо. Но парашют не раскрывался: стропы запутались. Они оттянули ноги, обхватили шею. Ценой неимоверных усилий Владимирская освободилась от пут. Купол запасного парашюта наполнился воздухом.

Все это произошло в течение нескольких мгновений. Только теперь, когда начался плавный спуск, парашютистка заметила, что меховые унты слетели и ноги замерзали...

Скорее бы земля!

Коснувшись твердой почвы, спортсменка села и огляделась. Вокруг простиралась незнакомая черная степь. Надо дать знать о себе. Как? Ракетница и патроны, находившиеся в кармане ранца запасного парашюта, улетели вместе с оторванным ранцем.

Владимирская попробовала встать на ноги. Свернула парашюты и взвалила их на плечи. Пересиливая боль в ступнях, она наугад пошла по степи. Вскоре, к счастью, парашютистка набрела на стог сена и зажгла костер, зная, что товарищи ищут ее.

Елену Владимирскую нашел в ту ночь колхозник из расположенной невдалеке сельскохозяйственной артели. Увидев костер в степи, он примчался на коне. Затем прибыли товарищи.

Тщательно изученные спортивными комиссарами барограммы и документы прыжка показали, что парашютисты покинули воздушный корабль на высоте 6680 метров. Это был новый всесоюзный рекорд ночного группового прыжка без кислородных приборов. Е. Владимирская — единственная женщина в мире, прыгнувшая ночью с такой высоты!

Еще не был официально утвержден результат выдающегося прыжка, а отважная спортсменка уже готовилась к новому рекорду. Вместе с группой мужчин-парашютистов Центрального аэроклуба СССР имени Чкалова Владимирская тренировалась к прыжку из нижних слоев стратосферы. Она совершила десятки дневных и ночных прыжков с различных высот. Не один час провела спортсменка в барокамере и в термобарокамере, приучая организм к разреженной атмосфере и пятидесятиградусным морозам.

И вот наступил желанный час. В ночь на 22 июня 1949 года с одного из аэродромов поднялся воздушный корабль, унося в заоблачные дали известных всей стране парашютистов П. Полосухина, К. Ерпичева, В. Кривого, С. Коробова, В. Доросева, В. Иванова, отважную спортсменку Е. Владимирскую.

В ту ночь был установлен выдающийся рекорд ночного группового прыжка с кислородными приборами. Спортсмены отделились от самолета на высоте 10 370 метров. Они показали высокое мастерство советских парашютистов. Этот прыжок на весь мир прославил русскую женщину Елену Николаевну Владимирскую.

Но слава пришла не сама: она далась упорной учебой и тренировкой...

...В 1934 году студентка второго курса Московского авиационного института Елена Владимирская пришла в аэроклуб. Здесь она научилась водить планер. Часто Елена с завистью поглядывала на разноцветные шелковые купола парашютов. Ей хотелось прыгать. Воля и настойчивость помогли ей стать парашютисткой.

— Уже после первого прыжка, — рассказывает Елена Николаевна, — я поняла, что парашютизм — не забава, что он требует повседневного творческого труда.

С тех пор прошло более пятнадцати лет. Инженер-конструктор Е. Н. Владимирская совершила 330 прыжков.

...Москва готовилась отметить знаменательную дату — свое 800-летие. Яркие осенние краски играли на деревьях леса, окружавшего один из подмосковных аэродромов. Делая круги над аэродромом, небольшой самолет упорно лез вверх. Гул мотора на минуту стих. Вскоре над летным полем показался белый купол парашюта. Это был еще один рекордный прыжок Е. Владимирской. Прыгнув с высоты 5840 метров, она пролетела с нераскрытым парашютом 86 секунд и только в 960 метрах от земли выдернула кольцо.

Из личных успехов рождались коллективные рекорды. В конце августа 1949 года знаменитые советские парашютистки Елена Владимирская, Надежда Есионова и Галина Пясецкая установили новый рекорд СССР. Они группой прыгнули с высоты 6200 метров и свободно падали 5119 метров. Для Е. Владимирской это был шестой всесоюзный рекорд, установленный ею в послевоенные годы. Каждый из них значительно превышает женские международные достижения по парашютному спорту.

— Нет предела возможности наших парашютистов, — говорит Владимирская.

Глубоко убежденная в этом, она продолжает искать новые пути к более высоким достижениям и находит их. Ей первой из спортсменок-парашютисток присвоено звание заслуженного мастера спорта.

Заслуженный мастер спорта Елена Владимирская.

Из прошлого русского спорта

Первые лыжные гонки в России

Лыжи известны в нашей стране с очень давних времен. Пользовались ими не только охотники, но и воины. В летописях XV века встречается упоминание о снаряжении в поход «лыжной рати». Однако лыжным спортом занялись в России только в конце прошлого века—гораздо позже, чем коньнобежным.

В одном из старых московских журналов можно встретить такое объявление:

«Кружок лыжников при Московском клубе велосипедистов устраивает 19 февраля 1895 года, на Ходынском поле, гонку на лыжах на 2 дистанции.

1. На 3 километра — 2,811 версты по нетронутому снегу.

2. На 1 километр — 0,937 версты по проложенному следу...

Призы состоят из жетонов, причем при трех участвующих выдан будет один приз, а при четырех и свыше — два приза».

Кружок этот возник осенью 1894 года. Несколько членов клуба велосипедистов решили держаться в спортивной форме и зимой, а для этого заниматься лыжным спортом. К ним примкнули и любители покататься на лыжах — не члены клуба.

Кружок начал свою работу с прогулок за город на 10—20 километров. Количество километров, пройденных за зиму каждым спортсменом, строго учитывалось. Тому, кто проделал наибольшее расстояние, выдавался приз.

И вот 19 февраля 1895 года кружок провел первые в России лыжные гонки. На Ходынском поле собралось несколько сот зрителей. В гонке на 3 километра участвовало пять лыжников, а на 1 километр — четыре. «Вследствие накануне выпавшего снега, — сообщает журнал того времени, — путь был весьма тяжел, так что все два номера (первый с одним поворотом) пришлось исполнять по проложенному следу...» Лучшее время на трехкилометровой дистанции было показано 18 минут 54 секунды, а на километровке — 5 минут 33 секунды.

Перед началом следующего лыжного сезона, осенью 1895 года, кружок был реорганизован в Московский клуб лыжников.

К этому времени он объединял около ста человек, среди которых были и женщины. Клуб располагал тремя лыжными станциями: у Тверской заставы, в Сокольниках и в Замоскворечье. Всю зиму клуб проводил загородные походы, во время которых уделялось внимание и чисто спортивным тренировкам — упражнениям в спуске с гор и в прыжках на лыжах с обрывов. Таким образом, уже в те времена зарождалось мастерство москвичей в слаломе и прыжках с трамплина. 28 января 1896 года на Ходынском поле были проведены вторые лыжные гонки — на этот раз на дистанции в 1 километр и... 1/4 километра.

В том же 1896 году лыжные гонки были устроены впервые и в Петербурге.

Спустя два года Московский клуб лыжников провел гонку на дистанции Малые Мытищи — Сокольники. Любопытно, что двое из участников соревнования прошли этот путь в одинаковое время — за 1 час 5 минут, — и вопрос о первенстве был разрешен между ними... жребием.

В 1901 году было создано Общество любителей лыжного спорта. К этому времени в Москве насчитывалось уже несколько сот лыжников.

Портрет

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки А. Каневского

Александр Иванович работал над большой картиной. Условно она называлась «Утро», но он знал, что если картина удастся так, как он ее задумал, название будет другое.

...Зима. Москва. Красная площадь. Инеем подернуты стены Кремля, розовеют чуть тронутые солнцем башни, блестят стрелки курантов. Много высокого, чистого неба, много воздуха.

И вот, окруженная этим московским воздухом, в левом углу картины, на переднем плане, стоит женская фигура, то есть она должна стоять, но ее пока еще нет. Есть какой-то неопределенный силуэт без лица, и это мучает и терзает Александра Ивановича.

Он так ясно видит, какой она должна быть! Он даже помнит ее! Безусловно, он когда-то зарисовывал это лицо, совсем юное, свежее и чистое, как яблоневый цвет, эти глаза: ясные, карие, по-детски широко раскрытые, любопытные...

Но кто эта девушка? Где он ее видел? Когда рисовал? И где рисунок?..

Александр Иванович, его жена Марья Трофимовна и Федя Ситников, ученик и самый преданный друг, роются в папках, альбомах и тетрадях. Александр Иванович говорит нетерпеливо:

— Машенька, зачем ты берешь альбом с надписью «Казахстан, верблюды»? Там же не может быть этой девушки!

Марья Трофимовна упрямо и молча перелистывает альбом.

— А это что? — сдержанно-торжествующе спрашивает она.

Художник немного сконфужен:

— Твой портрет?.. Гм... да... не представляю, чем я руководствовался, когда сунул тебя к верблюдам...

Но теперь всем ясно, что нужно искать во всех папках, не считаясь с надписями «Урал», «Алтай», «Владивосток».

— Уж правда,— писали — не гуляли,— говорит Федя, перебирая наброски и этюды.

Вот девушка в высоких резиновых сапогах, а кругом целые горы выловленной рыбы. Прекрасная девушка, но не та... Другая, в меховой шапке-ушанке, с ружьем за плечами; у ее ног, обутых в расшитые унты, мягкий ворох добытых за день белок. Красивая, смелая девушка, но тоже не она. Еще одна,— выглядывает из окна паровоза и смеется. Это машинист. Очень простое, привычное слово «машинист», но только подумать, что эта совсем молодая девушка с ямочками на круглых щеках ежедневно несет ответственность за тысячи жизней!..

— Знаете, Александр Иваныч,— неодобрительно говорит Федя Ситников,— уж очень вы разборчивы, честное слово! Любая из этих девушек не то что придется к месту, а, простите меня, даже украсит вашу картину. Чего вы ищете, я не понимаю!

— Яблоневый цвет,— рассеянно отвечает художник.— Эти девушки прекрасны, но они уже строительницы, хозяйки жизни, а та, Федя, голубчик, та еще дитя, милое, веселое, удивленное дитя. Если она придет ко мне в картину, встанет на фоне заснеженной площади в оранжевом дубленом полушубке с кудрявой опушкой, в черных чесанках, в пуховом платке на голове,— встанет и своими детски счастливыми глазами поглядит на Кремль... Да ты знаешь, как я тогда назову свою картину?

— Ну? — Феде Ситникову передается волнение Александра Ивановича.

— Я назову ее «Здесь живет Сталин»... Понимаешь?

— Да, — задумчиво говорит Марья Трофимовна.— Это в самом деле может получиться очень хорошо.

— Еще бы! — восклицает Александр Иванович.— Она смотрит на Кремль, и в глазах у нее и удивленье, и восторг, и мечта: вот, мол, лет через пять, может быть, и я стану знатным человеком и я побываю там, в Кремле...

— Колхоз «Счастливый век» здесь искать? — спрашивает Марья Трофимовна, развязывая тесемки серой папки.

На первом листке голова старика: под высоким покатым лбом зоркие глаза, толстый нос, а под ним воздушная, облачной чистоты и легкости белая борода. За портретом старика следует набросок — группа мальчиков на реке возле гидроэлектростанции. Подпись — «Выстроена в 1949 году». Еще листок — пожилая женщина, повязанная косынкой в горошек, с очень довольным лицом. Рядом большая пестрая голова коровы с задумчивым взглядом и длинными ресницами. Подписано: «Тетя Глаша и «Карамель» — рекордистка».

И наконец...

— Она! — вскрикивает Александр Иванович и выхватывает папку из рук жены.

Все трое склоняются над листком ватмана. На них простодушно смотрит милое девичье лицо. Рот слегка приоткрыт в улыбке, кажется, что он вот-вот проговорит: «Что это вы на меня уставились? Ничего во мне нет особенного. Такая, как все...»

Под рисунком нет ничего, кроме даты: «Июнь, 49 г.».

— Маша! — нетерпеливо обращается художник к жене.— Маша, где я был в июне прошлого года? Ну, скорей!

Марья Трофимовна морщит брови, припоминая.

— Четвертого июня ты удил рыбу на Пахре... и простудился. И из-за тебя мы вместо Рижского взморья, где было дождливо, поехали в...

— Вспомнил! Все вспомнил! — обрадовался Александр Иванович.— Мы поехали в Медовое, а в Медовом познакомились с дедом Петром Никитичем, который у меня вот тут вот! — он вытаскивает портрет старика с облачной бородой.— И он сманил нас к себе в «Счастливый век» ловить окуней. Едем!

— Куда это?—удивляется Марья Трофимовна.— За окунями?

— Едем, Александр Иваныч!— поддерживает Федя Ситников, который всегда понимает учителя с полуслова.

Пока Марья Трофимовна укладывала белье в чемодан, а Федя Ситников звонил на вокзал и упаковывал в ящик краски, кисти и карандаши, Александр Иванович ходил по квартире и пел: «Сборы бы-ли не долги, от Куба-ани и Волги...»

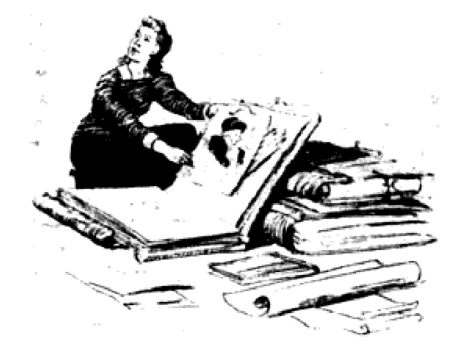
Полсуток они ехали в поезде. Александр Иванович с аппетитом поедал домашние пирожки и ватрушки и все время говорил Феде Ситникову:

— Ты только представь себе, Федор, она так удивленно, так очарованно смотрит перед собой, как будто в первый раз видит мир здесь, на Красной площади, посреди Москвы, и думает...

— Там, на месте, видно будет, о чем она думает,— отвечал Федя Ситников. — Может быть, она такой несусветный лодырь, что колхозная общественность воспротивится вашему намерению увековечить ее. И предложат вам написать портрет тети Глаши или деда Петра Никитича, потому что они всеми уважаемые граждане...

Станция, на которой они торопливо выскочили — поезд стоял одну минуту,— была маленькая, белая, опрятная, с елками в палисаднике. Над боковой дверью, видное издали, висело кумачовое полотнище с надписью «Агитпункт».

— Вот и хорошо,— сказал Федя Ситников,— вы посидите в агитпункте, а я пойду насчет транспорта.

Он внес чемодан и ящик с красками, усадил Александра Ивановича на деревянный диван, а сам вышел на улицу.

За станцией, у коновязи, стояла крупная гнедая лошадь, запряженная в розвальни, и неспеша жевала сено.

— А твой хозяин где? — дружелюбно обратился к лошади Федя Ситников.

— Хозяин — вот он! — послышался густой голос, и к Феде подошел колхозник в тулупе нараспашку.

— О! Петр Никитич! — радостно приветствовал его Федя.

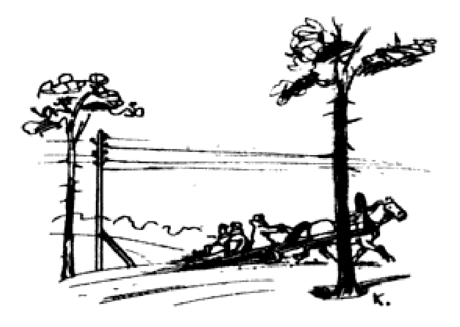
Он никогда не видал старика, но узнал его сразу по воздушной бороде. Что же касается носа, то он был Александром Ивановичем значительно и напрасно преувеличен.

— Он самый и есть,— подтвердил старик,— только вас я что-то не признаю.

— Идемте! — сказал Федя Ситников. — Сейчас вы встретитесь с вашим приятелем-рыболовом!

Действительно, при встрече оба они очень обрадовались — колхозник и художник — и долго трясли друг другу руки.

— Не ждал вас зимой, Александр Иваныч! — сказал старик.— Нешто подледным ловом займемся? Лунки продолбим, мотылем подкормим...

— Это бы хорошо! — с удовольствием произнес Александр Иванович. — Это бы очень хорошо, но это — не главное. А главное вот что...

Он подробно рассказал о цели своего приезда и добавил озабоченно:

— Никитич, мне в этом деле надо помочь. Ведь я ни имени ее не знаю, ни кто она такая. Увидел как-то, сидят девчата на меже, отдыхают, а кругом сорняки накиданы, свеклу пололи, я и попросил: посидите, я вас зарисую! Они еще посмеялись: «Ай больно хороши?» «Хороши,— говорю,— лучше всех!» А где теперь ее искать?

— Зарисовочка с вами? — спросил Никитич.

Федя Ситников раскрыл чемодан, достал папку и вынул листок с наброском.

Никитич далеко отставил листок, поглядел, улыбнулся с довольным видом:

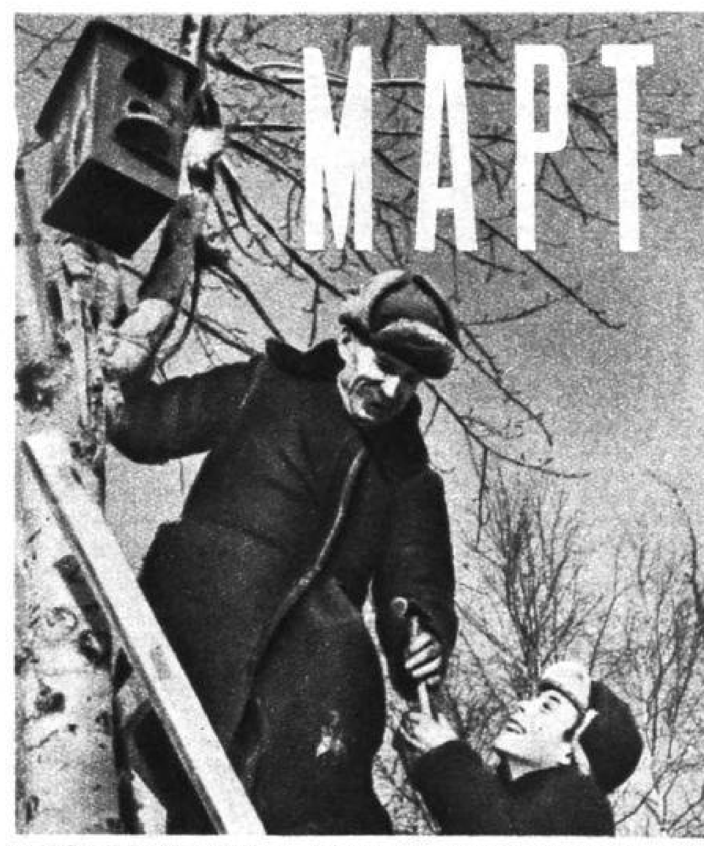
— Она.

— Узнал? — обрадовались оба художника.

— А как же! — значительно сказал Никитич. — Как же не узнать?! Человек очень даже всем известный. Да вот...

Он указал пальцем на стену. Федя подбежал первый и стал читать вслух краткую биографию под портретом кандидата в депутаты:

— ...Елена Васильевна... тысяча девятьсот двадцать шестого года

МЕСЯЦ ПРОТАЛИН

Ослепительно сверкает снег, на снегу лежат синие тени, с ветвей летит блестящая капель, такой свет, такое солнце, что даже смотреть больно. Все говорит о близкой весне: на дворе — март.

Март — последний месяц с отрицательной температурой. В среднем, она немного не достигает пяти градусов, но крепкие морозные утренники еще дают себя знать, пока не поднимется солнце. С каждым днем оно поднимается все выше и выше, все дольше остается на небе.

17 марта по народному календарю «Герасим-грачевник грачей пригнал», а фенологи средний срок их прилета, с которого они считают начало весны, относят на 19 марта.

В средней полосе России весну начинают грачи, в Сибири — галки, за Полярным кругом — вороны, а еще севернее, на Земле Франца-Иосифа, первыми появляются маленькие пуночки.

Везде — по городам и селам — школьники и взрослые любители развешивают птичьи домики: 30 марта обычно прилетают веселые, шустрые скворцы, а за ними, волна за волной, летят другие птицы, торопясь к родным местам.

Мухи, еще сонные и слабые, выползают греться на солнце. Проталины увеличиваются, их становится все больше, громко звенят ручьи, и народный календарь отмечает 30 марта — день «Алексея — с гор потоки», но снег, источенный солнцем, еще лежит, и реки скованы льдом.

А на юге Союза — в полях, садах и виноградниках — во-всю кипит горячая работа.

Б. М.

Как вы это объясните?

УДИВИТЕЛЬНАЯ ВОДА

В заводской лаборатории на льду стояла сильно охлажденная медная кастрюля. Я взял стоящий рядом бидон и перелил его содержимое в кастрюлю. Холодная, прозрачная, светлоголубая, как вода, жидкость, попав в кастрюлю, стала бурно кипеть и испаряться, словно вода, вылитая на раскаленную плиту.

ГИРЬКА И ПУШИНКА

Щит находился от нас на расстоянии примерно в триста метров. Я бросил в него свинцовую гирьку, а мой товарищ, одновременно, — пушинку.

Обе попали в цель, но пушинка — как будто даже раньше.

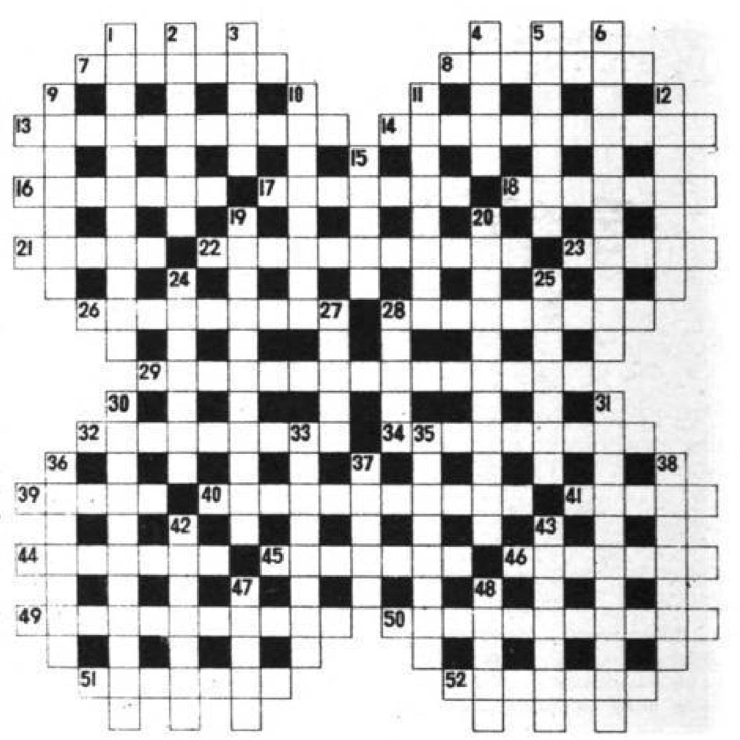
Что изображено на этих снимках?

Фото С. Иванова

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Передовая позиция. 8. Литературное произведение. 13. Громкоговоритель. 14. Сообщение, переданное по подводному кабелю. 16. Отряд. 17. Детеныш льва. 18. Город в Заполярье. 21. Значение. 22. Общественное учреждение. 23. Площадка, засеянная травой. 26. Лепешка из творога. 28. Знаменитый русский актер. 29. Охрана здоровья населения. 32. Режиссерское оформление спектакля. 34. Окаймление кантом. 39. Стремление. 40. Машина в сахарном производстве. 41. Морское животное. 44. Слой коры березы. 45. Горная вершина. 46. Увеличение. 49. Советчик. 50. Жизненная энергия. 51. Музыкальный инструмент. 52. Двигатель.

По вертикали:

1. Дружеское единение. 2. Углубление. 3. Болотная трава. 4. Рыба. 5. Народная республика. 6. Обеспечение от возможного ущерба. 9. Математический термин. 10. Сорт капусты. 11. Вид местности. 12. Советский шахматист. 15. Столица народной республики. 19. Правовое положение гражданина. 20. Искусство изготовления взрывчатых составов. 24. Типографский термин. 25. Представитель северной народности. 27. Норма. 28. Южное растение. 30. Советский поэт. 31. Опыт. 33. Защитный покров некоторых животных. 35. Клей. 36. Участник «Молодой гвардии». 37. Ядро кокосового ореха. 38. Учащийся. 42. Город в Донбассе. 43. Отверстие во льду. 47. Высокая ограда. 48. Наркотическое средство.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

1. Корреспонденция. 10. Багор. 11. Капри. 12. «Демон». 13. Дурова. 15. Специя. 17. Титан. 20. Гнейс. 22. Аллегория. 23. Албания. 25. Изобара. 26. Новиков. 29. Изотов. 30. Нептун. 32. Филин. 33. Отвес. 34. Эльтон. 35. Фабула. 36. Ряска. 39. Форма. 40. Реверс. 42. Аннета. 43. Новелла. 44. Тоннель. 46. Татарск. 48. Сталактит. 50. Рояль. 51. Музей. 52. Лампас. 54. Оттиск. 56. Штурм. 57. Офсет. 58. Керза. 59. «Прозаседавшиеся».

По вертикали:

2. Отряд. 3. Ремарка. 4. Прага. 5. Нерис. 6. Нотация. 7. Индия. 8. Масштаб. 9. «Рогнеда». 14. Волков. 16. Перрон. 17. Трансформатор. 18. Нанкин. 19. Огниво. 20. Гродно. 21. Станиславский. 24. Ярославль. 25. Интеллект. 26. Ноктюрн. 27. Вербена. 28. Клест. 31. Свирь. 37. Артель. 38. Трепак. 39. Фантом. 41. Соната. 42. Алитет. 45. Ненсыть. 47. Разъезд. 48. Симбиоз. 49. Тбилиси. 52. Лемур. 53. Суфле. 54. Омела. 55. Кокос.

ПОРТРЕТ

(Окончание.)

рождения... Герой Социалистического Труда... в таком-то году окончила школу-десятилетку... агрономические курсы...

Дальше он уже не мог читать. Он обернулся к Александру Ивановичу, чтоб полюбоваться эффектом, и, удерживаясь от смеха, проговорил:

— Девочка, которая в первый раз видит мир! О-о-о! Девочка, которая мечтает через 25 лет стать знатным человеком!

— Я говорил через пять, а не через двадцать пять, — растерянно сказал Александр Иванович. — Да! Но что же теперь делать? Ведь это — не то, понимаешь? Не та девушка! Посмотри на фотографию — какой взгляд смелый, зоркий! Та была удивленное дитя, а эта... будущий государственный деятель. Что же делать?

Федя Ситников рассердился:

— Ну и ищите себе удивленное дите! Кстати, она как раз в это самое лето сорок девятого года стала Героем Труда! Вы, Александр Иваныч, красоту жизни не чувствуете!

— Это я-то не чувствую красоту жизни?!

— Ну, так как же? Едем? — спросил Никитич.

— Конечно, едем! — торопливо сказал Александр Иванович.

Сидя рядом в розвальнях, на соломе, вытянув ноги, они ехали, глядели по сторонам и дышали воздухом, холодным и чистым, как ключевая вода, которую хочется пить и пить, и никак не оторвешься. Белое поле блестело на солнце. Въехали в сосновый лес, по-зимнему тихий и торжественный, где под деревьями лежали нетоптанные круглые сугробы.

Федя Ситников засмеялся:

— Итак, учитель, кого же мы с вами будем тут рисовать?

— Ты — не знаю, — сказал Александр Иванович, — а я — портрет будущего депутата. Это — именно то, что я искал для своей картины. По-моему, совершенно ясно!

Главный редактор — А. А. СУРКОВ. Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 00852. Подписано к печати 1/III — 50 г. Изд. № 143. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 539. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

„Главконсерв"

ЗЕЛЕНЫЙ ГОРОШЕК

Зеленый горошек

Употребляется для приготовления салата
и как лучший гарнир к мясным и рыбным блюдам

Цена номера 3 руб.
20